

Terra
scimus.

2022/(IV)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Центр языкового менеджмента и коммуникационного маркетинга ИГН
Центр обучения Восточных и Европейских Языков ЭЛИТ
Институт гуманитарных наук

Terra scimus

Выпуск IV

**Современный ориентальный экзистенциализм:
образовательный, лингвистический и медийный аспекты**

Сборник трудов узбекистанских и российских исследователей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 800(063)
ББК 81.002я43
Т 11

Главный редактор: Н.В. Халина, д-р филол. наук, профессор кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, Почетный работник высшей школы РФ.

Выпускающий редактор: Н.Н. Пивкина, канд. филол. наук, доцент НИУ МЭИ.

Редакционная коллегия:

Denis Cunningham AM FACE, Managing Director, DACE Services, Lingupax Advisory Board Member FIPLV Honorary Former President & Secretary General Fédération Internationale des Professeurs de Langues Vivantes (FIPLV) (Австралия).

Авдеева Т.Ю., канд. филол. наук, директор Центра обучения Европейских и Восточных языков Elite, эксперт ЕГЭ по испанскому языку в Алтайском крае (зам. главного редактора) (Россия).

Мицумори Ю., представитель Japan Foundation (Япония).

Мансков С.А., канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета, Директор Детского технопарка Алтайского края (Россия).

Хираи Тоши, руководитель Международной школы балета S&N, Токио (Япония).

Ли Сеонг Ван, преподаватель Корейского религиозного университета (Южная Корея).

Чханг Кионгджун, преподаватель Корейского религиозного университета (Южная Корея).

Пивкина Н.Н., канд. филол. наук, доцент НИУ МЭИ (Россия).

Валюлина Е.В., канд. филол. наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета (Россия).

Жеребненко А.В., доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета (Россия).

Т 11 Terra scimus: Современный ориентальный экзистенциализм:

образовательный, лингвистический и медийный аспекты : сборник трудов узбекистанских и российских исследователей / под ред. Н.В. Халиной ;

Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Вып. IV – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, – 144 с.

ISBN 978-5-7904-2628-5.

В четвертом выпуске издания «Terra scimus» получили отражение новые направления научных разработок лаборатории «Центр языкового менеджмента и коммуникационного маркетинга», касающиеся интеграции теоретического ориентального языковедческого знания и проблематики образовательного и медийного дискурсов.

УДК 800(063)
ББК 81.002я43

ISBN 978-5-7904-2628-5

© Коллектив авторов, 2022

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Раздел 1. Картины мира, текстовые скрипты. World Pictures, text scripts	9
Pivkina N. N. The linguization of the Turkic human capital in the space of the Turkic-speaking world.....	10
Халина Н.В., Тураходжаева Р. К. Лингвистический комментарий и тщательное прочтение художественного текста как способы формирования бытийного пространства личности при обучении РКИ.....	15
Низамутдинов Т. М. Особенности психологизма в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	25
Сиддикова И. И. Классификация архетипов в романе Фазиля Искандера «Сандро из Чегема».....	29
Липатова Е. В. Способы образования военной терминологии в романе Д. Гранина «Мой лейтенант».....	33
Усманова С. Ю., Мирзаева Ш.Р. Лексикографическое описание видов глагола в двуязычных словарях.....	38
Раздел 2. Лингвистические аспекты межкультурных контактов. Linguistic aspects of cross-cultural contacts	43
Авдеева Т.Ю. Лингвистический сегмент языков Горного Алтая.....	44
Злобина Ю.И. Русский язык в Восточной и Центральной Азии: проблемы и перспективы.....	52
Атавуллаева С. Ж. Зикратов В. В., Кадырова З. А. Система изучения синтаксических конструкций в национальной аудитории.....	58
Хайдарова Г. Ю., Маматова Ш. Н. Применение специальной лексики при работе над словосочетаниями.....	63
Зикратов В. В., Курбаниязова Д. С. Диагностический инструментарий изучения методической компетентности учителей-русистов (на примере школ Самаркандской области).....	67
Халина Н.В., Османова Т. В., Абдуллаева А. С. Этикет русской эпистолярной культуры: обучение русскому языку как иностранному в аспекте формирования языкового вкуса.....	72
Avdeeva T. U. The principles of studying the japanese language as a part of the altay family etymological language nests.....	80
Раздел 3. Новая → 'медийная' ← реальность: языковые трансформы →→ когнитивная пластичность New → 'media' ← reality: language transforms →→ cognitive flexibility	85
Зубайдуллаев И. А. Ислам в современном медиапространстве.....	86
Халина Н.В. Турецкий языковой менеджмент: трансформация архитектоники этнического языкового сознания прошлого столетия и современные медийные реалии.....	90
Проскурин Е.Г., Белоусова В.С., Халина Н.В. Медиальная семантика: формирование семантического знания о тюркском мире в электронных англоязычных СМИ.....	114
Халина Н.В. Турецкая лингвокультура: типологическая локализация и формы темпорально-коммуникативной актуализации.....	130

Предисловие

Очередной выпуск издания «Terra scimus» посвящен актуальным проблемам ориентального языкового существования и языкового менеджмента, которые объединены в рамках комплексной темы современного ориентального экзистенциализма.

Как философское направление экзистенциализм рассматривается, прежде всего, в контексте европейского концептуального дискурса и отрефлексиrowавшего на него американского дискурса. Уильям Баррет¹, анализируя особенности современной философии, отмечает преимущественно ее американскую форму существования, для которой более естественна академическая, а не жизненная среда бытования. Фундаментальные реалии человеческой жизни, которые обсуждает экзистенциализм – смерть, тревога, анонимность, скука, выбор, свобода, любовь, вина – не являются преобладающими концепциями в американской академической философии на сегодняшний день. Американские философы предпочитают обсуждать концепции, относящиеся к науке, логике, знанию, эксперименту; концепции же экзистенциализма рассматриваются как концепции, имеющие чисто литературное существование, в какой-то степени излишние для повседневной реальности современного человека.

Неприятие экзистенциальных концепций, как считает У. Баррет, свидетельствует о том, «насколько далеко зашла одна особая традиция среди интеллектуальной элиты нашего общества, склонная ставить знания выше жизни. Наша технологическая цивилизация все больше и больше склоняется к почитанию эксперта, и по мере того, как философ ассимилируется со своей цивилизацией, он все больше и больше стремится оправдать свое собственное профессиональное существование высокой технической компетентностью в специальных проблемах логики и философского анализа. Все это необходимо, и все же его прискорбный результат заключается в том, что значительная часть современной философии имеет тенденцию отрываться от жизни. И точно также вполне естественно, что на экзистенциализм, который борется с этой тенденцией, многие американские философы смотрят косо».

В XX веке наиболее значимыми философами-экзистенциалистами У. Баррет признает немецких профессоров Мартина Хайдеггера, Карла Ясперса и испанского философа Хосе Ортегу-и-Гассета, описавшего свою философию как философию “жизненного разума”.

Если обращаться к литературе, то экзистенциальные темы рассматриваются у Л. Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Более того, У. Баррет считает, что для понимания того, в чем заключаются корни экзистенциализма, возможно, удобнее было бы обратиться не к заумному философскому тексту, а к литературному произведению, в котором представлено более простое и прямое понимание соответствующих проблем. «Великий рассказ Толстого "Смерть Ивана Ильича" к этому времени стал чем-то вроде основного священного писания для экзистенциалистской мысли», - пишет У. Баррет. Беспорядок в современном человеке, о котором говорит Толстой, - беспорядок в нерациональных, или

¹ Barret W. What Existentialism Offers Modern Man A Philosophy of Fundamental Human Realities

иррациональных, частях человеческого существа. Экзистенциализм стремится разобраться с этими иррациональными сторонами человеческого существования и, тем самым, дает самому разуму новое место в человеческой иерархии. В этом убежден У. Баррет, и он убеждает своего читателя в необходимости обращения разума к происходящему в повседневной жизни, к осмыслению этого происходящего, а, следовательно, в актуальности и непреходящей своевременности экзистенциалистских концепций.

Интересный вариант кросс-культурного экзистенциализма предлагает Лия Калмансон². По оценке Эрика Нельсона³, ее кросс-культурный экзистенциализм – это оригинальная и провокационная интерпретация экзистенциалистских тем и мотивов, проходящих через классический и современный восточноазиатский буддизм (fojiao 佛教) и конфуцианство (Rujia 儒家). Истоком для книги являются экзистенциальные вопросы, касающиеся осмысленности и смыслообразующих практик, как это сформулировано в европейском экзистенциализме и постэкзистенциализме. Автор прослеживает, как эти вопросы решаются и могут решаться в их собственных терминах в дхармических и конфуцианских дискурсах династии Сун о карме (ye 業), жизненной силе (ци 氣) и ритуальных приличиях (ли 禮).

Очевидными становятся различия между парадигматическими западными экзистенциалистскими философскими концепциями с их уникальными интерпретационными стратегиями, касающимися свободы, вины, смерти и тревоги, и экзистенциальной тематикой, которая играет значительную роль в рассматриваемых восточноазиатских философиях. Экзистенциализм означает определенный стиль философствования относительно существования, а не конкретную концепцию существования.

В отличие от существования как брошенности, требующей радикальной свободы и индивидуации у Кьеркегора и Сартра, и этоса подлинности, предлагаемая Калмансон переориентация экзистенциализма касается замещения категорий европейской экзистенции категориями восточной экзистенции; забота (вы 憂) вместо беспокойства, серьезность (цин 敬) вместо абсурда, неподвижность (цин 靜) вместо отчуждения, искренность (чэн 誠) и спонтанность (зиран 自) вместо подлинности и свободы. Этот сдвиг влечет за собой изменение самого понятия существования и особую онтологию или метафизику, которая требует своего метаязыка описания и формирования соответствующих парадигмальных установок.

Устремленность к пониманию принципов восточной экзистенции, погружение в накопленное на протяжении веков духовное богатство были свойственны европейской художественной культуре и философии. Так, И.Ф. Гете в своем творчестве обращался к иудейскому миру, арабскому Востоку, Персии, Китаю, Индии как к источникам новых знаний и впечатлений.

² Kalmanson L. Cross-Cultural Existentialism: On the Meaning of Life in Asian and Western Thought.. London and New York: Bloomsbury Academic, 2020. – 194pp.

³ Nelson Eric S. Existence, Emptiness, and Qi: Leah Kalmanson's Cross-Cultural Existentialism." pre-publication version, see published issue for final version: Philosophy East and West 72.1, January 2022. – pp. 278-289

В письме И. Котте Гете пишет о восточной поэзии, не забывая о поэзии турецкой (поэтических произведениях тюркоязычных авторов, которых принято было именовать «турецкими»): «Кроме Хафиза, я вообще уделил внимание восточной поэзии и литературе, начиная с Моллаката и Корана и кончая Джамии, даже и турецкие поэты не оставлены без внимания. Кроме того, я думаю о том, чтобы поставить каждому в своем роде памятник, самым выдающимся мужам из числа тех, кому столь многим обязана восточная литература».

В Указателе, который был предназначен для будущих читателей «Дивана», Гете выделяет пункт «Узбеки» (ЗВД,342)⁴. К. Бабаджанова в стихотворениях и статьях «Западно-восточного дивана» находит описание узбекской действительности в виде культурно-исторического и художественно-эстетического наследия и связанных с ним литературных фактов и событий. «В поэтическом и прозаическом тексте «Дивана» упоминаются названия древнейших узбекских городов, которые напрямую связаны с античным Востоком - это древняя Бухара, сохранившая до сих пор в своем облике черты далеких времен, это Самарканд, центр Согдианы, которая, по словам П.Левека, была «Элладой Узбекистана», это «античный Хорезм» - так называет этот узбекский город в научных работах известный русский историк и археолог С.П. Толстов», - пишет К. Бабаджанова.

Научные труды современных исследователей «Эллады Узбекистана», Самарканда, публикуются в новом выпуске «Terra scimus», в содружестве с работами российских исследователей Барнаула и Москвы.

Основной проблематикой, которая объединила результаты научного творчества ученых Узбекистана и России, стала проблематика современного ориентального экзистенциализма - анализ реалий жизни, актуальных для исследователей в области образования, лингвистики и медийной коммуникации. Стремясь оправдать свое собственное профессиональное существование, авторы исследований обращают внимание на наиболее значимые для профессионального дискурса темы: преподавание языка в поликультурной среде, формирование профессиональных компетенций, онтогенез и праксеогенез тюркской языковой и коммуникативной культуры, оценка состояния медийной среды с позиций языкового менеджмента.

Представленные результаты исследований систематизированы в трёх разделах: Картины мира, текстовые скрипты. World Pictures, text scripts (Раздел I), Лингвистические аспекты межкультурных контактов. Linguistic aspects of cross-cultural contacts (Раздел II), Новая → 'медийная' ← реальность: языковые трансформы →→ когнитивная пластичность New → 'media' ← reality: language transforms →→ cognitive flexibility (Раздел III).

Содержание первого раздела составили работы Н.Н. Пивкиной, Н.В. Халиной, Р.К. Тураходжаевой, И.И. Сиддиковой, Е.В. Липатовой, С.Ю. Усмановой, Ш.Р. Мирзаевой. В работах обсуждаются темы, касающиеся оязыковлени тюркского человеческого капитала, способов формирования бытийного пространства личности при обучении РКИ, особенностей психологизма Ф.М. Достоевского,

4 Бабаджанова К. Узбекские реалии в "Западно-восточном диване" Гете. [Электронный ресурс] - URL: https://kultura.uz/view_9_r_15545.html (Дата обращения: 24.02.2022).

романных архетипов, презентации грамматических категорий в двуязычном словаре.

Во второй раздел вошли статьи Т.Ю. Авдеевой, Ю.И. Злобиной, С.Ж. Атавуллаевой, В.В. Зикратова, З.А. Кадыровой, Г.Ю. Хайдаровой, Ш.Н. Маматовой, Д.С. Курбаниязовой, Н.В. Халиной, Т.В. Османовой, А.С. Абдуллаевой. В своих статьях авторы обращают внимание на языки Горного Алтая, принципы обучения японскому языку, преподавание русского языка в Центральной и Восточной Азии, применении специальной лексики в процессе обучения языку, изучение методической компетенции учителей-русистов, обучение РКИ в аспекте формирования языкового вкуса.

В третий раздел включены статьи И. А. Зубайдуллаева, Е.Г. Проскурина, В.С. Белоусовой, Н.В. Халиной. Актуальными темами рассмотрения в статьях этих авторов становятся темы ислама в современном медиапространстве, проблемы функционирования турецкой лингвокультуры, специфики турецкого языкового менеджмента, медиальной семантики.

Авторы исследований, представленных в четвертом выпуске "Terra scimus" сделали первые шаги в направлении разработки достаточно перспективной темы современного ориентального экзистенциализма, нацеленного на изучение проблем современной жизни, экзистенциальных вопросов, касающихся осмысленности и смыслообразующих практик, формирующих когнитивные модели и языковое сознание человека эпохи дигитализированных трансформаций.

Главный редактор

Наталья Халина

Раздел I.

Картины мира, текстовые скрипты

Section 1

World Pictures, text scripts

Nadazhda Pivkina
National Research University 'MPEI'
Russia, Moscow

THE LINGUIZATION OF THE TURKIC HUMAN CAPITAL IN THE SPACE OF THE TURKIC-SPEAKING WORLD

Abstract. The article discusses the concept of Turkish human capital and its linguistics in the Turkish-speaking world. The inclusion of such an element as social identity in the structure of the Turkic human capital expands the contingent of people, uniting not only those who live in one of the countries of the Turkic world, but also everyone living in Turkic-speaking countries. The process of integration interaction of the Turkic-speaking states and the process of formation of the "Turkic identity" as a component of human capital in the post-Soviet Turkic-speaking states developed in parallel. From the point of view of the language component, the situation is more complicated. In order to counteract linguistic assimilation, it is necessary to increase the importance of Turkic languages by creating and introducing a common Turkic language that would be close to all Turkic languages and expanding cooperation between Turkic peoples in linguistic and cultural spheres, including the rapprochement of Turkic languages with each other.

Keywords: human capital, Turkic world, linguistic norms, Turkic languages, Turkic identity.

Надежда Николаевна Пивкина
Национально-исследовательский университет «МЭИ»
Россия, Москва

Аннотация. В статье рассматривается понятие турецкого человеческого капитала и его оязыковление в турецко-говорящем мире. Включение в структуру тюркского человеческого капитала такого элемента, как социальная идентичность, расширяет контингент людей, объединяя не только тех, кто живет в одной из стран Тюркского мира, но и всех, проживающих в тюрко-говорящих странах. Процесс интеграционного взаимодействия тюркоязычных государств и процесс формирования «тюркской идентичности», как составляющей человеческого капитала в постсоветских тюркоязычных государствах развивались параллельно. С точки зрения языковой составляющей ситуация более сложная. В целях противодействия языковой ассимиляции необходимо повышать значимость тюркских языков путем создания и внедрения общетюркского языка, который был бы близок ко всем тюркским языкам и расширения сотрудничества между тюркскими народами в языковой и культурной сферах, включая сближение тюркских языков друг с другом.

Ключевые слова: человеческий капитал, Тюркский мир, языковые нормы, Тюркская идентичность.

The concept of human capital is considered in different contexts today. Economists argue that the problems of human capital began to stand out in a separate direction of world political science in the second half of the twentieth century [1]. The term "human capital" was first used by T. Schultz: "Every person is born with an individual set of genes

that determine his innate abilities. The valuable qualities acquired by a person, which can be enhanced by appropriate investments, we call human capital" [2, p.45]. As noted by A.A. Ermolenko, today an expansive interpretation of the concept of human capital is generally accepted. The definition of human capital includes the following components: "manifests itself in the form of knowledge, abilities, working and managerial skills", "does not undergo physical wear", "accumulates and continues continuously", "is invested in a particular person" [3]. The problems and issues of human capital development are reflected in the works of both classics and modern scientists from near and far abroad. The English economist, the founder of the English classical economic thought W. Petty was the first to make an attempt to quantify human capital. He called human capital both the person himself and his useful qualities. A. Smith, a classic of economic theory, considered a person not only a drain, but also a part of social wealth [4]. Unlike U. Petty, in the concept of the value of human capital, he included mainly the able-bodied population of the country. J.S. Mill argued that production is formed by two elements: physical and mental labor, as well as proper natural objects of its application [5].

The inclusion of such an element as social identity in the structure of human capital expands the contingent of people, uniting not only those who live in one of the countries of the Turkic world, but also everyone living in Turkic-speaking countries.

The Turkic identity, which became the leading motive for holding summits of the heads of Turkic-speaking states at the dawn of the post-Soviet era, actually laid the foundation for Turkic interstate integration. That is, the process of integration of the Turkic-speaking states and the process of formation of the "Turkic identity" in the post-Soviet Turkic-speaking states developed in parallel. From the point of view of the language component, the situation looks more complicated. Neither the geographical proximity nor the largely shared historical fate caused by it provided the level of linguistic proximity at which the existing differences could be ignored [6].

Speakers of Turkic languages belonging to four independent groups of Turkic languages live on the territory of four Turkic-speaking states of Central Asia. At the same time, when compared with the "other", which may be Russian, Chinese or Farsi in relation to the Turkic languages, the question of the identity of the Turkic languages should be answered in the affirmative. As part of this initiative, Astana (Kazakhstan) became the first cultural capital of the Turkic world in 2012. In subsequent years, the cities of Eskisehir (Turkey) in 2013, Kazan (Tatarstan, Russia) in 2014, Mary (Merv) (Turkmenistan) in 2015, Sheki (Azerbaijan) in 2016, Turkestan (Kazakhstan) in 2017, Kastamonu (Turkey) in 2018, Osh (Kyrgyzstan) in 2019 were awarded the title "Cultural Capital of the Turkic World". The city of Khiva (Uzbekistan) was named the cultural capital of the Turkic world in 2020. Thus, all the Turkic-speaking states of Central Asia, including Turkmenistan, which is indifferent to the majority of common Turkic initiatives, were involved in a unifying process that forms the internal identity of the group, limited by the boundaries of the Turkic world, in other words, in the process of forming a collective Turkic identity and the linguization of human capital of the capital of the Turkish-speaking world [6].

Among such large Turkic peoples as Kazakhs, Tatars, Kirghiz, the problem of knowing their native language is quite acute. The situation is complicated by the fact that Russian, Chinese and Persian are languages with a wide geography and number of speakers, a rich cultural and scientific past and importance, international significance, official use and state support, and it is too difficult for small Turkic languages to compete with them.

In order to counteract linguistic assimilation, it is necessary to increase the importance of Turkic languages by creating and introducing a common Turkic language that would be close to all Turkic languages and expanding cooperation between Turkic peoples in linguistic and cultural spheres, including the rapprochement of Turkic languages with each other.

The introduction of the common Turkic language is not only a matter of Turkic nationalism, because not only the Turkic world, but all mankind will benefit from its adoption. The majority of the rural population in the Turkic countries does not speak any of the regional languages, and has no opportunities to study them, and the introduction of a regional language close to the spoken language in the region contributes to educational and cultural progress, will simplify the communication problem not only within the region, but also between the region and the outside world, will be a step towards globalization through regionalization [7]

The importance of a language is largely determined by what opportunities it opens up. Currently, in order to get a good education and information, representatives of the Turkic peoples need to learn other regional languages. The creation of a common language that would allow storing information not of one, but of all Turkic peoples, would make it possible to do more with this language, which would also be native to all Turks.

The proximity of the Turkic languages creates huge opportunities for the Turkic peoples for the linguization of human capital, which are not just not used, but are lost over time. The creation and introduction of a common Turkic literary language could provide the following advantages to the Turkic peoples:

- 1) Expanding the possibility of inter-Turkic communication.
- 2) Storage and use of information of all Turkic peoples.
- 3) The growing importance of each Turkic language.
- 4) This language, unlike other regional languages, would be native to the Turks.
- 5) Learning this language would be much easier than learning other regional languages.
- 6) Achieving resource savings, both due to solving communication and information problems, and due to the relatively low cost of learning a given language [language potential].

The creation of a common Turkic language for the purposes of mutual communication, learning, and information storage is vital, because the price of the issue is that either the Turkic community will realize its untapped potential and achieve the above advantages, or will continue to lose most of its potential due to the proximity of the Turkic languages.

Bakhtiyar Karimov, an Uzbek scientist, proposed a methodology for creating an average Turkic language. Professor Karimov is the developer of the method of mathematical linguistics. He suggests the creation of a common Turkic language by computer averaging. The language proposed by Karimov was called Ortatürk, i.e. the average Turkic language. He suggests using the presence of a word or grammatical form as criteria when creating "*oratatürk*":

- 1) in most Turkic languages.
- 2) the majority of Turkic-speaking personalities.
- 3) with the greatest semantic proximity.
- 4) for the longest period of time.

Currently, Professor Karimov is working on the creation of the Ortatürk language at the Ortatürk Institute at the World Assembly of Turkic Peoples [6].

The main advantage of this technique is the principle of averaging. This principle is optimal for solving the main problem for the common Turkic language - the lexical part. For consideration and other principles of creating a common Turkic language:

1) Turkishness. Priority in the selection of words should be given first to Turkic words, then to Arabic-Persian (which were traditionally used in Turkic languages), then to European-Russian. For example, in the Uzbek language, such a simple word as "left" is of Persian origin - "*chap*" (although Uzbeks use "*sol*" too), thus, the option "*sol*" will be selected, the same kind of words "*black*" and "*white*" in Turkish - "*siyah*" and "*beyaz*", respectively, the words "*kara*" and "*ak*" will be selected [7].

The main significance of the principle of Turkism should not be in purism, but in the restoration of the original Turkic phonemes lost in some Turkic languages. For example, in the Uzbek language, due to the loss of the native Turkic vowel sounds, the words "*ün*" - "voice" and "*un*" - "flour", the words "*böl*" - "*delhi*" and "*bol*" - "be" turned into homonyms.

2) The principle of wealth. Maximum enrichment of the common Turkic language through the use of words, properties and means of word formation available in all Turkic languages. For example, in Turkish there is a separate form of the future tense ("*acak*", "*ecek*"), whereas in Uzbek the form of the future tense coincides with the form of the long present tense. In Uzbek, Kazakh, etc. languages have double verbs that enrich the meaning, which are not present in Turkish. All forms should be used in the common Turkic language. If there are several variants of one word, it is preferable to choose the native Turkic variant, if several variants are native Turkic, you can use them in parallel. For example, "*emas*"-"*yemes*" and "*deil*"-"*tügül*" ("not") can be used in parallel.

Another example: in the Kazakh language, "*ch*" turns into "*sh*", "*sh*" - into "*s*". That is, the word "*ach*" ("hungry") is pronounced as "*ash*", "*ash*" ("*food*") is pronounced as "*as*", "*as*" ("*hang*") is also pronounced as "*as*". That is, due to the absence of one phoneme ("ch"), some impoverishment of the language occurs. So, when choosing consonant sounds for the common Turkic language, it is inappropriate to choose the Kazakh-Nogai variant of consonant sounds.

Thus, the linguization of the human capital of the Turkic world could be formed not artificially, but through free communication of Turkic speakers, each of whom would use their own language, and thus an average language would arise after a while. This could be feasible, given the proximity of the Turkic languages.

References

1. Belousova V.S. Linguistic representation of human capital in the texts of university discourse. // Human capital of the Russian emigration of the first wave: American Rus G.D. Grebenshchikova - Barnaul: Publishing House of Alt. un., 2018.
2. Schultz T. Investments in human capital. - London, 1971 - 522 p.
3. Kobeleva A.A. Human capital: conceptual apparatus and structure/ A.A. Kobeleva //Online journal "Economic Research", No. 4 (17), December 2017 [Electronic resource] - Access mode: http://www.erce.ru/internet-magazine/all_archive/52/737/ (Accessed: 02/18/2022)
4. Nemets Yu., Kuzenkova A.A., Sadykova K.K., Kuzekov A.S. Human capital of the state service of the Republic of Kazakhstan. // Issues of state and municipal management. 2017. № 3 P. 30-36

5. Mill J.S. Fundamentals of political economy with some applications to social philosophy / translated from English - M.: Eksmo, 2007

6. Beloglazov A.V., Nadyrov R.N. The role of the Turkic in the process of formation of the Turkic identity in the Turkic-speaking states of Central Asia in the late-early XI centuries. // Human capital. 2022. No. 1 (157) - pp.61-67

7. The linguistic potential of the Turkic peoples. [Electronic resource] - URL:[https:// http://milli-firka.org](https://http://milli-firka.org)

Наталья Васильевна Халина

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

Рахно Каримджановна Тураходжаева

*Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ И ТЩАТЕЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЫТИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Аннотация. В статье исследуется значимость при обучении русскому языку как иностранному работы со смысловой структурой художественного текста. Овладение смыслами художественного текста требует применения лично ориентированной методики обучения языку и специализированных методик работы с языком в его текстовой форме. В качестве подобных методик рассматриваются лингвистический комментарий и тщательное прочтение, использование которых в учебном процессе способствует формированию бытийного пространства личности –средовой ситуации, развивающей и поддерживающей стиль поведения и образ жизни, при котором человек чувствует востребованность всех своих потенциалов.

Ключевые слова: художественный текст, конструктивная гармония, бытийное пространство личности, лингвистический комментарий, тщательное прочтение, обучение русскому языку, языковая личности

Nataliya Khalina

*Altai State University
Russia, Barnaul*

Rakhno Turakhodzhayeva

*Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand*

LINGUISTIC COMMENTARY AND CAREFUL READING OF A LITERARY TEXT AS WAYS OF FORMING THE EXISTENTIAL SPACE OF A PERSON WHEN TEACHING RLF

Abstract. The article examines the importance of working with the semantic structure of a literary text in teaching russian as a foreign language. mastering the meanings of a literary text requires the use of a personality-oriented language teaching methodology and specialized methods of working with the language in its textual form. linguistic commentary and careful reading are considered as such methods, the use of which in the educational process contributes to the formation of a person's being space – an environmental situation that develops and supports a style of behavior and lifestyle in which a person feels the demand for all his potentials.

Keywords: artistic text, constructive harmony, the existential space of personality, linguistic commentary, careful reading, teaching the Russian language, linguistic personality

В современной лингвистике художественный текст рассматривается в качестве одного из видов коммуникативной деятельности, культурной ценности [1] – практики освоения мира. Текст выступает хранилищем лингвистических знаний, обладающим отличительными признаками текстового типа объективации знания о лингвистической реальности [2, с. 81-81]. «Создавая и воспринимая произведения искусства, человек передает, получает и хранит особую художественную информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга» [3, с. 103]. Художественный текст является одной из разновидностей производства человеческого мышления. «Создавая текст, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание» [4, с. 12]. Если коды, заложенные автором в текст, совпали с кодами читателя, текст «находит» «Идеального» читателя, бытийное пространство которого входит в резонансное взаимодействие с бытийным пространством текста.

Постижение внутренних законов функционирования и бытования иной культуры предполагает обязательное знакомство с художественными текстами, овладение смыслами которых требует применения лично ориентированной методики обучения языку и использования специализированных методик работы с языком в его текстовой форме.

Лично ориентированная методика обучения языку мотивирована целью формирования средовой ситуации, подкрепляющей образ жизни и аутентичной ценностям языковой личности. А.В. Бурмистрова [5] связывает чувство благополучия человека с возможностью реорганизации среды через создание бытийного пространства, аутентичного его ценностям, и формирования средовой ситуации, подкрепляющей особый стиль поведения и образ жизни, при котором человек чувствует востребованность всех своих потенциалов. Последнее переживается человеком как полнота жизни. Бытие в качестве процесса порождает личность с определенным опытом жизни и средой, преобразованную или «претерпевшую от использования» человеком и сообществом.

Как считает А.В. Бурмистрова, характеристики бытия являются критерием конструктивной гармонии, а организованная определенным образом среда становится для человека обстоятельствами его жизни, которые могут как препятствовать человеку, так и поддерживать его в стремлении стать личностью и реализовать свой потенциал. В этом смысле важным становится понятие психологии среды, связанное с аспектами взаимоотношений личности со средой своего повседневного окружения.

Знакомство с художественным текстом позволяет личности понять, что собой представляет психология среды и каким образом личность формирует модель своего поведения, корректируя психологические особенности взаимодействия с другими участниками событий, описываемых в художественном произведении.

В концепции З.И. Рябикиной [6] структурно личность представляет собой полисистемное образование, которое включает пространства собственно психических, субъективных явлений (структура личностных смыслов и бытийный

слой психики) и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность).

Пространства объективной реальности, как считают исследователи, существуют помимо личности и предваряют её. Однако в процессе формирования личности реорганизируются ею в соответствии со структурой личностных смыслов и преобразуются в бытийное пространство личности.

Овладевая подчинёнными ей пространствами и порождая новые, личность самоактуализируется, воспроизводя структуру субъективных личностных смыслов в окружающей среде, продолжая себя в ней. Эти процессы направлены на «иметь, чтобы быть в другом собой».

Расширяя своё бытие, «средовая личность» нуждается в подтверждении себя внешним, объективным, она «примеряет» на себя те или иные внешние образования, отождествляясь с ними, и это позволяет ей «быть в другом другим» [7, 6].

В этом плане роль художественного текста сложно переоценить: художественный текст выполняет функцию среды, погружаясь в которую, языковая личность проверяет идентичность своей системы смыслов, ее актуальность для тех или иных обстоятельств коммуникации, а также запас лингвистических знаний, необходимых для презентации персональной онтологии смыслов. Субъект контролирует и защищает всё находящееся и возникающее внутри бытийного пространства личности, регулируя открытость/закрытость его границ в зависимости от своего актуального состояния [5]. Средовое поведение, направленное на регуляцию границ бытийного пространства личности, обусловлено рядом личностных особенностей: а) когнитивными представлениями о своём бытийном пространстве (включением в него различных объектов среды, значимых других); б) оценкой средового контекста, в котором осуществляется актуальное регулирование его границ (степенью удовлетворённости личной жизнью); в) индивидуальными предпочтениями типа прайваси (уединение, анонимность, сдержанность, интимность, творчество); г) типом эмоционального реагирования на воздействия стимулов окружающей среды (эйфорическая активность вовне, рефрактерная активность вовнутрь, дисфорическая активность вовне); д) локализацией контроля личности.

Под смыслом художественного текста вообще и скрытыми смыслами в частности понимается совокупность существенных связей и отношений между элементами текста, создаваемых автором и понимаемых читателем как результат его рефлексивной деятельности над содержательной формой.

Общий символический смысл текста включает в себя наряду с вербализованными (равными содержанию) скрытые смыслы, противопоставляемые первым по признаку выраженности/ невыраженности в языковой ткани текста [8].

В процессе чтения художественного текста происходит создание бытийного пространства личности и моделирование ее средового поведения на основе методик обучения «лингвистическое комментирование» и «тщательное прочтение».

Проблемы комментирования художественных текстов всегда занимали особое место в филологической науке, привлекая пристальное внимание лингвистов и литературоведов. Русская лингвистика в 30-е годы дала блестящие образцы анализа и комментирования художественных текстов (Л.В.Щерба, А.М.Пешковский, В.В.Виноградов). Однако этот опыт недостаточно освоен издательской практикой. Насыщение мирового книжного рынка изданиями русской литературы,

выполненными на высоком уровне эдиционной практики, наличие разработанной методологии лингвистического, лингвостилистического. и лингвострановедческого комментирования художественных текстов, адресованных иностранному читателю, позволит выпускать издания, научно-справочный аппарат которых обеспечит адекватное восприятие эстетического потенциала художественного, текста.

Н. Ф. Ковалева [9] существование жанра комментария связывает с необходимостью заполнения лакун в фоновых знаниях и тезаурусе коммуникантов. Процедура заполнения рассматривается как объяснительное толкование, или комментарий. Комментарии к тексту, отождествляемые автором с лингвистическим гипертекстом, позволяют согласовать тезаурусы и фоновые знания адресанта и адресата и сократить временную и пространственную дистанцию между ними.

Комментарии к тексту, рассматриваемые как лингвистический гипертекст, по мнению Н.Ф. Ковалевой, дают наглядное представление о проявлении гипертекстуальности: единицы комментария не связаны между собой ни графически, ни семантически, а также связь между отдельными блоками информации (статьями комментария) может быть установлена с помощью ссылок только в случае пересечения информационных единиц. Возможность и необходимость установления подобной связи определяется, прежде всего, читателем.

А.П. Кузина связывает необходимость применения и совершенствования приемов лингвистического комментирования художественного текста с решением актуальной задачи современного литературного образования - подготовкой квалифицированного читателя, способного к глубоко-личностному, самостоятельному пониманию литературного произведения, обладающего эстетическим вкусом и читательской культурой [10] Лингвистическое комментирование художественного текста, разъяснение и толкование нам непонятого и нами незамеченного обезопасит от искаженного и неполного его понимания, даст возможность проникнуть в святая святых произведения, позволит разглядеть, как оно «сделано».

Г.В. Фенина [11] проблемы комментирования и составления комментария связывает с решением конкретных научных и методических задач в области книговедения - с подготовкой специальных изданий для иностранного читателя. Одна из этих задач - создание различного вида комментариев, способствующих формированию психологического механизма понятийного и образного восприятия художественного текста.

А.П. Кузина определяет этапы осуществления лингвистического комментирования художественного текста или порядок лингвистического комментария, выделяя следующие аналитические шаги: 1) первичное чтение текста; 2) вторичное чтение; 3) выделение из текста языковых фактов, затрудняющих чтение; 4) анализ и квалификация этих языковых фактов; 5) толкование «языковых шумов и помех»; 6) заключительное чтение.

Процедура лингвистического комментария предполагает учет сложных диалектических отношений, существующих между языком и речью, объемом лингвистических знаний читателя и владения разноуровневыми правилами языка: фонетическими, морфологическими, синтаксическими.

Важность тщательного прочтения при выполнении задач академического чтения подчеркивается для студентов на уровне высшего образования [12] наравне с быстрым чтением.

Тщательное чтение определяется как тип чтения, в котором читатели участвуют, чтобы понять каждую часть содержания текста, в то время как быстрое чтение относится к обработке текста читателями быстро, выборочно и эффективно [1]. Тщательное чтение предполагает понимание содержания каждой части текста.

Чтение локального уровня связано с пониманием предложений на уровне микроструктуры, таком как значение лексических элементов и местоименная отсылка. На глобальном уровне тщательное чтение определяется Урхартом и Вейром как понимание микроструктур за пределами уровня микроструктуры, то есть на уровне макроструктуры, который включает в себя основные идеи и вспомогательные детали.

Интерес к исследованию тщательного чтения со стороны психологов, языковых тестеров и инструкторов привел к созданию моделей чтения для описания чтения. Урхарт и Вейр определяют чтение как “работу с языковыми сообщениями в письменной или печатной форме” [13, с.14]. Грейб определяет чтение как процесс получения и интерпретации информации, закодированной на языке с помощью таких средств массовой информации, как печать и другие, с использованием различных процессов и в соответствии с различными целями [14, с.212]. Урхарт и Вейр рассматривают чтение также и как когнитивную деятельность, поскольку чтение, в значительной степени, происходит в уме, а физические проявления этой деятельности – движения глаз, субвокализация и т. д. сравнительно поверхностны. Чтение исследуется как когнитивный процесс, в котором читатели используют различные навыки и стратегии или их комбинации для достижения понимания текста.

Урхарт и Вейр утверждают, что исследования по чтению L1 и L2 в прошлом, как правило, концентрировались на тщательном чтении на локальном уровне и в некоторой степени игнорировали быстрое и тщательное чтение на глобальном уровне, то есть на текущем уровне представления смысла и представления текста [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Матрица описания различий навыков и стратегий тщательного и оперативного чтения на локальном и глобальном уровнях, предложенная Урхартом и Вейером, описывает два основных типа чтения – тщательное и быстрое (или оперативное). Читатели используют различные навыки и стратегии в соответствии с различными целями чтения. Различные цели чтения включают поисковое чтение (чтение для поиска информации), чтение для базового понимания, чтение для обучения и чтение для интеграции информации в нескольких текстах [17]. Грейб также придерживается точки зрения, что для получения полной картины процесса чтения нужно учитывать цели чтения, компоненты способности к чтению и ключевые процессы понимания прочитанного.

Концепция тщательного чтения связывается с определением моделей чтения. Кришман считает, что дифференциация моделей чтения началась уже в С 1960-х годов появились два класса моделей: модели процессов и компонентные модели. В моделях процессов используется последовательный алгоритм, включающий последовательность действий. Модели, основанные на процессах представлены в работах Джаста и Карпентара [22], Райнера и Поллацека [23]. Текущие модели, основанные на обработке, включают восходящие, нисходящие и интерактивные модели.

Модели чтения «снизу-вверх» предполагают, что читатель понимает письменный текст, продвигаясь вверх по иерархической лестнице. Читатель

обрабатывает мельчайшие языковые единицы, постепенно продвигаясь вверх по мере того, как он собирает эти единицы вместе, чтобы декодировать и понимать более сложные единицы [24]. Модели «сверху-вниз» требуют, чтобы читателям не нужно распознавать каждое слово, но читатели понимают частично текст и незнакомые слова с использованием фоновых знаний и текстовых подсказок [25]

Интерактивные модели, на что указывает Кришман, появились в результате сочетания позиций моделей «снизу вверх» и «сверху вниз». Подобная гибридная модель чтения предложена Маккормиком [26] и продолжена Кинчем [27]. Модель известна как модель построения-интеграции текста понимание. Станович [18] разработал интерактивно-компенсаторную модель. Эта модель основывается на признании того, что специфическая слабость читателя в определенном навыке может быть компенсирована сильными сторонами в других навыках.

Компонентные модели дают описание компонентов, которые, как предполагается, участвуют в процессе чтения [13]. Подобные модели моделируют способность к чтению. Одной из недавних компонентных моделей, по оценке Кришмена, является модель Халифы и Вейра [20], состоящая из нескольких элементов. Модели описывают когнитивные процессы, способствующие чтению в соответствии с различными целями.

Следовательно, различные компоненты чтения на разных уровнях обработки можно рассматривать как синтез представлений о когнитивных процессах, происходящих при понимании прочитанного. Модель предполагает, что конструкция чтения состоит из различных навыков и стратегий, представленных различными категориями тщательного и быстрого чтения.

Категорией и стратегией тщательного чтения мы полагаем стратегию критического чтения, побуждающую читателей записывать вопросы в любое время в процессе чтения [28]. Формулирование вопросов и обсуждение историй до и после чтения улучшают понимание. Некоторые исследователи предполагают, что генерация вопросов имеет важное значение в когнитивном процессе, который работает на глубоких концептуальных уровнях, таких как понимание прочитанного. Критическая стратегия позволяет размышлять о вызовах своим убеждениям и ценностям. Критическая стратегия заставляет читателя отмечать абзацы, которые каким-то образом бросают вызов его пониманию мира, убеждениям и статусу. Читатели могут записать причину, по которой был создан определенный текст, а затем взглянуть на шаблон концепций, которые каким-то образом бросают вызов его убеждениям. Критическое размышление читателя о своих убеждениях и ценностях в решающей степени включает в себя изучение основы своих собственных личных реакций на прочитанный материал.

Органической фазой критического чтения является изложения, которое показывает, насколько качественно было осуществлена процедура тщательного прочтения. Андерсон-Медиус [29] утверждает, что изложение, как графический органайзер, является навыком высокого уровня, поскольку изложение требует, чтобы читатели анализировали и видели взаимосвязь между информацией, чтобы правильно их связать. Биано и Маккормик [30] далее подробно описывают, что изложение имеет пять функций: (1) позволяет учащимся сосредоточиться на важных идеях; (2) улучшает знакомство со структурой текста; (3) способствует лучшему запоминанию; (4) создает альтернативные материалы для дополнительного материала; (5) поощряет участие в обучении.

Ивино [31] поддерживает утверждение о том, что изложение имеет важное значение для того, чтобы помочь академически неподготовленным читателям L1 достичь лучшего понимания.

Критический читатель должен тщательно оценить степень важности и приемлемости прочитанного текста, принимая во внимание изложение темы автором и обоснованность его аргументов. В отличие от обычного чтения, когда читатель принимает только информацию, представленную в тексте, критическое чтение служит другой цели, когда читатель не просто принимает информацию, но судит и оценивает аргументацию автора текста. Кроме того, оценка предполагает тщательное изучение читателями решений или выбора, сделанных автором при формировании представления содержания, языка и структуры текста.

По критерию открытости/закрытости бытийного пространства выделяются три типа личности, обуславливающие характерное средовое поведение: «открытый» тип; «закрытый» тип, «ситуативный» тип.

«Открытый» тип: субъектная позиция в организации бытийного пространства личности, гибкость в регулировании его границ, экологичные поведенческие паттерны, эмоционально позитивная экспрессия, включение других людей в бытийное пространство личности, широкий диаметр и высокая степень его открытости;

«Закрытый» тип: ограниченный репертуар средового поведения, эмоционально негативная экспрессия, агрессивные поведенческие паттерны, избегание приватного общения, исключение других из бытийного пространства личности, узкий диаметр и высокая степень его закрытости;

«Ситуативный» тип: отсутствие целостного поведенческого контура, несоответствие поведенческих паттернов актуальному состоянию, неспособность поддерживать границы бытийного пространства личности на необходимом уровне открытости/закрытости, зависимость поведенческих паттернов от внешней ситуации, ограничение диаметра бытийного пространства личности узким кругом доверенных лиц.

Тщательное прочтение (с англ. *close reading*) представляет собой методику работы с текстом, требующую от читателя фокусирования внимания в процессе чтения на произведении как таковом, не отвлекаясь на фиксацию собственного отклика на текст и на выявление его связей с окружающей действительностью.

«Тщательное прочтение» ("close reading") литературного произведения - методика, разработанная в американском и английском литературоведении. Американские ученые полагают, что техника "тщательного прочтения", "считавшаяся ранее специфической методикой новой критики, теперь является основой литературной критики как таковой" [32, с.158] «Тщательное прочтение» литературного текста означает прежде всего, что этот текст является сложным и запутанным, но в то же время - организованным и целостным, что он имеет многообразную семантику, а все его элементы находятся в определенной гармонии.

Поэтому "тщательное прочтение" литературного произведения это отнюдь не интерпретация, а экзегетическое упражнение в пристальном его изучении, т.е. извлечение на свет Божий умело спрятанных автором "скользящих панелей" и даже "ящичков с двойным дном" [33].

Основные принципы методики "тщательного прочтения" предложены А.Ричардсом в работах "Принципы литературной критики" (1924) (308),

"Практическая критика" (1929) (307) и его 24-летним учеником У.Эмпсоном в книге "Семь типов двусмысленности" (1930) (123).

В качестве пособий для студентов были выпущены комментированные антологии "Понимание поэзии" (1938) (356) и "Понимание прозы" (1943) (355) К.Брукса и Р.П. Уоррена [32, с. 158].

В таких европейских странах, как Англия и США, методика «тщательного прочтения» изучается в университетах при подготовке студентов-филологов. Она считается «привлекательной», поскольку не требует от интерпретатора иных знаний, кроме основного текста. Однако при всём этом имеется определенная сложность, интерпретатор должен иметь особую внимательность к произведению как таковому: порой в самых незначительных фразах, словах, словосочетаниях скрывается глубокий смысл.

С точки зрения К. Брукса, идеальный читатель – концентрирующий внимание на структуре произведения.

«Методика Т.П. предполагает подход к избранному для анализа тексту как к автономному, замкнутому в себе пространственному объекту; осознание того, что текст является сложным и запутанным, но в то же время организованным и целостным; сосредоточение внимания на многообразной семантике текста и внутренней соотнесенности его элементов; принятие как данности метафоричности и эмфатичности литературного языка; понимание, что парафразирование не эквивалентно поэтическому значению; стремление выявить цельность структуры в гармонии составляющих ее элементов; трактовка значения произведения лишь как одного из элементов структуры; осознанное стремление быть идеальным читателем и осуществить единственное правильное прочтение текста» [32, с.158].

Таким образом, «тщательное прочтение», являющееся ранее специфической методикой «новой критики», сейчас актуально и интересно для европейского литературоведения. С точки зрения лингвистики данная методика может применяться на «нулевом этапе» лингвистического анализа, объединенная с лингвистическим комментарием.

Библиографический список

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю.М. Лотман // Статьи. Заметки. Изречения. - М.: Наука, 2000. - 568 с.
2. Конева Т.Ю. Типолого - эпистемологическое исследование англоязычного художественного текста XX века. Барнаул, 2001, - 176 с
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текст. -М.: Искусство, 1970. - 384с.
4. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2007. – 502 с.
5. Бурмистрова А.В. Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства. Автореф. канд. дисс. Краснодар, 2004. - 28 с.
6. Рябикина З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. -М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. -С.45-58.

7. Дорфман Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004.– С. 96-123.
8. Солодилова И.А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла. Учебное пособие для студентов III курса. - Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. - 153с.
9. Ковалева Н. Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст (на материале современного английского языка). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук – Самара, 2004. – 22 с.
10. Кузина А.П. Тайны художественного текста. Опыт лингвистического комментария. [Электронный ресурс]. – URL: <https://studylib.ru/doc/4179083/tajny-hudozhestvennogo-teksta.-opyt-lingvisticheske> (Дата обращения: 24.02.2022)
11. Фенина Г.В. Лингвистический и лингвострановедческий комментарий как элемент аппарата издания учебной художественно! книги для иностранного читателя (на материале издательства "Русский язык"). Автореф. дисс. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 1993. – 28 с.
12. Krishnan K. Sarojani Devi Careful Versus Expeditious Reading: the Case of the IELTS Reading Test// Academic Research International. Volume 1, Issue 3, November 2011.– pp.25-35.
13. Urquhart S. and Weir, C.J. Reading in a second language: Process, Product and Practice. Essex: Pearson Education Ltd. 1998. – 362 p.
14. Grabe W. Foundations for L2 reading instruction, The Language Teacher (Online). 2002. – 202 p.
15. Carver, R.P. Reading for one second, one minute, or one year from the perspective of reading theory, Scientific Studies of Reading, 1997. 1, – pp. 3-43
16. Perfetti, C.A. Comprehending written language: A blueprint of the reader. In M.C. Brown & P. Hagoort (eds), The Neurocognition of Language, Oxford University Press: New York, 1999. – pp.167-208
17. Enright, M.K., Grabe, W., Koda, K., Mosenthal, P., Mulcahy-Ernt, P. and Schedl, M. TOEFL 2000 Reading Framework: A Working Paper. TOEFL Monograph Series 17, Princeton: ETS. 2000. – pp. 3764-3769.
18. Stanovich, K. E. Progress in Understanding Reading. The Guilford Press: New York. 2000.
19. Khalifa, H. and Weir, C.J. Examining Reading. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.
20. Grabe, W. and Stoller, F.L. Teaching and Researching Reading, London: Longman. 2002.
21. Rosenfeld, P., Oltman, P. and Sheppard, K. Investigating the validity of TOEFL: A feasibility study using content and criterion-related strategies, TOEFL Research Report, RR-71. 2004.
22. Just, M.A. and Carpenter, P.A. The Psychology of Reading and Language Comprehension. Allyn and Baco: Boston, Massachusetts. 1987.
23. Rayner, K. and Pollatsek, A. The Psychology of Reading, New Jersey: Prentice Hall. 1989.
24. Dechant, E.V. Understanding and Teaching Reading: An Interactive Mode, New Jersey: Lawrence Erlbaum. 1991.
25. Gove, M. K. Clarifying teacher's beliefs about reading. The Reading Teacher, 37, 3, 1983. – pp. 261-66.

26. McCormick, T. W. *Theories of Reading in Dialogue: An Interdisciplinary Study*, University Press of America, New York, x, 1988. – 399 p.
27. Kintsch, W. The construction-integration model of text comprehension and its implications for instruction // R. Ruddell & N. Unrau (eds) *Theoretical Models and Processes of Reading*. (5th ed), Delaware: International Reading Association. 2004.
28. Suacillo Carine Iries M., Song Eun Um, Velasquez Joeseph M., Villaflores Hannah Nicole R., Cequeña Maria B. Critical reading strategies, reading comprehension and writing performance of esl college students: a correlational study// *International Journal of Advanced Research*. 2016. – 4(9). – pp. 610-623.
29. Anderson-Medius, L. Cognitive mapping as a –bridgel activity. Paper at the Annual Meeting of the International Reading Association (35th, Atlanta, GA, May 6-11, 1990) (ERIC Document Reproduction Service No. ED. 320 140
30. Bianco, L., &McCormick, S. Analysis of effects of a reading skill program for high school learning disabled students // *Journal of Educational Research* .1989. 82, – pp. 282-288.
31. Ivino, S.F. The effect of dominant hemispheric processingmodes and notetaking strategy on the comprehension and retention of academically underprepared college readers. Paper presented at the annual meeting of the College Reading Association (33rd Philadelphia, PA, November 3-5, 1989. (ERIC Document Reproduction Service No. ED. 1989.– pp.333 -337
32. Proffer C. R. *Keys to Lolita*. - Bloomington; 1968. - P. VII.
33. Цурганова Е. А. Тщательное прочтение. [Электронный ресурс] -URJ^ <http://www.surbor.su/literainfo.php?id=660>

Тимур Маликович Низамутдинов
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Аннотация. В данной статье будет сделана попытка осуществить литературный анализ значимого произведения Достоевского, где, писателю в полной мере удалось показать психологизм главных и второстепенных героев. По мнению М. Бахтина, сам Ф.М. Достоевский не разграничивал героев по смысловой идеи, тем самым открыл в мировой литературе «полифонизм», который подразумевает под собой на голос и мнение каждого героя. За основу был взят известный роман писателя «Преступление и наказание». В романе уровень психологизма достигает пика по сравнению с другими значимыми романами русского классика.

Ключевые слова: полифонизм, психологизм, колористика, диалектика души.

Timur Nizamutdinov
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

**FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN THE NOVEL
BY F.M. DOSTOEVSKY'S «CRIME AND PUNISHMENT»**

Abstract. In this article, an attempt will be made to carry out a literary analysis of Dostoevsky's significant work, where, to the writer, to fully show the psychologism of the main and secondary characters. According to Bakhtin, F.M. Dostoevsky did not differentiate between heroes according to their semantic ideas, thereby discovering "polyphonism" in world literature, which implies the voice and opinion of each hero. The novel by the writer "Crime and Punishment" was taken as a basis. In the novel, the level of psychologism reaches a peak in comparison with other significant novels of the Russian classic.

Key words: polyphonism, psychologism, color, dialectic of the soul.

Известно, что практически все произведения Ф.М. Достоевского, вошедшие в мировую сокровищницу литературы, носят детективно-расследовательский характер («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»). Это еще раз подтверждает тот факт, что Ф.М. Достоевский черпал идеи своих романов из газетных статей. Однако, такой жанр литературы как детектив Ф.М. Достоевский писал не для увлечения читателя, а для осознания героем идейно-нравственной правды, которую он переживал после осуществления злодеяния. Иными словами,

герои Ф.М. Достоевского должны постигнуть философскую истину, которая поставит их на правильный путь жизни. Поэтому проблема добра и зла является ведущей в романах писателя. Для ее разрешения Достоевский прибегает к образу определенного героя в том или ином произведении. Чаще всего писатель ставит своих героев в самые затруднительные для их души моменты жизни. Для них характерны такие качества как сострадание, болезненное восприятие горя ближнего своего так и чужого человека. Так, Раскольникову присуща ответственность как за жизнь матери и сестры, так и за мучения и мытарства семьи Мармеладовых и сотни других «униженных и оскорбленных», которые вынуждены брать «под процент», обрекая себя на страдания. Поднимая такую проблематику, Достоевский шел на пути «психологизма» в литературе, тропинку которого заложил еще Лермонтов в «Герое нашего времени». Достоевский жил и творил в одно время с Л.Н. Толстым, поэтому неудивительно, что чаще всего в сравнение идут, созданные ими образы. Не будем заострять внимания на схожесть двух великих писателей, а упомянем лишь различие. Персонажи Толстого чаще всего погружены в конкретную бытовую обстановку. Для героев Достоевского же насущны «проклятые вопросы». Другими словами, им чужды житейско-бытовые стороны жизни. Раскольников не тяготит вид его одежды, даже во время еды он полностью сосредоточен на своей идее «наполеонизма». И так в каждом произведении писателя, герой погружен в себя, рассуждая о своей «идее». В 20 – е годы прошлого столетия в научной литературе появилось словосочетание «герой – идеолог». После чего уже немислимо представить героев без идеи. Эти разного рода идеи, концепции мира также послужили для раскрытия внутреннего мира героя, а, следовательно, и психологизма.

Остановив внимание на романе «Преступление и наказание» следует сказать, что в начале романа Раскольников ставит себя в противоречивую динамику. Готовясь к пробному визиту к старухе процентщице, Раскольников задает себе вопрос «Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это? Разве это серьезно? Совсем не серьезно» [2, с. 120]. Для него задуманная идея считается безобразной, выходящей за рамки дозволенного, но в то же время считает, эта идея не отступит от него, пока он ее не осуществит. Отсюда вытекает один из главных компонентов психологизма – внутренние монологи, которые погружают читателя во внутренний мир героя, здесь стоит также обратить внимание на темп и ритм монологов.

Делая «пробу» Раскольников внутри себя уже решил на преступление, хотя сам себе боится в этом, признаться. Во время первого визита к старухе-процентщице он с точностью запоминает планировку квартиры, на интуитивном уровне додумывает, где могут быть спрятаны деньги, отмечает, пустующую квартиру на четвертом этаже. Но по приходу домой ему становится тошно от того, что мысли о решимости преступления приходили словно исполнятся совершенно точно: «О Боже, как все это отвратительно! И неужели, неужели я.. нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. – И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!..»

В ходе развития сюжета в душе Раскольникова будет неоднократно мучить внутренний голос: «И если бы даже случилось когда-нибудь так, что уже все до последней точки было бы им разобрано и решено окончательно и сомнений не оставалось бы уже более никаких, – то тут-то бы, кажется, он и отказался от всего, как от нелепости, чудовищности и невозможности» [2, с. 144]. Тем самым,

Достоевский показывает нам меняющееся внутренне состояние героя, заостряя внимание на проблеме философии.

Особенность психологизма Достоевского заключается в том, что он никогда не показывает нам спокойное и нейтральное человеческих состояний, как отмечают многие исследователи писателя, в этом и заключается гений писателя, который изображает человеческую душу в момент ее наивысшей напряженности. К этому стоит привести примеры нервного срыва и истерики Катерины Ивановны Мармеладовой после поминок мужа; или Раскольников после убийства старухи находится в состоянии бреда. Здесь же исследователи заключают, что Достоевский, сосредотачивая внимание на предельном психологическом состоянии, занимается поиском идейно-нравственных качеств в герое. Писатель вносит определенную идею в героя, тем самым проверяя его судьбу на прочность. Причем все герои буквально больны этой идеей, она доходит до такой глубины души, что подчас сам Достоевский отстраняется дать ответ. В силу этого героев Достоевского «больных идеей» сложно понять. Идея Раскольникова о сильной личности, которой дозволены все грани только является только частью айсберга, который нам очевиден. Но если идти дальше, то мы видим, насколько глубинна его идея, не раз описанная в научных трудах.

Достоевскому лучше всех других писателей века удалось показать «диалектику души», хотя стоит напомнить, что данный термин был введен Чернышевским в статье, посвященной раннему рассказу Л.Н. Толстого. Но в отличие от Толстого Достоевский идет дальше. «Перед нами не просто идет душевная борьба противоположных двух начал, а их парадоксальное поведение, когда боль и страдание сопоставимо с наслаждением, радость соотносится с чем-то темным и тяжелым» [1]. Приведем примеры из романа: «Он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная»; «Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением»; «Он вышел, весь дрожа от какого-то дикого истерического ощущения, в котором между тем была часть наслаждения, – впрочем, мрачный, ужасно усталый»; «Прежнее, мучительно-страшное, безобразное ощущение начинало все ярче и живее припоминаться ему... и ему все приятнее и приятнее становилось». В случае противоречия возникает на первый план выходят «назло себе», назло вообще, назло чему. Так ассоциируется другой герой романа Разумихин, которому не свойственна противоречивость.

Особое место в романе занимает колористика и гамма запахов: на первый взгляд бросается желтый цвет, который ассоциируется с чем-то отталкивающим, раздражающим, им все вокруг окрашено, начиная со стен и заканчивая человеческими физиологиями. Причем желтый цвет символизирует в романе болезнь, бедность, страдание. «Через весь роман, – пишет В.В. Кожинов, – пройдет атмосфера невыносимой жары, духоты, городской вони, сдавливающих героя, мутящих его сознание до обморока. Это не только атмосфера июльского города, но и атмосфера преступления» [3]. Таким образом колористика является дополнительным сопутствующим элементом в романе, который подчеркивает психологизм героев.

Таким образом, главные черты уникального психологического стиля Достоевского – предельная сосредоточенность на сложнейших, глубинных пластах внутреннего мира человека, умение захватить читателя изображением

напряженнейших душевных состояний, художественное освоение «двух бездн» в душе человека.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского [электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf. Режим доступа – свободный (дата обращения 07.12.2021).
2. Достоевский Ф. М. Сочинения трех томах. – М.: Правда, 2002.-. Т. 2. с. 120; с. 144
3. Кожин В. В. «Преступление и наказание» Достоевского [электронный ресурс]. URL: <https://ru.pdfdrive.com/Три-шедевра-русской-классики-e186242001.html>. Режим доступа – свободный (дата обращения 07.12.2021).

Илина Ильгисовна Сиддикова
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

КЛАССИФИКАЦИЯ АРХЕТИПОВ В РОМАНЕ ФАЗИЛИЯ ИСКАНДЕРА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА»

Аннотация. В статье на примере романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» исследована классификация архетипов. Роман Ф. Искандера отличается сложной архетипической наполненностью. В этом контексте произведение ещё не было изучено, и поэтому представляет интерес для исследователей. В данной работе мы не обращаемся к подробному анализу архетипических образов и мотивов, которыми изобилует искандеровский эпос, нашей основной целью было определение архетипических образов и мотивов и включение их в архетипическую классификацию.

Ключевые слова: архетип, классификация, сюжетные архетипы, бытовые архетипы, анималистические архетипы, личностные архетипы.

Ilna Siddikova
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

CLASSIFICATION OF ARCHETYPES IN THE NOVEL OF FASIL ISKANDER «SANDRO FROM CHEGEMA»

Abstract. The article uses the example of F. Iskander's novel «Sandro from Chegem» to classify archetypes. F. Iskander's novel is notable for its complex archetypal content. In this context, the work has not yet been studied, and therefore is of interest to researchers. In this work, we do not turn to a detailed analysis of the archetypal images and motives that abound in the Iskander epic, our main goal was to identify archetypal images and motives and include them in the archetypal classification.

Key words: archetype, classification, plot archetypes, domestic archetypes, animalistic archetypes, personal archetypes.

В литературоведении архетип воспринимается как универсальный прасюжет или прообраз, запечатлённый мифом и перешедший из него в литературу. Важно отметить, что в позднейших литературоведческих разработках понятие архетипа используется лишь для обозначения наиболее общих, основополагающих, общечеловеческих мифологических мотивов, повествовательных схем, лежащих в основе разного рода художественных структур вне обязательной связи с юнгианством как таковым.

Отметим, что четкой классификации в области литературного архетипа до сих пор нет. Как научная задача на современном этапе она находится на стадии разработки. Анализ этой проблемы лежит в основе отдельных исследований Е.М. Мелетинского [4], Ю.В. Доманского [2], А. Большаковой [1] и других.

При рассмотрении различных подходов к вопросу классификации архетипов нами были отобраны наиболее общие, принятые большинством исследователей архетипические значения. Это:

- сюжетные архетипы;
- бытовые архетипы, которые, в свою очередь, мы разделяем на предметные, временные, пространственные;
- анималистические архетипы;
- личностные архетипы, основанные на гендерной дифференциации.

Благодатным материалом для исследования этого вопроса, на наш взгляд, может служить творчество известного абхазского писателя Фазиля Искандера, в частности, его эпическое полотно «Сандро из Чегема».

Книга состоит из 32 новелл, написанных в разное время, имеющих смысловую самостоятельность, жанровую многоплановость, но при этом являющихся единым целым, в первую очередь, благодаря образу главного героя *дяди Сандро*. Насыщенность произведения различными сюжетами, позволяет говорить о его сюжетной и архетипической полифонии.

Сюжетные архетипы в романе представлены такими категориями, как путешествие, умыкание (похищение), преследование, спасение, противостояние, взросление, искушение, преображение, любовь, жертвенность, разложение и др. Рассмотрим несколько примеров.

«Сандро из Чегема» – это произведение, в композиционной и содержательной основе которого лежит абхазское культурное наследие: кодекс Апсуара, эпос «Нарты», абхазский фольклор. В нем нашли отражение древние традиции и обычаи абхазского народа, одним из которых является похищение женихом невесты. В некоторых новеллах данный сюжетный архетип лёг в основу повествования, в некоторых он выступает как дополнительный сюжетный элемент. Глава «Умыкание, или загадка эндурцев» является ярким примером того, как мотив умыкания невесты определяет сюжетную канву новеллы. В этой главе ещё молодой Сандро помогает другу в похищении невесты, но будучи сам влюблён в избранницу товарища, идёт на хитрость и, не испортив дружеских отношений, добивается своей цели.

Наряду с сюжетом умыкания, особое значение имеет мотив мести. Кровная месть – это древнейший абхазский принцип, по поводу которого мнение героев романа расходится. В романе это объясняется столкновением традиционного и современного взглядов на обычай. Так, например, дядя Сандро пытается призвать к совести братьев Ламба, отец которых около сорока лет назад был убит: «Я знал хорошо вашего отца. Сорок лет назад его убил холуй князя Чачба. С князем кое-как справилась Советская власть, а холуй до сих пор ходит по нашей земле и смеется над вами про себя, а иногда и открыто. За сорок лет Советской власти самые дремучие пастухи, – говорю, – из самых дремучих урочищ свет увидели, а некоторые даже депутатами стали. Неужели вы до сих пор такие темные, что не знаете – за отца сыновья должны отомстить?!» [3, С. 26]. Но братья Ламба, представленные здесь сторонниками не традиционного абхазского уклада, а современного советского общества, так отвечают своему собеседнику: «...но ведь нас за это арестуют» [3, С. 26].

Наиболее широко в романе функционируют **предметные, пространственные и временные архетипы**. В группу предметных архетипов мы включаем архетип мирового древа, который в романе вырисовывается в образе старого ореха – Молельного дерева (как его именуют жители Чегема), или Древа детства

(номинация данная автором-рассказчиком), символизирующего связь с прошлым. Но в заключительной главе мы узнаем, что «молельный орех рухнул, должно быть от старости. Его гигантский ствол уходил вниз, на самое дно котловины, во мглу кавказских джунглей» [3, С. 26]. Так же, как древнее дерево, рухнул и патриархальный жизненный уклад, все старые жители села умерли или уехали в другие места, старое кладбище заросло непроходимой стеной из колючек, а значит, связь с прошлым разорвана.

К пространственным архетипам относим такие оппозиции как дом/лес (безопасное /опасное пространство), дом/дорога (закрытое /открытое пространство), дом/анти-дом (свое /чужое пространство). Архетипом родного дома, в широком смысле этого выражения, в романе выступает село Чегем. Чегем – это модель земного рая, общий дом для всех его жителей, это родное пространство. Противопоставлен Чегему город, где совершаются преступления, насилие, обман. Также в оппозиции с «раем на земле» находится пространство леса, издревле считающегося обителью нечисти.

Искандер отводит в романе место и **анималистическим архетипам**, представленным образами быка в новелле «Широколобый», мула в новелле «Мул старого Хабуга». Бык по кличке Широколобый являет собой символ свободы, он борец, который не может смириться со своей участью. Оказавшись на бойне он делает всё, чтобы спастись. В итоге погибает, но свободным.

Особого внимания в романе заслуживает череда личностных архетипов. В искандеровском сочинении мы выявили практически все, описанные в исследованиях на эту тему, разновидности личностных архетипов. В центральном герое романа, дяде Сандро, мы выделяем черты, характерные для одного из самых популярных архетипов – *Трикстера*. Трикстер – универсальный образ, наделённый общечеловеческими и национальными признаками. Сандро – плут, хитрец, способный выйти невредимым из любой жизненной ситуации. Он склонен к обману, если от этого зависит его судьба, он никому не подвластен и практически не «включён» в социальную систему, ему сложно вписаться в рамки закона. Сандро свойственно смеховое начало, игровой характер действий, но он не является объектом осмеяния, а сам осмеивает и шутит над другими героями. Если воспринимать село Чегем и город как два разных мира, то можно включить в характеристику героя двойственность и способность пересекать разные миры.

В романе представлены и такие личностные архетипы, как *мудрый Старик* (старый Хабуг), *мудрая Старуха* (мать и жена главного героя), архетип *Матери* (практически все героини романа), *грешницы* (Зейнаб), *жертвы* (дочери Махаза), *ребёнка* (Тали и многочисленные эпизодические героини-дети).

Исследовав роман в аспекте функционирования в нём архетипов, мы пришли к выводу, что в произведении представлены все четыре архетипических значения, включённых в классификацию. Каждое значение при этом имеет сложную внутреннюю систему архетипов.

Библиографический список

1. Большакова, А. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. – № 6. – С. 169-173.

2. Доманский, Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: Пособие по спецкурсу. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 94 с.
3. Искандер, Ф.А. Сандро из Чегема. М.: «Эксмо», 2014.
4. Мелетинский, Е.М. О литературных архетипах [электронный ресурс]. URL: http://ivgi.rsuh.ru/binary/object_2.1337777427.23922.pdf. Режим доступа – свободный (дата обращения 07.12.2021)

Евгения Валентиновна Липатова
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РОМАНЕ Д. ГРАНИНА «МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные классификации терминов в рамках определенных аспектов. Произведена классификация военной лексики романа Д. Гранина «Мой лейтенант» на базе морфологического способа образования слов.

Ключевые слова: «термин», терминология, способы образования слов, морфологический способ образования, сложение основ, аффиксация префиксация, суффиксация, постфиксация, заимствование лексем.

Evgeniya Lipatova
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

METHODS FOR FORMING MILITARY TERMINOLOGY IN THE ROMAN OF D. GRANIN «MY LIEUTENANT»

Abstract. This article discusses various classifications of terms within certain aspects. The classification of military vocabulary of D. Granin's novel "My Lieutenant" is carried out on the basis of the morphological way of forming words.

Key words: «term», terminology, ways of forming words, morphological way of forming, addition of stems, affixing prefixing, suffixing, postfixing, borrowing lexemes.

В отличие от слов языковой структуры общих целей, появление термина проходит наиболее сложный путь и не может быть спонтанным, поскольку связано с новым явлением действительности, номинация которого является одним из этапов процесса познания.

При этом номинация может происходить на любом этапе когнитивного процесса. Выбор того или иного знака для фиксации понятия основывается на опыте специалиста, его знаниях об объектах (военном деле, например), имеющих аналогичные или противоположные называемому характеристики, вследствие чего, появляющиеся в процессе и результате мыслительной деятельности ассоциации, ведут к осознанному наименованию и приводят к выводу о мотивированности термина, то есть номинации, сформированной в результате сознательной научной деятельности [4, с.287-289].

«Терминологическая номинация – опосредованный мышлением процесс именования специальных понятий из различных областей знаний человеческой деятельности» [4, с.12]. Терминологическая номинация осуществляется в соответствии с общеязыковыми принципами, но ее специфика заключается в участии профессионального знания и опыта специалиста в создании терминов,

«основное предназначение термина – способствовать эффективному общению в той научной области, которой он принадлежит» [2, с.14].

Мотивированные термины создаются по стандартным словообразовательным моделям с помощью корневых и аффиксальных морфем, но целенаправленный характер терминологической номинации требует выбора наиболее оптимальных языковых средств. Впоследствии формируется словообразовательная терминологическая система, опирающаяся на определенные способы словообразования и выполняющая коммуникативно-информационные функции профессионального общения.

Л.Г.Федорченко выделяет системность в качестве свойства термина не только на понятийном уровне, но и на морфологическом и словообразовательном, что проявляется в «многократном использовании одинаковых суффиксов и в однотипности словообразовательных моделей и конструкций» [6, с.10].

Для глубокого изучения военной лексики, выявленной в романе Д. Гранина «Мой лейтенант», нам кажется целесообразным рассмотреть структуру военных терминов.

Исходя из того, что военными терминами могут быть любые самостоятельные лексические единицы языка, если они приобретают соответствующие значения, мы рассмотрим все лексем, связанные с войной, военным положением.

Общеизвестно, что все лексические единицы русского языка, вне зависимости от происхождения, имеют определенную словообразовательную модель строения, т.е. терминообразование осуществляется следующими общелитературными способами:

- сложение основ.
- аффиксация (префиксация, суффиксация, постфиксация).
- заимствование лексем.

Кроме того, военная лексика имеет и свои источники пополнения, например, терминологизация уже существующих в языке названий.

Подобное многообразие словообразовательной структуры военных слов-терминов способствует их распространению не только в кругах специалистов, но и за их пределами.

Выше нами рассматривались различные классификации терминов в рамках определенных аспектов. Мы рассмотрим военную лексику Д. Гранина на базе следующей классификации:

1. Морфологический способ образования:

А. суффиксальный, префиксальный, постфиксальный

Б. безаффиксный

В. сложение основ

Морфологический способ словообразования в русском языке является наиболее продуктивным. С помощью морфологического способа словообразования новые слова создаются путем прибавления определенных морфем к основе слова, причем создание новых слов происходит по аналогии (образцу) уже существующих в языке слов.

В результате морфологического словообразования возникают новые в фонетико-морфологическом отношении слова, но из основ и аффиксов, уже существующих в языке.

В морфологическом словообразовании современного русского языка выделяются такие его разновидности, как аффиксация, безаффиксное словообразование, сложение слов. Рассмотрим эти способы образования на примере выявленных в произведении Д. Гранина военных терминологизированных лексем.

А. Аффиксация – самый продуктивный вид морфологического словообразования в современном языке. Это образование новых слов путем присоединения к производящей основе либо к производящему слову тех или иных словообразовательных аффиксов.

Аффиксы, с помощью которых образуются новые слова, называются формантами. Формант может состоять из одного словообразовательного аффикса (приставки, суффикса, постфикса) или из нескольких словообразовательных аффиксов.

В зависимости от того, какие аффиксы участвуют в образовании новых слов, различаются виды аффиксального словообразования: суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, постфиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный. Данное различие происходит в зависимости от типа форманта, присоединяемому к основе.

Суффиксация – это образование новых слов присоединением к производящей основе суффиксов. Суффиксация действует в словообразовании всех основных частей речи современного русского языка.

Префиксальный способ словообразования (**префиксация**) – это образование новых слов присоединением к производящему слову приставок (префиксов). Для префиксации характерно, что префикс присоединяется не к основе слова, а к целому слову. Образованное префиксальным способом слово всегда принадлежит той же части речи, что и производящее.

Префиксация наиболее активно действует в словообразовании глаголов.

Префиксально-суффиксальный способ словообразования – это образование новых слов присоединением к производящей основе одновременно приставки (префикса) и суффикса.

Постфиксальный способ словообразования (**постфиксация**) – это образование новых слов присоединением к производящему слову постфикса. В современном русском языке в роли словообразовательного постфикса выступают аффиксы **ся (-сь), -то, -либо, -нибудь**.

Производное слово относится к той же части речи, что и производящее. Постфиксация имеет место в словообразовании глаголов, неопределенных местоимений и наречий.

Префиксально-постфиксальный способ словообразования – это образование новых слов присоединением к производящему слову одновременно приставки (префикса) и постфикса.

Суффиксально-постфиксальный способ словообразования – это образование новых слов присоединением к производящей основе одновременно суффикса и постфикса. Этим способом образуются только глаголы.

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ словообразования – это образование новых слов присоединением к производящей основе одновременно приставки (префикса), суффикса и постфикса. Как и в суффиксально-постфиксальном способе, от данных слов невозможно отделить постфикс. Этот

способ словообразования также действует только среди глаголов. Сравните: *стрелять – пристреливаться*.

В романе «Мой лейтенант» встречаем такие единицы: *контузия, ранение, лейтенант, милиционер, артиллерист, гимнастерка, боец, командир, ополчение, налет, дивизия, война, армия, отставка, сержант, оружие (орудие), фашист, госпиталь, винтовка, пистолет, драться, граната, радист, пехота* и др.

Сравните: *Сколько их было кругом – ранений, контузий; С Левашовым мой лейтенант подружился позже, в батальоне, где Левашов был ПНШ-2, то есть помощник начальника штаба. Когда его увозили, он успел наговорить Иголкину, кому помочь, кого поддержать огнем нескольких пушек; – Извиняюсь, – сказал милиционер. – Я в смысле артиллеристов. Двух пьяных задержали; – Там уже автоматчики, немцы, – сказал Д.; Шоссе и все проселки запружены беженцами; Солдаты из разбитых частей шли через Пушкин;*

Б. Безаффиксный способ словообразования действует исключительно среди существительных. Производящими основами могут быть только основы глаголов и прилагательных.

При данном способе словообразования производящая основа без присоединения каких-либо аффиксов становится основой существительного. От производящих основ глаголов, имеющих в своем морфемном составе приставки, безаффиксным способом образуются существительные мужского, реже женского рода. От производящих основ прилагательных образуются существительные только женского рода. В «Моем лейтенанте» мы выявили следующие военные термины: *танк, затвор, расстрел, обстрел, снаряд*. Отметим, что безаффиксных словообразований намного меньше, чем всех остальных.

Сравните: *Попробовал поговорить с ребятами из сборки насчет танка для батальона; Шелестя, пронеслись над нами невидимые снаряды и взрывались где-то посреди города; Завывал тяжелый снаряд, губы сами шептали: «Господи, пронеси, господи»; До сих пор дворец был для него лишь укрытием от обстрелов; Я поднялся и стряхнул снег с затвора; и др.*

В. Сложение – это способ образования новых слов соединением двух или более основ или слов.

Показателями словообразовательного значения сложного слова являются единое, главное словесное ударение и закрепленный порядок следования частей. В зависимости от того, что объединяется при образовании новой лексической единицы, различают основосложение и словосложение.

При словосложении образуются составные слова. В современном языке продуктивным является образование сложных составных существительных, в которых компоненты имеют определенный порядок следования (определяемое – определяющее).

При основосложении образуются сложные слитные слова. В современном языке могут соединяться полные и сокращенные основы.

Возможно также образование слов сложением полных основ с одновременным присоединением аффиксов. Такими способами словообразования являются сложносуффиксальный, сложнопрефиксальный и сложнопрефиксально-суффиксальный.

В произведении Д. Гранина встречаем такие военные лексемы: *самолет, противогаз, самострел, бронемашинка, миномет* и под. Подобные лексемы,

образованные с помощью сложения основ, в произведении «Мой лейтенант» встречается крайне редко. Исключение составляют указанные слова.

Например: *Показались немецкие самолеты. Сперва несколько, потом небо загудело, их налетели десятки; «Одного расстрелять за самострел, второго – за трусость, бегство с поля боя и паникерство, третьего – за намерение перейти к немцам»;* и др.

Рассмотрев словообразовательную структуру военных терминологизированных лексических единиц в романе Д. Гранина, мы пришли к следующему выводу, что терминологическая номинация осуществляется в соответствии с общеязыковыми принципами.

Библиографический список

1. Гранин Д.А. Мой лейтенант: Роман. – М., 2011.
2. Гусева, И.Г. Когнитивно-дискурсивный анализ межотраслевой экологической терминологии в области рыбного промысла: на материале английского языка. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 2004. – 24 с.
3. Харлицкий, С.М. Информационная структура термина: на примере русских терминов рекламы и связей с общественностью. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 2003. – 22 с.
4. Чистюхина, С.Н. О некоторых особенностях и функциях термина // Филологические науки: Теория и практика общественного развития, 2011. - №1. - С.287 – 289.
5. Суперанская, А.В. Литературный язык и терминологическая лексика. – М., 1983. – 280 с.
6. Яшина, Т.В. Влияние контекста на формирование терминологии в границах англоязычного инновационно-технического дискурса // Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. – Саранск, 2016. – 208 с.

Салиха Юлдашевна Усманова
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

Шахло Ризаевна Мирзаева
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВИДОВ ГЛАГОЛА В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Аннотация. В статье рассматривается лексикографическое описание видов глагола в двуязычных словарях. В русском языке видовая корреляция получается не в пределах одной и той же лексико-семантической единицы, а образуется соотносительностью двух сравнительно самостоятельных по значению единиц. Важной практической и теоретической задачей является совершенствование лексикографической характеристики лексической и грамматической семантики.

Ключевые слова: словарь, лексика, лексикографическое описание, двуязычные словари.

Salikha Usmanova
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

Shakhlo Mirzayeva
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF TYPES OF VERBS IN BILINGUAL DICTIONARIES

Abstract. The article deals with the lexicographic description of the verb species in bilingual dictionaries. In the Russian language, the species correlation is not obtained within the same lexical and semantic unit, but is formed by the correlation of two relatively independent units in meaning. An important practical and theoretical task is to improve the lexicographic characteristics of lexical and grammatical semantics.

Key words: dictionary, vocabulary, lexicographic description, bilingual dictionaries.

В словарях каждое слово – отдельная проблема. Любой словарь не может дать ни одной характеристики слова без учета его системных свойств на лексическом, семантическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом уровнях и, кроме того, собирает эти разные свойства в один фокус, отражая их межуровневые связи. В экспликации разносистемных свойств слова в точке их пересечения и состоит лексикографическое описание, именно поэтому являющееся уникальным

способом лингвистического описания. Лексикография представляет результаты изучения больших материалов и потому, что она отражает всю картину, охватывая словарный состав в целом, и потому, что лексикографическое описание предполагает одновременный учет разных свойств слова. Эксперимент такого размаха не может быть повторен вне лексикографии [2, С. 6].

Семантическая структура многих разрядов лексики связана с необходимостью проникновения в мир объективной действительности, с необходимостью знакомства с миром реальных вещей, окружающих человека в его жизни. В глагольной лексике находят свое отражение такие различные явления действительности, как свойства постоянные и свойства изменяющиеся, статичность и динамика самих предметов и их свойств – это всегда учитывается при описании языков разного строя. Различение в семантическом плане действий и не-действий, действий динамических и статических, глаголов действия и глаголов состояния или активных и инактивных глаголов является первым и основным в глагольной лексике.

Между тем многое в семантической характеристике глагольного слова нуждается в дополнительной коррекции и совершенствовании. К самым характерным недостаткам лексикографического описания лексической семантики следует отнести следующие: включение в словарь квазилингвистических объектов (вместо значений слова описание реалий, научных знаний, идеологических воззрений); исключение в некоторых случаях денотативной отнесенности (при описании значения только указанием внутриязыковых соотношений – синонимии или лексической деривации), сигнификативного значения; смешение внутриязыковых свойств – неразличение грамматической и лексической семантики, стилистических свойств и лексической семантики, отсутствие унификации, т.е. неоправданные различия в характеристике сходных явлений и, напротив, унифицирование описания на основе каких-либо «сходств» – сходства денотатов, способа семантической деривации, грамматического значения и т.д. при игнорировании индивидуальных свойств значения данного глагольного слова; смешение значения слова и значения контекста; смешение значения слова и употребления и т.д.

Семантическая разработка лексики в словарях стремится к исчерпывающей семантической характеристике всех лексико-грамматических категорий слова. В словаре определяется не узкоконтекстуальное применение слова, а предстает его обобщенное значение. Семантика глагольного слова в двуязычном словаре раскрывается не только с помощью переводов заглавного слова и иллюстративного материала, но и через систему грамматических, стилистических и прочих помет, всевозможных пояснений и определений, способствующих его правильному восприятию и употреблению в речи.

Лексико-семантические группировки слов в настоящее время активно изучаются в лексикологии, словообразовании и морфологии. Выделение таких групп происходит на основе семантических признаков, общих для данной группы слов. Иногда индивидуальное поведение отдельного слова в определенной группе слов оказывается непредсказуемым, поэтому при лексикографировании следует использовать гибкое, избирательное моделирование слов в словарной статье. При описании конкретного слова необходимо учитывать множественность его связей, в лексической системе конкретного языка, выбирая существенные, функциональные в данном описании связи слов с другими словами. При анализе содержательной части словарных статей следует учитывать различия в глубине лексической проекции

слова и степень воспроизведения семантической емкости слова. Словари описывают форму данного слова его лексическую и отчасти грамматическую семантику.

В лексикографической традиции, как правило, грамматические отношения между словами фиксируются односторонне. Принятая в толковых и переводных словарях форма показа соотносительности глаголов совершенного и несовершенного видов дает ясное представление о том, что у данного глагола несовершенного вида есть глагол совершенного вида.

Наиболее традиционным элементом в лексикографической практике при описании глагольного вида являются грамматические пометы: *несов.*, *сов.*, *однокр.*, *многокр.* Например: *мигнуть*, сов. и однокр. к *мигать*.

В русском языке видовая корреляция получается не в пределах одной и той же лексико-семантической единицы, а образуется соотносительностью двух сравнительно самостоятельных по значению единиц. В большинстве случаев компоненты видовых пар отчетливо различаются по собственно лексическому значению, вследствие чего они как лексические единицы не могут заменять друг друга.

Грамматический строй русского и узбекского языков различен. Глаголы различных видов в узбекском языке передаются разными словами, некоторые с помощью вспомогательных глаголов - *ёт*, *тур*, *ўтир*, *юр*, которые вносят дополнительный оттенок в значение слова. См. словарные статьи глаголов *отпрыгивать*, несов. см. *отпрыгнуть*. *Отпрыгнуть* сов. *сакрамок*. В данной словарной статье глагола *отпрыгнуть* еще и однократный, обе статьи без иллюстративных примеров. Аналогично построена словарная статья глаголов *впихивать* несов. см. *впихнуть* и *впихнуть*, сов. и однокр. *кого-что*, разг. Даже в таких видовых парах, как *делать* - *сделать*, *писать* - *написать* лексикографу следует отнести их к разным лексическим единицам и рассматривать их как разные слова в переводном словаре.

Наши наблюдения показали, что отсылки от одного вида к другому не всегда верны, а иногда ведут к грубейшим ошибкам. В словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова в словарных статьях *выжидать* - *выждать* дается отсылка от глагола совершенного вида к несовершенному виду, почти все русско-тюркские словари следуют ему. В русско-узбекском словаре дают толкование глаголу *выждать*, а в русско-казахском, в русско-татарском, русско-башкирском словарях глаголу *выжидать*. По мнению Юлдашева А.А., «правомерность рассмотрения в словаре одного из компонентов видовой пары весьма проблематична» [5, С. 359], поэтому трансформация одного вида глагола в другой совсем необязательна, так как она связана с изменением лексического значения слова. Это подтверждают примеры из двуязычных словарей, нередки случаи, когда в глагольной статье иллюстрируется только совершенный вид глагола, а несовершенный оставляется без примера, хотя именно он, в связи со своей меньшей употребительностью, больше нуждается в подтверждении примерами.

С категорией вида в русском языке тесно связана категория времени. Парадигма времени зависит от парадигмы вида, неполнота парадигмы времени влечет за собой неполноту парадигмы вида. Глагольное время представляет собой грамматическую категорию словоизменительного типа. Полной временной парадигмой, состоящей из пяти форм, обладают лишь те глаголы, которые имеют формы обоих видов *открыть* - *заккрыть* - *открывать*, *закрывать* и т.п.). Глаголы, которые существуют лишь в одном виде, обнаруживают недостаточность парадигмы времени (ср. *отрицал*, *отрицаю*, *буду отрицать* - *ринулся*, *ринется*). В зависимости от

полноты - неполноты видовой парадигмы одни лексические единицы, обладая всеми формами времени, могут выражать гамму временных отношений и оттенков, а другие, обладающие лишь частью временных форм, ограничены в передаче семантики времени. Вид и время являются самостоятельными и в то же время взаимосвязанными грамматическими категориями. Временная парадигма русского глагола зависит от вида, несовершенный вид определяет состав временных форм – прошедшее, настоящее и будущее, отличающийся от состава временных форм, определяемых совершенным видом, - прошедшее и будущее время.

Функционирование видов зависит от временного плана в русском языке.

В тюркских языках грамматической категории вида, сходной с русской, нет, хотя многие это утверждение оспаривают. О нетождественности видовой характеристики глаголов в разносистемных языках лучше всего свидетельствует трудность, с какой усваивается система глагольного вида русского языка. В тюркских языках видовое значение законченности / незаконченности дает о себе знать в области формообразований, в словообразовании при помощи вспомогательных глаголов [4, С.С. 131-140, 67-71].

Взаимодействие этих двух компонентов представляет собой внутреннюю сущность глагола как выразителя категории времени и видовых отношений. Временные отношения между действием и предметом совершаются определенным способом, либо они ограничены некоторым пределом, либо относительно беспредельны. Категории времени и вида являются как бы взаимодополняющими анализаторами глагола в русском языке. Временные формы обозначают положение на временной оси некоего абстрактного действия, устанавливая его отношение к точке отсчета, соответственно формы вида раскрывают содержание этого действия, показывая, что оно собой представляет, какую сторону реального действия репрезентирует.

То или иное значение вида у глагола реализуется в контексте, поэтому следует в словарной статье представлять примеры. Семантика категории времени обогащается за счет переименования глагольного времени с глагольным видом. По мнению Е.В. Падучевой [3, С. 131], поведение во временном контексте – самая важная семантическая характеристика глагола, предопределяющая многие другие его свойства. Употребление глагола в существенной степени определяется тем, каким именно специфическим образом в его семантике заложена и предполагается ею идея времени.

Таким образом, грамматика и словарь – два вида наиболее полного описания литературного языка. Имея дело с одними и теми же языковыми фактами, они отражают наше понимание системности языка и являются основой его дальнейшего изучения. Одна из задач совершенствования этих видов описания определяется необходимостью их согласованности, чтобы их разграничение не было произвольным или непоследовательным. Глагол и его категории в этом плане представляют все еще большие возможности их осмысления и для грамматики, и для лексикографии.

Совершенствование лексикографической характеристики лексической и грамматической семантики – важная практическая и теоретическая задача. Поиск новых подходов к их изучению, попытки уточнения лексикографических способов описания лексического значения требуют внимания, тщательного анализа и обсуждения.

Библиографический список

1. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / Авториз. пер. с польск. В. Ф. Конновой. - Москва: Прогресс, 1973. - 286 с.
2. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) / АН СССР. Ин-т рус. яз. Ин-т языкознания. - Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. - 64 с.
3. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. - М. : Шк. "Языки рус. культуры", 1996. - 464 с
4. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1965. - 275 с.
5. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей [Текст]. - Москва : Наука, 1972. - 416 с.

Раздел II
Лингвистические аспекты межкультурных
контактов

Section II Linguistic aspects of cross-cultural
contacts

Татьяна Юрьевна Авдеева
директор Центра обучения
Европейским и Восточным языкам Elite,
Алтайский государственный университет
Россия, Барнаул

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ ЯЗЫКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Аннотация: в современной лингвистике все большую популярность набирает интерес к minor языкам, языкам Горного Алтая в частности. Их самобытность, географическая и этническая принадлежность определяет многогранность понятие "алтайского языка" гораздо шире, чем считалось в начале XX века. Алтайские языки напрямую связаны с азиатскими языками, их изучение позволяет вскрыть удивительные механизмы в японском, китайском, корейском и других языках Азии.

Ключевые слова: алтайский, кумандинский, челканский, тубаларский, теленгитский, телеутский языки, диалекты, языковая политика, лингвистика, ареал языков, этнокультура.

Tatiana Avdeeva
Director of the Training Center
European and Oriental Languages Elite,
Altai State University
Russia. Barnaul

LINGUISTIC SEGMENT OF THE LANGUAGES OF THE ALTAI MOUNTAINS

Abstract: in modern linguistics, interest in minor languages, the languages of the Altai Mountains in particular, is gaining more and more popularity. Their identity, geographic and ethnic affiliation determines the versatility of the concept of the "Altai language" is much broader than was thought at the beginning of the twentieth century. Altaic languages are directly related to Asian languages, their study allows you to uncover amazing mechanisms in Japanese, Chinese, Korean and other Asian languages.

Keywords: Altai, Kumandinsky, Chelkan, Tubalar, Telengit, Teleut languages, dialects, language policy, linguistics, area of languages, ethnoculture.

Горный Алтай является одним из тех регионов земного шара, где еще в полной мере сохраняются традиции живого функционирования фольклора в различных жанровых разновидностях. Наиболее значительным из всех жанров алтайского фольклора является героический эпос, который, будучи архаичным по своей природе, принадлежит отнюдь не только историческому прошлому. И в настоящее время в каждом районе Саяно-Алтайского нагорья живут известные сказители, знатоки различных эпических произведений, чье исполнительское искусство вызывает неизменный интерес и восхищение у слушателей и дает счастливую возможность ученым-исследователям записывать варианты как старых, так и новых или восстановленных. Сказительское искусство на Алтае никогда не прекращало своего существования, а в настоящее время оно явно переживает период подъема и возрождения.

Население Алтая по своей этнической принадлежности делится на несколько групп: северные алтайцы, к которым относятся кумандинцы, челканцы и тубалары; телеуты, составляющую отдельную группу; южные алтайцы – теленгиты и алтай-кижи, или собственно алтайцы. Северные алтайцы проживают в северной части республики Алтай, в Турочакском, Чойском и Чемальском районах. Часть кумандинцев живет за пределами республики – в Солтонском и Бийском районах Алтайского края. Телеуты встречаются на всей территории Алтайского края и во многих районах Сибири. Часть из них около 100 лет проживает в Шебалинском районе Республики Алтай – в селах Мью-та, Улус-Черга, Малая Черга, Камлак. Небольшая часть телеутов живет за пределами республики – в Беловском районе Кемеровской области. Примерно 2.5 тыс. телеутов живут сейчас на юге Западной Сибири, часть в городах Кемеровской области, Алтайского края и Республики Алтай. Многие представители этого народа расселились по всей территории бывшего Советского Союза [1, с. 4]. В Республике Алтай наиболее компактно расселены южные алтайцы – теленгиты. Это – Улаганский и Кош-Агачский районы. Алтай-кижи населяют Шебалинский, Онгудайский, Усть-Канский и Усть-Коксинский районы. Этнической дробности алтайцев соответствует и лингвистическая. Алтайский язык делится на несколько диалектов, хотя большинство алтайцев, независимо от племенного и территориального разделения, знает литературный язык, основу которого составляет язык южных алтайцев (алтай-кижи), и поэтому все этнические группы алтайцев могут легко общаться между собой.

Таким образом, разнообразие этнонародов, говорящих на языке определяет тот факт, что, действительно, влияние языков Алтая на формирование этнокультуры Алтая было значительно на протяжении их многовековой истории, что, несомненно, определило их сегмент в лингвистике.

Классификацию алтайского языка и его наречий впервые дал выдающийся исследователь алтайцев миссионер В. И. Вербицкий. Он выделил в языке 2 наречия – южное (алтайское) и северное (аладагское или наречие черневых татар). К алтайскому наречию относятся языки теленгутский (алтай-кижи), телеутский и теленгитский (чуй-кижи), к аладагскому – шорский, хакасский, тубаларский, кумандинский, челканский языки [2, с. 3], [3, с. 53]. Известный лингвист-тюрколог Н. А. Баскаков высоко оценил классификацию алтайского языка, предложенную В. И. Вербицким, и, взяв ее за основу, внес некоторые уточнения. Кроме того, Н. А. Баскаков определил место алтайского языка и его диалектов среди других тюркских языков [4]. С современной точки зрения южные диалекты алтайского языка – алтайский, телеутский и теленгитский относятся к восточнохуннской ветви тюркских языков к киргизско-кыпчакской языковой группе (древнекиргизский, киргизский, алтайский). Северные диалекты алтайского языка (тубаларский, кумандинский, челканский) относятся к уйгуро-огузской группе восточнохуннской ветви тюркских языков с подгруппами, объединяющей уйгуро-туюойской, якутской и хакасский языки [5, с. 218].

Что касается тубаларского языка, то Н. А. Баскаков считал вполне вероятной гипотезу Кастрена-Радлова-Аристова и подтвержденную, с его точки зрения, китайскими источниками, о ненецком (самодийском) субстрате тюркского языка некоторых южносибирских племен, имеющих общее этническое название «туба». Носителями этого этнонима являются тувинцы (тува), карагасы (тофа, тофалар), шорцы (туба), алтайцы (туба-тува – тума). По мнению Н. А. Баскакова, современное

расселение тубаларов было связано с передвижением тюркских племен в IX в. После разгрома Восточного Тюркского каганата уйгурами, группы больших племенных объединений телёсов, тюргешей, тогуз-огузов были оттеснены на территорию Алтая и смешались с местными ненецкими (самодийскими) племенами, получили от них общее этническое название, но передали им тюркский язык [6, с. 7-9]. Следует, однако, заметить, что в настоящее время гипотеза о тюркизации самодийского населения Южной Сибири не получила ни достаточно убедительного подтверждения, ни резкого опровержения.

У каждой группы алтайцев всегда существовала и существует до сих пор своя эпическая традиция. Имеются также целые циклы эпических сказаний, которые распространены в различных вариантах среди всех групп алтайцев. Все вместе эти сказания образуют то сложное и многогранное явление, которое называется алтайским героическим эпосом. Необходимо отметить, что та историческая и этнокультурная среда, в которой веками языки существовали, развивались, приобретали новые черты, видоизменялись и в каждую эпоху все это повлияло на языковое многообразие среди народов Алтая.

Необходимо учитывать, что Алтай на протяжении многих веков находился на перекрестке, в самой гуще различных миграционных многоэтнических потоков, проходящих через его территорию. Алтай входил в состав различных государственных объединений, сменявших друг друга, что естественно накладывало отпечаток на складывание культуры местного населения, что можно увидеть в трудах историков, археологов, этнографов [7], [8], [9], [10], [11].

Представление о современном изучении и развитии языков Алтая невозможно без обозрения их исторического, антропологического, этнического путей. Благодаря интенсивным археологическим раскопкам, проводившимся в районе Улалинской и Денисовской пещер, возраст которых исчисляется 300-400 тыс. лет, ученые смогли сделать важные выводы, касающиеся этнической истории этого региона, уходящей в глубину тысячелетий, в эпоху палеолита. Наибольшего расцвета достигла материальная и духовная культура древнего населения Алтая в эпоху бронзы. Всему миру известная Пазырыкская культура, расцвет которой приходится на 5-3 вв. до н. э. находки Пазырыкских курганов свидетельствуют о широких культурных связях древнего населения Алтая и о воздействии Алтая как сакрального центра на обширный регион вплоть до Корейского полуострова [9], [11], [12]. Но если материальная культура Пазырыка известна довольно широко (достаточно назвать хотя бы прекрасные бронзовые и золотые изделия, характеризующие высокий уровень металлургического производства), то о народах и духовной культуре того времени мы имеем сведения, в основном, гипотетического и легендарного характера. В то же время для интерпретации материалов, относящихся к пазырыкской культуре, ученые в ряде случаев широко привлекают фольклорные данные народов Южной Сибири – хакасов, тувинцев, алтайцев.

Д. Г. Савинов на основании археологических материалов и данных по этнической истории Алтая выделил телесцов как особый этнический пласт в формировании позднесредневековых алтайских племен, которым он дал общее название – «алтае – телесские тюрки» [10]. Этот термин представляется очень удачным, так как в нем заключена идея преемственности у средневековых теленгутов и телеутов (XII-XIV вв), в становлении которых принимали участие телесцы (IV в. н. э.), племена северных хуннов (до 3 в. н. э.). Итак, как было отмечено выше, основное этническое ядро современных алтайцев составляют потомки

телесских племен. Это крупнейшие роды и племена - тёлёсы, мундусы, дьябаки, дьярыки, тубалары, кёбёки, тюргеши, тогу-сы, буруты, тонжаны, байлагасы, чагаты, юссы и многие другие. Другие многочисленные роды алтайцев — иркиты, найманы, кергилы, тоже имеют тюркское происхождение, но в известных письменных источниках ранее IX в. не зафиксированы. Найманы и керей (возможно, родственные алтайским керги-лам) упоминаются в мусульманских источниках в числе огузских племен. В более поздних монгольских источниках упоминаются иркиты и найманы, игравшие весьма значительную роль в истории тюрков и монголов.

В IX-X вв. Горный Алтай входил в состав Уйгурского и Кыргызского каганатов. Сменявшие друг друга каганаты вместе с территориями наследовали и жившие на этих территориях народы, которые в конечном счете были потомками древних динлинов, а несколько позже — северных хуннов. Не удивительно поэтому, что современные алтайцы и кыргызы — потомки древних «хя-гасцев», смешавшихся с динлинами, о чем говорилось выше, считаются наиболее близкими друг другу по этническим параметрам, а их языки входят в одну языковую ветвь. Для характеристики культурной атмосферы в древнетюркскую эпоху необходимо несколько слов сказать о письменности. В настоящее время на территории Алтая обнаружено более 70-ти надписей, являющихся памятниками древнетюркского письма. В одном только месте Калбак (Ялбак)-Гаш обнаружено 39 надписей. В настоящее время обнаружены новые древнетюркские надписи. Помимо памятников древнетюркского письма, зафиксированы также надписи на монгольском языке [13, с. 17-18].

В фольклорно-эпической традиции сохранились различные наименования письма: «будак» (букв, «ветки, сучья»), «ойгор» (алт. уйгур), «тодо», «ойрот» (монг, ойротское). Имеются также различные термины, обозначающие функции письменности: «самара» (письмо, послание), «бичик» (книга, письменность), «бичик-билик» (книга, знание, мудрость). В науке достаточно хорошо освещена выдающаяся роль в истории культуры древнетюркских рунических надписей на каменных стелах или скалах, в том числе орхоно-енисейских текстов VI-VIII вв., сохранившихся на территории Монголии. Они представляют собой историко-литературные памятники со своей художественной организацией речи, близкой к стилю устного народного поэтического творчества [14, с. 43-49]. Во всяком случае, само наличие большого количества надписей, относящихся к различным периодам и различным письменным традициям, свидетельствует о том, что предки алтайцев в далеком прошлом вступали в контакт с широким кругом племен и народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Первые разрозненные данные по алтайскому языку были получены в XVIII в., в дальнейшем его изучением занимались члены Алтайской духовной миссии. Впоследствии значительный вклад в изучение алтайского языка внесли В. В. Радлов, Н. П. Дыренкова, Н. А. Баскаков. Неопределенный статус алтайского языка сегодня очевиден, несмотря на то что он является государственным (с 1993 г.) наряду с русским. Обязательное изучение алтайского языка республиканским законом не закреплено. Он не попадает в число обязательно изучаемого предмета и по федеральному закону об образовании. Изучение или неизучение алтайского языка в конкретной школе сейчас зависит только от желания родителей. Дети алтайцев города и некоторых райцентров неохотно посещают факультативы по родному

языку. В сознании части родителей укоренилась установка на то, что алтайский язык никому не нужен.

Алтайский язык принадлежит молодой тюркоязычной народности Южной Сибири, относится к киргизско-кыпчакской группе восточнохуннской ветви тюркских языков; близкий киргизскому [4]. Сегодня алтайская народность окончательно не сложилась. Она формировалась во многом искусственно по административно-территориальному принципу на базе шести тюркоязычных этнических групп. Эти диалекты взаимно понятны, однако не близкородственны. Ведущей в этом союзе является группа алтай-кижи, или собственно алтайцев. Диалект алтай-кижи входит в южную группу диалектов, объединенных в понятие «алтайский язык». В эту группу входят также диалекты телеутов и теленгитов, близкородственные и между собой, и с алтай-кижи. В северную группу входят: кумандинский, челканский и туба. Однако по последним данным, эти диалекты уже не представляют собой компактную группу.

Русско-алтайский билингвизм распространен достаточно широко, особенно в центральных районах Республики Алтай. По-русски говорят практически все алтайцы. Алтайский язык не получил распространения в сферах управления, делопроизводства, специального среднего и высшего образования, в современных отраслях народного хозяйства республики. Эти сферы обслуживаются русским языком. Корпус текстов на алтайском языке (южные диалекты) был заложен еще в XIX в., трудами православной миссии были сделаны переводы Евангелия, молитв и других религиозных текстов. Северные диалектные черты в литературных текстах практически не отражены [15]. Телеутский язык – язык коренного субэтноса телеутов, входящих в состав населения Республики Алтай, Алтайского края, а также Кемеровской области. Язык бачатских телеутов некоторые исследователи считают диалектом алтайского языка, хотя это мнение представляется достаточно спорным: телеутский диалект, на котором говорят телеуты, проживающие в Горном Алтае, мало отличается от диалекта алтай-кижи и входит в состав алтайского языка, а язык бачатских телеутов, которые давно обособились и проживают за пределами Республики Алтай, имеет много особенностей, отличающих его и от алтайского языка, и от алтайско-телеутского диалекта. Такие дивергентно-конвергентные процессы протекают во многих регионах Сибири.

Язык телеутов по своим лингвистическим признакам относится к киргизско-кыпчакской группе восточной ветви тюркских языков [4], вместе с языком алтай-кижи был положен в основу алтайской письменности. Используется для общения в тесном семейном кругу, в мононациональных производственных коллективах, занятых традиционными способами хозяйствования, при проведении этнических праздников.

Теленгиты – представители южной группы алтайцев, в 2000 г. были отнесены к коренным малочисленным народам РФ. Теленгитский язык относится к киргизско-кыпчакской группе восточно-хуннской ветви тюркских языков. В теленгитском диалекте выделяются два говора. Кумандинцы (куманды / куванды / куванта, кувандыг / кувандык / кувандых) – одна из тюркоязычных этнических групп, входящих в состав населения Республики Алтай. Термин куманды не является самоназванием этноса, он был дан ему соседними племенами по названию самого многочисленного рода, восходят к этнониму куман с тюркским корнем *qu*: < *qub* ‘бледный, половой’ + *-man*. Древнее влияние различных тюркских диалектов на язык кумандинцев сказывается до сих пор, вызывая споры о языковой

квалификации языка. По ряду фонетических особенностей язык кумандинцев сближается с шорским языком и отчасти – с хакасским. Он сохранил также специфические черты, выделяющие его не только среди алтайских диалектов, но и в составе других тюркских языков. Челканцы – один из тюркоязычных этносов, входящих в состав населения Республики Алтай.

Они известны также под устаревшим названием лебединцы, или лебединские татары. Язык челканцев относится, по классификации Н. А. Баскакова, к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков. Самоназвание челканцев – челканду / шалканду, а также куу-кижи (куу ‘лебедь’, откуда и возник калькированный с тюркского этноним лебединцы и гидроним река Лебедь). Первая фиксация языка челканцев (лебединцев) принадлежит В. В. Радлову. В. В. Радлов считал язык лебединцев мало отличающимся от языка кумандинцев [16]. По наиболее распространённой точке зрения, алтайская семья включает тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки; в максимальном варианте – также корейский язык и японо-рюкюские языки (родство с двумя последними группами наиболее спорно). Сторонники теории генетического родства датируют распад алтайского праязыка приблизительно V тысячелетием до н. э. на основании данных глоттохронологии (17 совпадений в 100-словном списке Сводаша [17] предполагалось деление на японо-корейскую и тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурскую (западноалтайскую или материковую) подсемьи. Однако в Алтайском этимологическом словаре методами лексикостатистического анализа и анализа сравнительного распределения лексических изоглосс предлагается деление на три подсемьи:

- западную (тюрко-монгольскую), распавшуюся в сер. 4-го тыс. до н. э. на тюркскую и монгольскую ветви (25 совпадений в 100-словном списке);
- центральную, включающую тунгусо-маньчжурскую ветвь;
- восточную (японо-корейскую), распавшуюся в сер. 3 тыс. до н. э. на корейскую и японо-рюкюскую ветви (33 совпадения в 100-словном списке).

Сторонники алтайской гипотезы предполагают, что до III тыс. до н. э. японо-корейцы и тунгусо-маньчжуры составляли единство, расколотое созданием глазковской культуры и королевства Кочосон. Раскол японо-корейцев произошел лишь в IV веке до н. э., когда часть из них переселилась в Японию и ассимилировав местных айнов, создала протояпонскую культуру Яёй. Отсутствие признания генетического статуса алтайского объединения алтаисты объясняют тем, что дальнейший распад ветвей происходил гораздо позднее:

- тюркская ветвь – 72 % между отдельными составляющими (примерное время распада – начало н. э.);
- монгольская ветвь – 90 % (X век, по другой версии – V век);
- тунгусо-маньчжурская ветвь – 65 % (IV век до н. э.);
- японо-рюкюсская ветвь – 74 % (II век до н. э.);
- корейская ветвь – 91 % (XI век) [18]

Западные лингвисты иногда объединяют корейскую и японо-рюкюскую ветви в одну пуёскую ветвь, в которую включают также ряд мёртвых языков: древнеяпонский, древние языки Корейского полуострова (когурёский, силла, пэкче, пуё и др.). Среди других языков, предлагающихся к включению: айнский, нивхский, эскимосские языки.

Изучение алтайских языков невозможно без детального анализа исторической справки их возникновения, распространения, укоренения на территории Алтая, стран Азии. Разветвленность семьи алтайских языков позволяет утверждать, что

корни таких языков, как монгольский, корейский, японский и другие берут начало от языков Алтая, несмотря на тот факт, что в современном мире эти языки являются официальными языкам отдельных государств.

Библиографический список

1. Функ Д.А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интер-претации и новые исследовательские возможности. М.: ИЭА РАН, 1997, 268 с. Т.3 (в 2-х ч.)
2. Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884
3. Вербицкий В. В. Алтайские инородцы. М., 1893 - 269 с.
4. Баскаков Н. А. Алтайский язык: Введение в изучение алтайского языка и его диалектов / Н. А. Баскаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1958 - 115 с.
5. Баскаков Н. А. Тюркские языки / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. - Москва : Изд-во вост. лит., 1960. - 242с.
6. Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). М.: Наука, 1965 - 340с.
7. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н.А. Аристов. - Санкт-Петербург: тип. С.Н. Худекова, 1897. - [2], 182 с.
8. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. - Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. - 839 с.,
9. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири [Текст] / С. В. Киселев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. - [2-е изд.]. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. - 652 с.
10. Кляшторный С. Г. Древнетюркские племенные союзы и государства // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. М., 1994, – С. 5-91.
11. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т археологии. - Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1960. - 360 с.
12. Никитина, Марианна Ивановна. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его "спутники" в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран / М. И. Никитина; Сост. и ред. В. П. Никитин; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. С.-Петербург. фил. - СПб. : Петерб. востоковедение, 2001. - 547 с.
13. Ямаева Е. Е. Письменный памятник из Чирик-Таша // Алтай и Центральная Азия: Культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности). Горно-Алтайск, 1999, с. 17-18.
14. Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI-УШ веков. М., 1965. 170 с.
15. Модоров Н. С. Межнациональные, межэтнические и межконфессиональные процессы в Горном Алтае: состояние, проблемы, пути их устранения / Н. С. Модоров // Алтай – Россия: через века в будущее. – Горно-Алтайск, 2006 – С.14–18.
16. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. / В. В. Радлов. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.
17. Список_Сводеша [Электронный ресурс] - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

18. Алтайские_языки [Электронный ресурс] - URL:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Алтайские_языки
"https://ru.wikipedia.org/wiki/Алтайские_языки"
HYPERLINK

Юлия Игоревна Злобина
*Алтайский государственный университет,
Россия, Барнаул*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Положение русского языка в Восточной и Центральной Азии является неоднозначным, имеет разный статус и играет разную роль в жизни этих государств. Требуется более глубокое рассмотрение проблем функционирования русского языка на этих территориях, а также обозначить перспективы и дать рекомендации для закрепления позиций русского языка. Статья представляет собой обзор статистических данных, собранных исследователями, для формирования общего представления о функционировании русского языка в данных регионах.

Ключевые слова: русский язык; индекс глобальной конкурентоспособности; Япония; Корея; Китай; Центральная Азия.

Julia Zlobina
*Altai State University
Russia, Barnaul*

RUSSIAN LANGUAGE IN EAST AND CENTRAL ASIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The position of the Russian language in East and Central Asia is ambiguous; it has a different status and plays a different role in the life of these states. A more detailed consideration of the functioning of the Russian language is required. It is necessary to outline the prospects and give recommendations to consolidate the positions of the Russian language. The article is an overview of statistical data collected by researchers to form a general idea of the functioning of the Russian language in these regions.

Key words: Russian language; The Global Competitiveness Index; Japan; Korea; China; Central Asia.

Статус национального языка в государстве и за рубежом является одним из ключевых факторов устойчивого развития любой страны. В современном мире это не только количество людей, говорящих на этом языке, но и влияние глобальных методов коммуникации, международной науки и образования, рынка труда. Поэтому сотрудниками Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в 2020 г. был предложен индекс глобальной конкурентоспособности русского языка в мире. Представим статистические данные по шести параметрам, которые были выделены [1].

Таблица № 1

Сводные данные параметров индекса глобальной конкурентоспособности русского языка в мире		
Параметр	Место	Количество
распределение языков по числу говорящих на них людей в мире	8	говорят 258 миллионов человек в мире
количество международных организаций, в которых конкретный язык является официальным (рабочим)	4	используют для работы 15 организаций
по численности публикаций в международных научных базах данных	5	31 820 СМИ
по количеству СМИ	7	используют русский язык
число пользователей в интернете	10	создано около 8,6%
по количеству сайтов	2	всех сайтов

На основании всех рассмотренных критериев по мнению экспертов Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина русский язык сегодня занимает пятую строчку индекса глобальной конкурентоспособности языков. Таким образом, в мировом пространстве позиции русского языка довольно сильны, но неоднородны показатели по всем критериям.

Рассмотрим положение русского языка в Восточной и Центральной Азии.

Русский язык – один из самых популярных иностранных языков в Японии. В каждом из 10 университетов Японии изучают русский язык, а общее количество студентов, изучающих русский язык в этих университетах, составляет около 2000 человек [2]. Студенты выбирают русское отделение по разным причинам:

1. Чисто прагматично: хотя план приема такой же, проходной балл русского отделения ниже, чем у самых популярных английского и китайского.

2. Некоторые считают, что Россия снова станет привлекательной для японских компаний, и справедливо считают, что английского недостаточно, чтобы найти хорошую работу.

3. Всегда есть студенты, которые выбирают русский язык, потому что им нравится русский язык. Им нравятся мелодия, интонация, русское произношение, русский алфавит.

4. Некоторых интересуют русская классическая музыка, русский балет, русская литература и русская культура [3, с. 51].

В настоящее время в Корее проживает около 80000 русскоязычных граждан, большинство из которых – этнические корейцы, вернувшиеся на историческую родину из Средней Азии. Для многих из них родным языком был русский, позже

они выучили корейский. Хотя Россия близка, а экономические и культурные отношения между двумя странами стабильны, в Южной Корее русский по-прежнему считается одним из экзотических языков [4]. Первые кафедры русистики начали открываться в стране только в середине прошлого века.

Рассмотрим состав желающих изучать русский язык и их мотивацию. Во-первых, следует отобрать большую группу студентов-лингвистов, изучающих русский язык. Во-вторых, представители, руководители и специалисты крупных предприятий, их подготовка осуществляется на курсах повышения квалификации в ведущих вузах Южной Кореи. Особенно среди детей, изучающих русский язык, следует отметить группу детей из смешанных семей, большинство из которых билингвы. Сохранение русского языка в жизни вне языковой среды требует особых методов и определенных усилий со стороны родителей и учителей, поэтому поддержка этой группы студентов особенно важна [5, с. 33].

Более 300 лет назад, во время правления династии Цин, в Китае начали преподавать русский язык. С тех пор его популярность пережила много взлетов и падений [6, с. 27]. По результатам опроса китайских студентов на севере Китая (Маньчжурия, Цицикар, Яньтай, Тяньцзинь и Хайлар) в 2013 г. 74% студентов хотят изучать русский язык. Подавляющее большинство изучает русский язык в высших учебных заведениях (92%), а студенты в школах и на профессиональных курсах составляют меньшинство (1% и 6% соответственно). Практически все студенты посещают сайт Рунета и потребляют российские фильмы и литературную продукцию [7, с. 105-106]. Русский язык является обязательным курсом примерно в ста школах, в основном в провинциях, граничащих с Россией. Общее количество студентов достигло 83000 человек. Одно из самых русифицированных поселений Китая - приграничный город Суйфэнхэ, где русский язык преподается практически на всех уровнях образования [8, с. 432]. Несмотря на проблемы, связанные с финансовым кризисом, китайцы полагают, что русский пригодится им в дальнейшей карьере [9, с. 217].

Считается, что российское пространство в Центральной Азии можно разделить на два региона: первый включает Казахстан и Кыргызстан, а второй - Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Так, Н. Мендкович по результатам опроса, проведенного компанией Gallup, указывает следующие данные о владении русским языком по мнению респондентов.

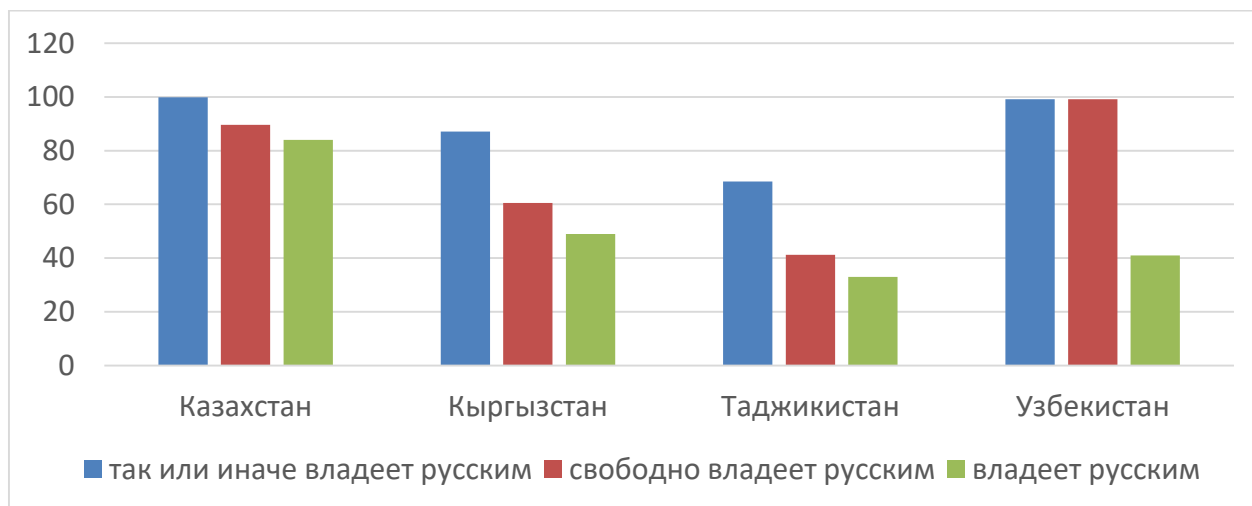

Рис.1 Сводная таблица опроса компании Gallup [цит. по 10].

Другие исследователи указывают данные о числе активно владеющих русским языком.

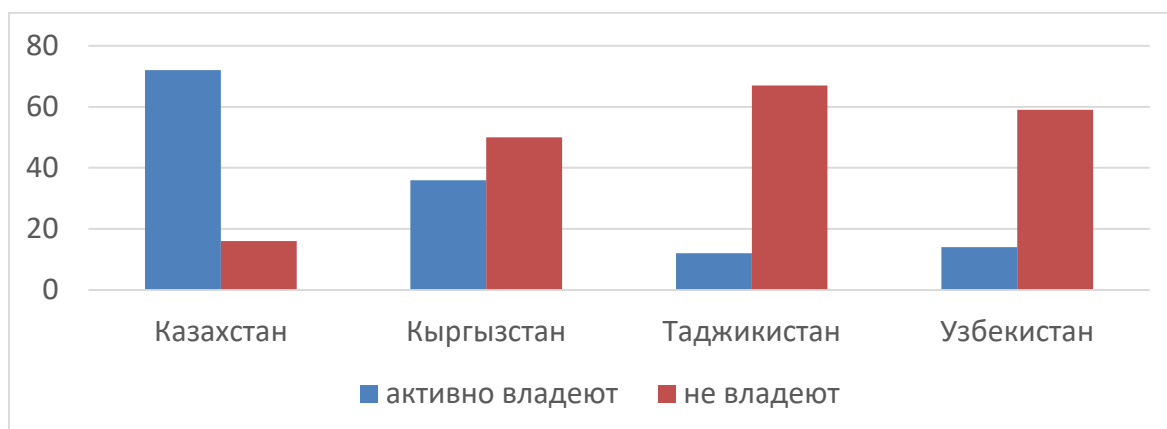

Рис. 2 Владение русским языком [цит. по 11].

Таким образом, русский язык в Средней Азии распределен неравномерно. Он наиболее широко представлен в Казахстане и в два-три раза ниже этих показателей в других странах региона. По мнению Боришполец К.П., помимо объяснения общей корреляции между масштабом распространения русского языка и количеством представителей русских и других славянских народов, можно отметить, что его функциональная область выходит за этнические границы и приобрела де-факто роль негосударственного коммуникационного ресурса, довольно распространен русский среди титульного населения стран Центральной Азии: «такая ситуация сохранится в пределах среднесрочной перспективы, но в дальнейшем, на фоне смены поколений, вероятно падение значимости коммуникационного потенциала русского языка по сравнению с нынешним периодом» [12, с. 64]. Исследователь также отмечает, что еще рано говорить об упадке русского языка в Центральной Азии.

Во внешней политике Российской Федерации в этом регионе основной упор делается на «быстрые результаты», а не на долгосрочные перспективы, поэтому приоритетом по-прежнему остаются СМИ, а не русскоязычное высшее образование [13, с. 51]. Чтобы повысить привлекательность и влияние России в странах Центральной Азии, как полагает Молодов О.Б., использование и распространение русского языка необходимо сочетать с мерами по формированию общественного мнения и укреплению отношений с правительствами и бизнесом, религиозными и общественными организациями [14, с. 98]. Летняков Д.Э в качестве плюсов популяризации языка в Центральной Азии отмечает «опыт присутствия России в Центральной Азии на протяжении десятилетий, давняя традиция российского экономического и культурного влияния на этот регион, позитивное отношение значительной части местного населения к нашей общей истории и к России вообще, активные миграционные потоки в РФ, которые сложились в последние годы» [15, с. 110].

Приведенные данные показали, что у русского языка по-прежнему есть большой потенциал в качестве инструмента мягкой силы в Восточной и Центральной Азии. Русский язык все еще также может выступать в качестве

путеводителя в мир высокой культуры, искусства и науки. Средней Азии нужен русский язык для доступа к глобальному информационному пространству и подготовки квалифицированных кадров, особенно в области технологий и науки. В ближайшие несколько лет консолидация русскоязычного пространства в Центральной Азии будет во все большей степени опираться на профессиональные и целевые проекты, реализуемые через негосударственные образовательные учреждения, учреждения культуры и средства массовой информации, эти проекты должны быть доступны и интересны для представителей титульных наций.

Библиографический список

1. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / сост. А. Л. Арефьев, Д. А. Горбатова, В. А. Жильцов, С. Ю. Камышева, Е. В. Колтакова, И. А. Маев, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель, М. И. Яскевич ; под ред. М. А. Осадчего. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – 34 с.
2. Доклад министерства иностранных дел российской федерации «Русский язык в мире». М.: Олма медиа групп, 2003. [Электронный ресурс] – URL: https://archive.mid.ru/web/guest/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/493778
3. Арсентьева И. И., Юй Гао Русский язык в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Южная Корея, Япония, Китай) // Вестник ЗабГУ. – 2006. – №4. – С. 48-54
4. Русский язык в Южной Корее остаётся экзотикой [Электронный ресурс] – URL: <https://ruskiymir.ru/news/233711/>
5. Баллод Ж. О. Актуальные проблемы преподавания русского языка в Южной Корее на современном этапе // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2009. – №4. – С. 31-34.
6. Лапин П. А. Первая школа русского языка в Китае / П. А. Лапин ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. - Москва : Восточная литература, 2009. – 125 с
7. Звездин А. А., Звездина Ю. В. Молодежь России и Китая: интерес друг к другу – залог развития отношений // Русский язык в современном Китае. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 105-107.
8. Чэнь Ц., Кондрашева Е.В. Русский язык в Китае: история, современность и перспективы // Материалы секционных заседаний 54-й студенческой научно-технической конференции ТОГУ 2014. – 2014. – С. 430–433.
9. Бутенко Л.И., Пань Х. Русский язык и русская литература в образовательном пространстве Китая // Лосевские чтения. Труды международной ежегодной научной конференции. – Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2015. – С. 214–220.
10. Мендкович Н. Русский язык в Средней Азии и на Южном Кавказе [Электронный ресурс] – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1361478180>
11. Центральная Азия: русский язык как фактор интеграции [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stanradar.com/news/full/6662-tsentralnaja-azija-russkij-jazyk-kak-faktor-integratsii.html>
12. Боришполец К.П. Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестник МГИМО. 2014. №2 (35). С. 63-69.

13. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47-55.

14. Молодов О.Б. Русский язык как инструмент использования «Мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-Пи. 2017. №1. С. 93-99.

15. Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. 2015. №4 (79). С. 100-114.

Саида Жумабекмурадовна Атавуллаева
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

Виктор Викторович Зикратов
Алтайский государственный университет
Россия, Барнаул

Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

Зебинисо Абугаффаровна Кадырова
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

СИСТЕМА ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. Статья раскрывает систему изучения синтаксических конструкций в национальных группах неязыковых факультетов Самаркандского государственного университета. Изучение синтаксиса строится по восходящему принципу - от словосочетания к сложному предложению и его типам. Представлены типичные ошибки студентов на уровне предложения.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, национальная аудитория, система изучения, синтаксис, предложение, словосочетание.

Saida Atavullayeva
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

Victor Zikratov
Altai State University
Russia, Barnaul

Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

Zebiniso Kadyrova
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

SISTEM OF STUDYING SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN THE NATIONAL AUDIENCE

Abstract. The article reveals the system of studying syntactic constructions in national groups of non-linguistic faculties of Samarkand State University. The study of syntax is based on an ascending principle - from a phrase to a complex sentence and its types. Typical mistakes of students at the sentence level are presented..

Key words: syntactic constructions, national audience, learning system, syntax, sentence, phrase.

Под синтаксической конструкцией, согласно Большой российской энциклопедии, понимается сочетание слов (словоформ; редко – одна словоформа), представляющее собой синтаксическую единицу – словосочетание, предложение, а также вообще любое относительно законченное высказывание [<https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679>].

При овладении синтаксическими конструкциями (далее – СК) в национальной аудитории (она неоднородна по национальному составу) на факультетах филологического профиля работу выстраиваем по следующей модели.

На первом этапе – **работа со словосочетанием** – отрабатываем различные синтаксические связи внутри словосочетания (подчинение, согласование и управление). При этом терминология студентам не сообщается. Для отработки используем различные упражнения. Сначала у студентов формируем умение ставить вопрос от существительного к прилагательному в именительном падеже, согласовывать их в роде, например:

Согласуйте имена прилагательные с именами существительными в том же роде и запишите. Укажите род, выделите окончание.

Родной (город, страна, село). Лесной (край, поляна, озеро). Синий (цветок, лента, небо).

или

Вместо точек вставьте правильные окончания.

Больш... студенческ... общежитие, нов... иностранн... студент, длин... трудн... грамматическ... упражнение, интересн... информационн... программа, плох... дождлив... погода, сложн... межнациональн... проблема, узбекск... ежедневн... газета, официальн... дружеск... визит, французск... правительствен... делегация, коротк... тёпл... дружеск... беседа, нормальн... политическ... обстановка, видн... политическ... деятель.

Затем осваиваются способы постановки вопросов в косвенных падежах и использование вопросов в качестве вспомогательных средств. Пример такого упражнения:

Вставить окончания в прилагательные, определить их падеж.

Зимн... дня, от утренн... тумана, в тёпл... пальто, в глубок... овраге, пушист... покрывалом, в молчалив... лесу, от птичь... говора, строг... учителю, о красив... картине, январск... мороза.

или

Заполните пропуски предлогами В, НА, О (ОБ).

Словосочетания, данные в скобках, поставьте в нужной форме.

Образец: Мы покупаем книги ... (книжные магазины).

Мы покупаем книги в книжных магазинах.

1. Эти рабочие работают ... (разные заводы и фабрики). 2. Они живут ... (большие новые дома). 3. Эти школьники учатся ... (новые школы). 4. Они занимаются ... (большие светлые классы). 5. Детские кинофильмы показывают ... (детские кинотеатры). 6. Лежать ... (третьи полки) вагона запрещено. 7. ... (опасные сходы лавин) писали вчерашние газеты. 8. Вчера мы смотрели телепередачу ... (первые советские космонавты).

Данные упражнения позволяют не только отработать сочетаемость прилагательных с существительными, но и повторить падежно-предложные отношения между этими частями речи.

Типичными ошибками на данном этапе являются:

- трудность согласования имен прилагательных с существительными, в основе которых непонимание или слабое понимание таких категорий имени существительного, как род, число, падеж;

- трудность переноса категории рода, числа и падежа имен существительных на прилагательное;

- малый объем активного словаря, особенно у студентов из сельской местности.

На втором этапе – **работа с простым предложением** – отрабатываются умения согласовывать не только имена прилагательные с существительными, но и добавляются местоимения, например:

Словосочетания, данные в скобках, употребите в нужной форме.

1. В (эти соседние комнаты) живут мои друзья. 2. В (её красивые глаза) я увидел слёзы. 3. Он рассказал о (его братья и сёстры). 4. Мы много слышали о (ваши спортивные достижения). 5. Вчера я катался на (его лыжи). 6. В (эти черные ботинки) я люблю гулять. 7. О (наши чудесные встречи) я буду помнить всегда. 8. На (эти современные компьютеры) мы будем работать. 9. Он рассказал о (его большие планы) на будущее. 10. В (эти большие аудитории) всегда светло.

Анализ выполненных работ студентами неязыковых факультетов позволяет констатировать наличие таких ошибок, как:

- согласование в роде, числе и падеже имен прилагательных, местоимений с именами существительными;

- непонимание лексического значения отдельных слов и, следовательно, искажение всего предложения. Особенно это проявляется в предложениях с иноязычной лексикой;

- неверное употребление предлогов как в письменной, так и устной речи, что приводит к нарушению предложно-падежных конструкций внутри предложения и искажению его смысла;

- трудности понимания словесной инструкции или задания к упражнению.

На третьем этапе – **работа со сложным предложением** – организуем работу с различными синтаксическими конструкциями, начиная от словосочетания и заканчивая разными типами сложного предложения. Для этого используются разноплановые упражнения как по характеру, так и по содержанию. Отработка точного употребления того или иного союза в структуре предложения предваряется изучением темы «Союз», где студенты знакомятся с соединительными, противительными, сочинительными и подчинительными союзами. Однако, в процессе знакомства с союзами также возникают трудности, обусловленные особенностями национального языка и его синтаксисом.

Для развития умений составлять различные по конструкции сложные предложения используем разнообразные упражнения, например:

Сравните использование союзов поэтому (следствие.) и так как, потому что (причина). Объясните разницу в их употреблении.

Причина	Следствие
1. Я зажег свет, потому что стало темно. Я зажег свет, так как стало темно. Так как стало темно, я зажег свет	1. Стало темно, поэтому я зажег свет. 2. Наступает осень, поэтому птицы улетают в теплые края.
2. Я не пойду в кино, потому что уже смотрел этот фильм.	3. Мы еще плохо говорим по-русски, поэтому нас иногда трудно понять.
3. Так как деревья не пропустили	

жарких солнечных лучей, в парке было прохладно

Приведите свои примеры или составьте из двух простых предложения в сложное, используя союзы потому что или поэтому.

1. Лена бегло читает по-русски. Она много занимается. 2. Студенты плохо написали контрольную работу. Они не повторили спряжение глаголов. 3. Мой брат не купил билеты в театр. У него не было денег. 4. Ты опоздал. Ты поздно встал. 5. Мафтуна хорошо отдохнула. Она прекрасно выглядит. 6. Пора спать. Уже поздно. 7. У нас много работы. Надо спешить. 8. Эльнур не пойдет на выставку. Он уже посмотрела эту экспозицию.

Приведенные ниже примеры иллюстрируют некоторые типичные ошибки студентов неязыковых факультетов при составлении как простых, так сложных предложений (Таблица 1).

Таблица № 1

Некоторые типичные ошибки в устной и письменной речи студентов

Некоторые типичные ошибки	Предложение	Предложение в речи студентов (устная и письменная)	Перевод предложения на узбекский язык
ошибки употребления предлогов	Утром после завтрака они идут на лекцию.	Утром после завтрака они идут в лекцию.	Эргалаб нонуштадан сунгулар маърузага боришади.
	Стоматолог работает по вторникам.	Стоматолог работает за вторникам.	Стоматолог сешанба кунлари ишлайди.
	Школа, в которой я учился.	Школа, которого я учился.	Мен ўқиган мактаб
ошибки согласования и управления; замены слов	В этом году будет холодная зима.	В этом году будет холодный зима.	Бу йил совук киш булади.
	Если ты будешь читать каждый вечер, ты прочитаешь эту книгу за неделю.	Если ты будешь читать каждый вечер, ты читаешь эту книгу за неделю	Агар сен хар куни кечкурун укисанг, бу китобни бир хафта ичида укиб буласан
	Пока не начали работу, я прочитала им новую тему	Пока не начала работа, я прочитал им новую работу.	Иш бошлангунча, мен уларга мавзуну ўкиб бердим.
смысловые ошибки, искажения предложения	Закончив занятия, мы отправились туда, где нас ждали друзья.	Закончив занятия, мы отправились туда, куда нас ждали друзья.	Машгулотлар ни тугатиб, биз дустларимиз кутаётган жойга бордик.

	Акрам пошёл туда, куда его пригласили друзья.	Акрам пошёл туда, где его пригласили друзья.	Акрам дустлари таклиф килган жойга борди.
	Произведения, написанные Алишером Навои, мы очень полюбили.	Произведения , написал Алишер Навои, мы очень полюбили.	Алишер Навои томонидан ёзилган асарлар менга жуда ёқди.

Таким образом, работа по ознакомлению студентов неязыковых факультетов с синтаксическими конструкциями русского языка строится поэтапно. При этом на каждом необходимо учитывать типичные ошибки, характерные для национальной аудитории, обусловленные как уровнем владения русским языком, так и особенностями родного языка.

Библиографический список

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. - URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679>. (Дата обращения: 15.02.2022).
2. Игнатова И.Б. Практическая грамматика. Учебное пособие / И.Б. Игнатова, С.М. Андреева, С.Б. Мордас. СПб.; Белгород, 2006. - 184 с.
3. Белый В.В. Предложный падеж. Тренировочные упражнения: учеб.-метод. пособие / В. В. Белый, В. А. Стадник. Минск: БГМУ, 2011. - 44 с

Гулбахор Юлдашевна Хайдарова

*Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд,*

Шахноза Неъматжоновна Маматова

*Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд*

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ РАБОТЕ НАД СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ

Аннотация. В статье представлен опыт работы со специальной лексикой в процессе изучения словосочетаний со студентами физико-математического факультета Самаркандского государственного университета.

Ключевые слова: профессиональная лексика, русский язык, словосочетание, конструирование словосочетаний.

Gulbakhor Haidarova

*Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand*

Shakhnoza Mamatova

*Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand*

USING SPECIAL VOCABULARY WHEN WORKING ON WORD COMBINATIONS

Abstract. The article presents the experience of working with special vocabulary in the process of studying phrases with students of the Physics and Mathematics Faculty of Samarkand State University.

Key words: professional vocabulary, Russian language, word combination, construction of word combinations.

Основной предпосылкой оптимизации учебного процесса по русскому языку в национальных, группах вузов является строгий отбор лексического и грамматического материала в соответствии с конечными целями и задачами обучения.

Наблюдения за устной и письменной речью студентов-первокурсников, имеющих разную языковую подготовку, показывают наличие большого количества грамматических ошибок. Чтобы студенты осознавали ошибки, допускаемые в речи, избавлялись от них сами, в вузе необходимо уделять особое внимание изучению сочетаемости русских слов, в частности словосочетаний. Как известно, словосочетание – это та минимальная синтаксическая единица, на анализе которой

легко показать функции падежей, окончаний, рода, числа, лица, предлогов, особенности согласования и управления. «Систематические наблюдения над связью слов и на их основе упражнения в построении словосочетаний и предложений помогут сблизить обучение с жизнью, позволят вести постоянную работу над развитием речи и логического мышления...» [2, С. 214].

В вузе студенты неязыкового факультета овладевают знаниями, навыками и умениями, главным образом, по своей будущей специальности. Следовательно, изучение русского языка нацелено на углубление лингвистических и, конечно же, профессиональных знаний по специальности, поэтому уже с первого курса студенты должны учиться широко оперировать научной лексикой, связанной с их будущей профессией. Работа со специальной лексикой вызывает у студентов положительную мотивацию обучения.

Если учитывать, что для научного стиля характерно преобладание имени над глаголом, то вполне правомерна актуализация работ над именными словосочетаниями с использованием специальной лексики. Ниже остановимся на возможных способах организации дидактического материала и методике работы с ним на физико-математическом факультете.

На практических занятиях русского языка в национальной аудитории одно из ведущих мест должны занимать задания на формирование и развитие навыков речевой деятельности. К ним относятся задания на конструирование словосочетаний заданной модели, преобразование данных конструкций, введение словосочетаний в предложения, тексты. «Работая над упражнениями, целесообразно сочетать выяснение грамматического значения словосочетания с сопоставлением предложений с ним. Кроме того, грамматическому осмыслению словосочетаний способствуют упражнения на составление однотипных словосочетаний» [3, С.170].

Представим разновидности возможных упражнений.

1. Из данных слов составить словосочетания, одно - главное - сохраняет начальную форму, второе - подчиненное - изменяет окончание: *единица, температура; масса, тело; значение, выражение; сумма, дробь; аксиома, Архимед; теорема, Пифагор; график, функция; решение, уравнение; точка, плоскость.*

Упражнение может иметь другой вариант: данные слова соединить предлогом, например: *давление, жидкость; прибор, измерение; упражнение, повторение; притяжение, Земля; сосуд, вода; трение, природа; расстояние, молекулы.*

Лингвисты отмечают распространенность конструкций с приименным родительным. «Как одна из самых продуктивных синтаксических конструкций современной русской литературной речи, конструкции с приименным родительным продолжают непрерывно развиваться...

Стиль научной прозы изобилует сочетаниями родительного падежа с отвлеченными функциями» [3, С.138].

2. Заменить глагольные словосочетания именными: *изготовить материал - ..., совершенствовать технологический процесс, внедрять в производство, смачивать твердое тело, вычислить массу тела, повышать температуру жидкости, включать в электрическую цепь, измерить работу электрического тока.*

3. Найти существительные второго склонения, подобрать к ним подходящие прилагательные и записать словосочетания.

Горизонт, число, функция, фигура, металл, давление, плоскость, энергия, луч, равенство, знаменатель, тело, ток, цепь.

Подобное задание способствует отработке умения анализировать языковой материал.

4. Заменить прилагательные в словосочетаниях предложно-падежной формой существительного.

Стальная пружина - пружина из стали, металлические перья; кристаллическое вещество, парафиновая пластинка, Паскалев закон.

5. К данным существительным подобрать прилагательные и записать их в виде пар связанных между собой слов. Например: *уравнение - квадратное уравнение.*

Энергия, барометр, величина, угол, геометрия, знаменатель.

6. От данного слова образовать имя прилагательное и подобрать к нему имя существительное. Например: *механика - механическое движение.*

Деформация, горизонт, атмосфера, число, вектор.

В ходе выполнения работ следует обратить внимание на средства и способы связи слов в словосочетаниях. Анализ полученных словосочетаний покажет возможность терминологического и нетерминологического употребления в них слов, потому что слова, обладая многозначностью, наряду с общеупотребительным значением могут иметь и специальное, терминологическое значение, сочетаемость слов с общелитературным значением характеризуется значительной свободой, в составе терминологического словосочетания наблюдается закрытость.

Сравним словосочетания, образуемые словом *угол*, с двумя рядами прилагательных:

а) *большой, маленький, уютный, холодный, ... угол* (этот ряд прилагательных можно продолжить)

б) *прямой, острый, тупой, смежный и т.д. угол* (в этом ряду позиция прилагательного заполняется закрытым лексическим рядом).

Исходя из того, что словосочетание не является самостоятельной единицей речи, более глубокое и подробное изучение словосочетаний рекомендуется проводить путем вычленения их из состава предложения. «Словосочетание является минимальным смысловым и грамматическим объединением в составе предложения и образует особый объект синтаксической науки, не устраняющий, а углубляющий учение о предложении как важной коммуникативной единице нашей речи» [1, С. 47].

7. Выписать из предложений именные словосочетания с именем прилагательным в роли главного слова, определить вид связи.

1. *Два числа, произведение которых равно единице, называются взаимно обратными.*

2. *Через точки проведите прямую, перпендикулярную прямой с.*

3. *Деление числителя и знаменателя дроби на их общий делитель, отличный от единицы, называется сокращением дроби.*

В предложении компоненты синтаксически свободного сочетания выступают в качестве отдельного члена предложения. Но когда основной смысл заключен в зависимом слове, а главное слово выполняет структурную роль, мы имеем дело с синтаксически несвободным словосочетанием, которое входит в состав одного члена предложения:

Натуральные числа *бывают простыми и сложными.*

Единица напряжения *названа вольт.*

Как известно, словосочетания имеют постоянный порядок слов, а слова, включенные в предложения, могут претерпевать различные изменения. Чтобы студенты ясно представляли зависимость слов в предложении, необходимо

выработать в них навык составления схемы синтаксической цепи слов в предложении. Этот разбор отличается от разбора по членам предложения, когда устанавливается не связь слов и тем более не особенности этой связи, а определяется функция знаменательного слова в предложении.

Таким образом, без достаточного изучения словосочетания не может быть осмыслено построение предложения. Поэтому грамматические формы слов, закономерности построения словосочетаний, недостаточно осознанные в курсе средней школы, должны усваиваться студентами по крупицам, и эти крупицы, неразрывно связанные с другими аспектами языка, позволят постичь тайны грамматического строя русского языка. Положительным моментом в преподавании русского языка в национальных группах вузов является учет специфики специальности. Профессиональная направленность может учитываться при лексической наполняемости моделей словосочетаний, предложений, подборе текстов.

Библиографический список

1. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов С56 по спец. No 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
2. Блинов Г.И. Изучение связи слов на уроках русского языка : Пособие для учителя. - Москва : Учпедгиз, 1963. - 215 с.
3. Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1950.

Виктор Викторович Зикратов

Алтайский государственный университет

Россия, Барнаул

Самаркандский государственный университет

Узбекистан, Самарканд

Динара Сапарбаевна Курбаниязова

Самаркандский государственный университет

Узбекистан, Самарканд

**ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИЗУЧЕНИЯ
МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ-РУСИСТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ШКОЛ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. Статья посвящена описанию категории «методическая компетентность» учителя-русиста. Обсуждаются существующие подходы к определению этого термина. Приводятся примеры заданий, направленных на выявление ее уровня.

Ключевые слова: методическая компетция, компетенция, диагностика, семинар.

Viktor Zikratov

Altai State University

Russia, Barnaul

Samarkand State University

Uzbekistan, Samarkand

Dinara Kurbaniyazova

Samarkand State University

Uzbekistan, Samarkand

**DIAGNOSTIC TOOLS FOR STUDYING THE METHODOLOGICAL
COMPETENCE OF TEACHERS-SPECIALISTS IN RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF
SCHOOLS IN THE SAMARKAND REGION)**

Abstract. The article is devoted to the description of the category "methodological competence" of a Russian teacher. The existing approaches to the definition of this term are discussed, examples of tasks aimed at identifying its level are given..

Key words: methodical competence, competence, diagnostics, seminar.

«Учитель лишь до тех пор способен на самом деле воспитывать и образовывать, пока сам работает над собственным образованием и воспитанием», – писал в свое время А. Дистерверг [1, с.74]. Его слова актуальны и в настоящее время.

На данный момент в профессиональной литературе отсутствует единое понятие термина «компетентность». Так, А.В. Хуторской определяет компетентность как «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [9]. В Педагогическом словаре Г.М. Коджаспировой, А.Ю. Коджаспирова профессиональная

компетентность учителя определена как «владение учителем необходимой суммой знаний, умений и навыков, определяющих сформированность его педагогической деятельности, педагогического общения и личности учителя как носителя определенных ценностей, идеалов и педагогического сознания» [5]. В другом источнике компетентность трактуется как «владение знаниями и умениями, позволяющими высказывать профессионально грамотные суждения, оценки, мнения» [7]. В Словаре педагогического обихода под компетентностью понимается «уровень образованности, который характеризуется способностью решать задачи в различных сферах жизнедеятельности на базе теоретических знаний» [8]. В Педагогическом словаре В.И. Загвязинского и А.Ф. Закировой компетентность – это «уровень подготовленности для деятельности в определенной сфере, степень овладения знаниями, способами деятельности, необходимыми для принятия верных и эффективных решений» [6].

Что же такое методическая компетентность? В педагогической и методической литературе так же нет единого подхода к определению этого термина. Так, Люботинский А.А. понимает под методической компетентностью «интегративное свойство личности педагога, которое определяет его готовность и способность эффективно решать методические задачи в процессе реализации целей обучения, связанных с формированием коммуникативной компетентности, образованием, воспитанием и развитием учащихся» [3]. Н.А. Нагибина и Н.В. Ишполитова выделяют в методической компетентности педагога «совокупность психолого-педагогических, методических и предметных знаний, умений, навыков, опыта, мотивации и личностных качеств, необходимых для качественного выполнения учебно-методической деятельности» [4]. В данной работе под методической компетентностью мы, вслед за Н.В. Кузьминой, будем понимать «владение педагогом различными методами обучения, знание дидактических методов, приемов и умение применять их в процессе обучения, знание психологических механизмов усвоения знаний и умений в процессе обучения» [2].

В рамках реализации поручений протокола № 80 от 19.08.2021 года совместного совещания ректората Самаркандского государственного университета и Управления народного образования Самаркандской области по вопросам повышения качества преподавания русского языка было заключено Соглашение о сотрудничестве между Управлением народного образования Самаркандской области и Самаркандским государственным университетом Плана мероприятий по научно-методическому сопровождению повышения качества преподавания русского языка в школах с узбекским языком обучения (далее – План) на 2021/2022 учебный год является неотъемлемой частью данного Соглашения.

Основной целью Плана является создание научно-педагогических условий, способствующих повышению качества преподавания русского языка как иностранного в школах с узбекским языком обучения и повышения методической компетентности учителя-русиста.

Цель деятельности Площадки – создать условия для повышения качества преподавания русского языка в школах с узбекским языком Самаркандской области.

К основным задачам деятельности Площадки относятся:

- разработка и апробация результатов мониторинговых исследований по выявлению профессиональных дефицитов учителей русского языка как иностранного;

- внедрение современных образовательных технологий и инновационных методик обучения;
- повышение качества преподавания русского языка как иностранного и профессиональной деятельности учителей, преподающий данный предмет;
- фасилитация (усиление продуктивности образования) переноса приобретенных (усовершенствованных) профессиональных компетенций в ежедневную педагогическую практику;
- диссеминация (распространение) лучшего педагогического опыта в области преподавания русского языка как иностранного.

Под качеством преподавания мы будем понимать комплексную характеристику образовательной деятельности и подготовки учителя русского языка, выражающая степень соответствия его профессиональной компетентности (методической, лингвистической и т.д.) потребностям обучающихся, в интересах которых осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения результатов образовательной программы.

Так, в рамках реализации мероприятий Плана предусмотрены: разработка и оформление диагностического инструментария по выявлению профессиональных затруднений (дефицитов) учителей русского языка как иностранного; проведение мониторинга профессиональных затруднений (дефицитов) учителей русского языка как иностранного; Оформление и представление результатов мониторинга профессиональных затруднений (дефицитов) учителей русского языка как иностранного; организация и проведение методических семинаров, консультаций для учителей русского языка как иностранного Площадок и другие.

Данный проект презентован специалистам органов управления образования и административным работникам общеобразовательных школ (Проект «Повышение качества преподавания русского языка и методической компетентности учителей-русистов в школах с узбекским языком обучения»), а так же проведены методические семинары для учителей русского языка Площадок по темам: «Профессиональные компетенции современного учителя-русиста», «Методика обучения чтению», «Методика КТД» (на примере мероприятия по продвижению русского языка).

Актуальной проблемой остается выявление уровня методической компетентности учителей-русистов. Для ее решения нами разработаны задания, входящие в диагностику. Они направлены на выявление теоретического и практического уровня владения методикой обучения русскому языку. Все задания разбиты на 2 блока: блок 1 «Задания для оценки предметных компетенций по русскому языку» включает 12 заданий разной степени сложности (10 тестовых и 2 задания в формате PISA) и блок 2 «Задания для оценки методических компетенций» включает три задания по методике преподавания русского языка разной степени сложности. Приведем примеры некоторых заданий:

- Вставьте правильный ответ.

Грамматические свойства местоимений «сколько, столько, несколько» полностью совпадают со свойствами имен...

Ответ:_____.

- Установите соответствие:

1. Омонимы	А. Абонент – абонемент
2. Паронимы	Б. (Породистая) такса – такса (почтовая)
3. Синонимы	В. Манжет – манжета
4. Антонимы	Г. Река – канал
	Д. День – ночь
	Е. Орфография – правописание

- Задания в формате PISA

Текст для анализа

Был праз(?)нич(?)ный полдень. Мы, в к...личестве двадцати человек, сидели за большим столом и наслаждались жизнью. Наши пьяненькие гла...ки покоились на прекрасной икре, свежих омарях, чудной сёмг... и на массе бутылок, стоявших р...дами почти во всю длину стола. В желудках было жарко, или, выражаясь по-ара...ски, в...ходили солнца. Ели и повторяли. Разговоры вели л...беральные <...> Говорили не о клубник..., не о лош...дях (А. Чехов).

Задание к тексту. Проверьте фонематические написания, учитывайте морфемную структуру слова (подберите проверочные слова).

Таким образом, в методической литературе отсутствует единое понятие термина «методическая компетентность», что позволяет авторам по-своему трактовать данное понятие. В рамках нашего исследования актуальным становится разработка диагностического инструментария по изучению уровня методической компетентности учителей-русистов Самаркандской области и подготовка рекомендаций по повышению их компетентности.

Библиографический список

1. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учгиз, 1956. - 378 с.
2. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. - 117 с.
3. Люботинский, А.А. Структурно-функциональная модель методической компетентности будущих учителей иностранного языка в условиях инновационной образовательной среды // Молодой ученый. - 2014. - № 8. - С. 820-825
4. Нагибина Н.А., Ишполитова, Н.В. Сущность понятия «методическая компетентность педагога» // Научный поиск: Вестн. кафедры педагогики и психологии,- 2013. - № 3. - С. 1-9.
5. Педагогический словарь: составитель Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров [Электронный ресурс]. - URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogical/index.htm> (Дата обращения 09.12.2021)
6. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений; под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. М.: ИЦ «Академия», 2008. - 352 с.
7. Профессионально-педагогические понятия: Слов. / Под ред. Г.М. Романцева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. - 456 с.

8. Словарь педагогического обихода/Под ред. проф. Л.М. Лузиной. Псков: ПГПИ, 2003. – 71 с.

9. Хуторской, А.В. Педагогика: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2019. – 608 с.

Наталья Васильевна Халина

*Алтайский государственный университет
Россия, Барнаул*

Татьяна Владимировна Османова

*Самаркандский государственный университет,
Узбекистан, Самарканд*

Альбина Суратовна Абдуллаева

*Самаркандский государственный университет,
Узбекистан, Самарканд*

ЭТИКЕТ РУССКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВКУСА

Аннотация. В статье изучение русского языка как иностранного связывается с формированием языкового вкуса, умения отбирать языковые единицы, соответствующие правилам речевого этикета определенной исторической эпохе. Предлагается для решения поставленных методических задач использовать технологию knowledge management (управления знаниями), способствующую расширению культурологического и исторического контекста при обучении РКИ, что помогает более глубоко и полно понять, и почувствовать реалии изучаемой культуры. Особо выделяется элитарный тип русской речевой культуры, предполагающий гармоничное сочетание строгого следования нормам с эффективностью речи.

Ключевые слова: управление знаниями, РКИ, языковой вкус, речевой этикет, элитарный тип русской речевой культуры, эпистолярная культура

Natalia Khalina

*Altai State University
Barnaul, Russia*

Tatiana Osmanova

*Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand*

Albina Abdullayeva

*Samarkand State University,
Uzbekistan, Samarkand*

ETIQUETTE OF RUSSIAN EPISTOLARY CULTURE: TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE ASPECT OF LANGUAGE TASTE FORMATION

Abstract. In the article, the study of Russian as a foreign language is associated with the formation of linguistic taste, the ability to select language units that correspond to the rules of speech etiquette of a certain historical epoch. It is proposed to use knowledge management technology to solve the set methodological tasks, which contributes to the expansion of the cultural and historical context when teaching RCT, which helps to

understand and feel the realities of the studied culture more deeply and fully. The elite type of Russian speech culture is particularly highlighted, suggesting a harmonious combination of strict adherence to norms with the effectiveness of speech.

Keywords: knowledge management, RCT, language taste, speech etiquette, elite type of Russian speech culture, epistolary culture

Обмен знаками, отношение к знакам, элементарные оппозиции и логические операции присутствуют на всех уровнях организации человеческого опыта [1], в том числе, в процессе осмысления результатов овладения знаниями в области русской культуры коммуникации. Важным методическим аспектом в процессе обучения русскому языку как иностранному является формирование у обучаемых языкового вкуса. Как считает В.Г. Костомаров, языковой вкус, в сущности, отражает меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи [2]. По языковому вкусу определяется характер эстетического суждения, свойственного определенному историческому периоду развития общества. В эстетическом суждении закрепляется, согласно И. Канту, и ощущение, непосредственно порождаемой эмпирическим созерцанием предмета, и ощущение, вызывающее в субъекта гармоничную игру познавательных способностей – воображения и рассудка [3]. Способность к суждению, которая проверяется языковым вкусом, представляет собой способность согласовывать слова и вещи в соответствии с нормами речевого этикета. В языковые формы включаются содержательные пласты мышления, придавая языковым формам статус идеи, структурируемой внутренним чувством целесообразного (т.е. соответствующего исторической ситуации) состоянию души.

Совершенствование теории и методики обучения иностранному языку находится в прямой зависимости от общих тенденций развития социума. «... к началу века XXI и в философии науки и в теории познания произошли существенные изменения, в ряду которых – усиление исследовательского интереса к методам гуманитарных наук и характерным для них формам и способам организации знания; к отличным от научных моделям и вариантам освоения мира; изучение возрастающей роли техники, инфокоммуникационных систем и сетей в производстве и распространении знания и др.» [4 с. 186]. Изменение статуса знания является отличительной чертой современного общества, оказывая влияние на сферы его жизнедеятельности, включая научный, технический сегменты общества и область образовательного дискурса.

Управление знаниями – концепция, возникшая в 1990-ых гг., разрабатывает идею процесса организации, создания и использования и обмена коллективными знаниями внутри организации, к которой в образовательном дискурсе может быть отнесена учебная группа. Управление знаниями, включает в себя различные типы знания: явные знания (знания, которые легко записать и которыми легко поделиться), имплицитные знания (прикладные знания), подразумеваемое знание (знание, полученное из личного опыта); подразумевает различные этапы взаимодействия с знанием: 1) создание знания (начинается с приобретения знаний, которые поступают из многих источников, и завершается формированием понимания, для чего будут использоваться знания, как они будут применяться и где они применимы); 2) организацию знания (знания должны быть структурированы для использования в будущем); 3) обмен знаниями (включает в обучение знаниям,

обмен знаниями, где знания могут быть приобретены или расширены путем обсуждения знаний с другими представителями коллектива) [5].

Описание методических приемов обучения русскому языку как иностранному и осмысление полученных результатов с позиций знаниевого менеджмента представляется нам достаточно актуальным, поскольку внимание сосредотачивается не только на формировании «знаниевого» продукта, но и на его применении. Интернализация знания, достигаемая через усвоение языка, позволяет знанию широко распространяться, «внедряться» в различные коммуникационные среды и одновременно работать в множестве локаций, решая актуальные для них задачи.

Знание речевого этикета как важном элементе русской культуры и исторические сведения о правилах приличного поведения в обществе раскроют изучающему русскую коммуникативную культуру ее семиотические и эстетические аспекты, а также пополнять лексических запас новыми единицами.

Правила поведения в обществе, правила светского этикета появились в российском обществе в пушкинскую эпоху, которая определяется как время «цветущей сложности» российской аристократии и петербургско-московского общества. Именно в пушкинскую эпоху признаются значимыми правила светского этикета, или правила приличия. Одна из основных функций этикета - сдерживать порывы, контролировать проявление эмоций и инстинктов. Одной из составляющих светского этикета является речевой этикет.

XVIII – начало XX в. – время формирования и развития дворянского этикета, который начал складываться со времён Петра I. Дворянский этикет своеобразно сочетал в себе допетровские обычаи и традиции с европейскими правилами поведения. Создание отечественного этикета, который синтезировал в себе русские обычаи и европейские поведенческие нормы стало одним из важнейших достижений русской культуры того времени. Во второй половине XVIII в. в России получило распространение новое понятие поведенческой культуры - этикет, который определялся как соблюдение порядка поведения, построенного на благопристойности, учтивости и приятности обхождения. Российский этикет складывался как своеобразное сочетание русских обычаев и традиций с европейскими поведенческими правилами.

Одним из главных достижений русской культуры XVIII века стало создание новых устойчивых форм общественного порядка поведения, прежде всего в дворянской среде. Российская аристократия стала законодательницей новых правил поведения в обществе, соединивших в себе европейские нормы и старые русские традиции. «Правила учтивости и изысканности» регламентировали все сферы жизненного уклада дворянства, все стороны его повседневной жизни, предписывали, как «в светском обществе держать себя на крестинах, именинах, свадьбах, юбилеях, обедах, вечерах, балах, раутах, на прогулках, в театрах, маскарадах и т. п.» [6, с.246-247].

К этому же периоду относится оформление русской традиции создания текста письма, или русской эпистолярной культуры, когда получило необыкновенную популярность руководство по созданию писем «Письмовник» Курганова [7].

На протяжении XVIII–XIX вв. традиции написания писем претерпели значительные изменения. Во второй половине XVIII в. эпистолярный жанр был тесно связан с литературным творчеством. В конце XVIII – первой половине XIX в.

письмо, продолжая оставаться литературным явлением, отходит от архаичных форм, влияния «письмовников» и приобретает черты разговорной речи [8].

На русскую почву переносится западная эпистолярная традиция. Выразителями этих тенденций стали писатели, принадлежавшие к литературному обществу «Арзамас». При этом, по большей части, переписка была характерна для узкого круга образованных людей дворянского происхождения. Во второй половине XIX в. переписка охватывает все более широкие слои населения, увеличиваются ее объемы. Достигшая расцвета в XIX в. русская эпистолярная культура зафиксирована в огромном количестве текстов – письмах А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Вместе с тем во второй половине XIX в. появляются и становятся преобладающими новые тенденции – утилитарность переписки, меньший объем и однотонность писем.

Правила создания писем предлагались в «Полном всеобщем письмовнике, или Подробном и ясном наставлении, как сочинять и писать всякого рода письма» (1786). Выделяются общие части письма: заглавие, подпись, надпись, год, месяц, число, место.

Рассмотрим требования к написанию писем к великим людям [7]:

«1. Когда письмо к Императору или к Королю, то надлежит оставить, по должности нашей и по их чести, между заглавием Всемилостивейший Государь и починным словом письма почти половину белого места на странице. То же наблюдается по мере, когда пишем к Принцам, к знатным Боярам, смотря по их чину, и к прочим особам, коим мы обязаны изъявлять наше почтение.

2. От края бумаги надобно отступить на два или три перста шириною или по мере чести и чина особы, к которой пишем. То ж наблюдать должно и снизу листа.

3. Есть ли письмо не очень велико, то лучше повторять Ваше Величество, Ваше Высочество, Ваша Светлость, Ваше Сиятельство, Ваше Превосходительство, кому что прилично, и начинать сии слова большими буквами, нежели употреблять, Вы или Вам, потому что в малых строках будет казаться сие непочтительство.

4. Ежели ж, напротив того, письмо длинно, то можно иногда поставить Вы для избежания частого повторения, выключая Императора, Королей и Принцев

5. Надлежит примечать, что когда пишут к знатнейшим особам, то никогда не вносят в первую строку или в первый отдел письма заглавия или имени той особы, так, как поступают в письмах к приятелям или не к знатным людям; но только повторяют его посредине или в конце, когда личное местоимение кончит часть периода или отдела, с сим изъятием, что когда пишем к знатным особам, то употребляется красивее местоимение Ваше с именем достоинства, ему принадлежащего.

Пример

Сие зависит:

от Вас, Всемилостивейший Государь,

от Вашего Величества

Оное принадлежит:

Вам, Всемилостивейший Государь, Вашему Высочеству

Уже давно.

Милостивый Государь,

Милостивая Государыня, что я честь имею быть.

6. Должно остерегаться, чтоб не поставить вышепомянутых чинов и тому подобных после действительного глагола и перед каким другим существительным

именем, чтоб не сделать двусмысленной речи, которую сии чины, сообщенные с существительным именем в одной строке, приключить могут.

Пример

Я сего дня купил, Милостивый Государь, лошадь. Ко мне сего дня на двор взбежала изрядная, Государыня, лошадь.

У меня есть изрядный, Милостивый Государь, борзой кобель.

Безделица, Ваше Сиятельство: не извольте трудиться.

7. Ни к кому не должно подписываться Ваш раб, кроме самого Государя.

8. Когда пишем к ближним приятелям, или к своим подчиненным, и кои ниже нас состоянием, то не должно почти совсем оставлять места между заглавием и началом письма; а можно, есть ли кто хочет, поставить заглавие в начале первой строки, или ввести в первый период, смотря по месту, где лучше будет.

9. Никогда не можно ставить прозвания того, к кому пишем, в заглавии или одного имени без отчества, разве когда к какому-нибудь подлому человеку, или к мастеровому, яко то:

Господин Рыбников, Илья Орехов, Яков Репин! Я было хотел, что и проч. Госпожа Жмурина, Анна Расказова! Я уведомился, что и прочая.

Подпись

Подпись имеет самое нижнее место в письмах. Должно наблюдать, когда пишем к знатым особам, чтоб было весьма довольное расстояние между подписью и самим письмом, которое должно оканчивать титулами Милостивый Государь, или Государь мой; Милостивая Государыня, или Государыня моя, в одной особой строке, поодаль немного окончания письма».

Приведенные правила создания писем распространялись на речевые действия, представленные в письмах, всего русского дворянства. Приведем в качестве примера русской эпистолярной культуры письмо П.И. Фонвизина. Павел Иванович Фонвизин – сенатор, литератор и переводчик из рода Фонвизиных. В 1784-96 гг. директор Московского университета. П.И. Фонвизин представляет собой новый тип университетского администратора – он учился в университете, измерил свое отрочество и юность «университетским временем». Ближайшие его последователи из этой категории: директор И.П. Тургенев, ректоры Х.А. Чеботарев, П.И. Страхов, А.А. Антонский- Прокопович.

Письмо П.И. Фонвизина от 5 августа 1785 года [9]:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Расположась сегодняшней день иметь честь быть у вашего превосходительства в деревне с женою и своячиною моею, нахожу я себя принужденным извинить себя пред вами, милостивый государь, в неисполнении сего столь лестного для меня предприятия. В нынешнюю ночь приехал из чужих краев сюда брат мой Денис Иванович. Родство и дружба, меня с ним связывающие, требуют, чтоб я нынешний день пожертвовал ему; ибо с лишком год, как я не имел удовольствия его видеть. Я не сомневаюсь, чтоб ваше превосходительство, приняв во уважение сию причину, милостиво меня не извинили, тем паче, что я, конечно, на сих днях не премину воспользоваться честью исполнить прежнее мое намерение. Между тем, следуя приказанию вашего превосходительства, объявленного мне посредством г. Могиланского, имею честь приложить здесь протокол Конференции, в коем трактовано о вышнем латинском классе, ибо ни в одном из прочих протоколов об оном ни слова не упомянуто. Его превосходительство Михаила Матвеевич на посланный от меня к нему перевод с последнего протокола изволил объявить на оное свое согласие, как то ваше превосходительство изволите усмотреть из вложенного здесь оригинального перевода.

В прочем предоставляя себе честь персонально принять на все сие вашего превосходительства решение, с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Павел Фон Визин.

Августа 3 дня 1785 года».

Особое место в русском эпистолярном наследии занимает переписка российской императрицы Екатерины II и Г.А. Потемкина. Личная переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина – выдающийся историко-культурный памятник второй половины XVIII в.

Екатерина II и Григорий Потёмкин – выдающиеся государственные деятели России. Екатерина II – российская императрица в 1762-1796. Происходила из мелкого северогерманского княжеского рода. Урожденная Софья Августа Фредерика Анхальт-Цербстская. Потемкин Григорий Александрович (1739-1791). Сын офицера, Потемкин получает превосходное образование, изучает древние языки, историю, философию, увлекается богословием. В 1756 он вместе с другими блестящими молодыми людьми направлен графом Шуваловым в Санкт-Петербург, где представлен императрице Елизавете Петровне. После присоединения Крыма к России в 1783 организует там местное управление и основывает Симферополь и Севастополь с морской базой для созданного им же Черноморского флота. Заняв пост президента Военной коллегии в 1784, он вводит новый военный устав.

Приведем эпистолярные подтверждения нежных чувств, которые испытывали друг к другу Екатерина II и Григорий Потёмкин.

Послание Екатерины II Г.А. Потёмкину [10]:

«Душа моя, душа моя, здравствуй. ...Напиши ко мне, каков ты, милинкой, и изволил ли опочивать спокойно, чего от всего сердца желаю, а я вась очень, очень, очень люблю; а писать недосуг, да и ничего».

Письмо Г.А. Потёмкина, адресованное Екатерине II:

«Моя душа безценная, Ты знаешь, что я весь твой, И у меня только ты одна. Я по смерть тебе верен, и интересы твои мне нужны. Как по сей причине, так и по своему желанию, мне всего приятнее твоя служба и употребление заранее моих способностей. Зделав что ни есть для меня, право не раскаешься, а увидишь пользу».

Представленные образцы русской эпистолярной культуры следует отнести к элитарному типу русской речевой культуры. Носители элитарного типа русской речевой культуры, как считает О.Б. Сиротина [11], свободно владеют кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески используют возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи.

Овладению данным типом речевой культуры способствуют особенности воспитания и обучения, характер профессиональной деятельности, постоянное стремление к самообразованию, расширению кругозора, высокая степень ответственности, самодисциплины в сфере вербальной коммуникации, а также систематическая критическая оценка собственного стиля речевого поведения.

Личность, осваивая подобный стиль речевого поведения, становится элитарной языковой личностью. «Элитарная языковая личность репрезентирует на уровне своего сознания языковую и концептуальную картину мира этноса на соответствующем этапе его социально-экономического, общественно-политического и культурного развития» [12, с.77]

И. А. Иванчук в качестве критериев отнесенности носителя языка к элитарному речевому типу, выделяет : 1) высокий уровень общей культуры, нравственных, этических принципов и норм общения; 2) принадлежность к гуманитарной сфере и к тем, для кого слово является инструментом повседневной практической деятельности: писателям, журналистам, деятелям театра и кино, ученым гуманитарного профиля, политикам, государственным деятелям; 3) привычку и опыт публичных выступлений; 4) следование нормам произношения русского литературного языка [13]. Критерием высокой речевой культуры является: а) следование «пушкинскому принципу «соразмерности и сообразности»; б) «истинный вкус» как чувство меры; в) чутье языка; г) прагматическая направленность речи [14].

Элитарный тип речевой культуры предполагает гармоничное и уравновешенное сочетание строгого следования нормам с эффективностью речи, которая не исключает отступление от этих норм чаще в стилистических целях, если этого требуют ситуация общения и авторские интенции. Речь носителей элитарной речевой культуры способствует не только сохранению сокровищ национального языка, но и дальнейшему развитию и обогащению традиций языковой культуры.

Библиографический список

1. Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи, – М: Злотоуст, 1999. – 320 с.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: в 6 т.– М., 1966. Т. 6. – С. 350–588.
4. Шамардин Н. Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия// Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2015. –№ 14 (211). – Выпуск 33.– С.185-192.
5. Takeuchi, H., Nonaka, I. The New New Product Development Game. Harvard Business Review. – 64(1). – 1986, – pp. 137-146.
6. Сталь Ж., де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. – М., 1989. – 475 с.
7. Забелин И. Е. Полный всеобщий письмовник, или Подробное и ясное наставление, как сочинять и писать всякого рода письма, просительные, жалобные, одобрительные, дружеские, увещательные, нравоучительные, с присовокуплением перевода некоторых писем знаменитых новых иностранных писателей, купеческие и вообще деловые письма, контракты, одобрения, расписки, пропуски и письменный вид крепостным людям, формы купеческих ассигнаций, свидетельства, верющие и посылочные письма. - Москва : Ижд. К. и В., 1793. –XIV. – 336 с.
8. Кобак И.В. Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник автореф. дис. ... к-та ист. наук. – СПб, 2005. – 24 с.
9. Письма русских писателей 18 века : Сборник / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Отв. ред. и авт. вступит. статьи Г. П. Макогоненко. - Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. - 472 с.
10. Екатерина II и Г. А. Потемкин : Лич. переписка, 1769-1791 / Изд. подгот., [ст. написал, с. 473-540, и примеч. сост.] В. С. Лопатин; (Отв. ред. С. Г. Десятков; Рос. акад. наук). - М. : Наука, 1997. - 989 с.

11. Сиротинина О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л.М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. - М. ; Наука : Флинта, 2003. - С. 343–347.
12. Курьянович А.В. Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции// Вестник ТГПУ. – 2011. – Выпуск 3 (105). – С.76-80
13. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: дне. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005. – 65 с.
14. Иванчук И. А. Риторическая категория разговорность в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: ее специфика и функции // Вестник Том. гос. пед. ун-та. – 2004.– № 1. – С. 5–11.

Tatiana Avdeeva

*Director of the Training Center
European and Oriental Languages Elite,
Altai State University
Russia. Barnaul*

THE PRINCIPLES OF STUDYING THE JAPANESE LANGUAGE AS A PART OF THE ALTAI FAMILY ETYMOLOGICAL LANGUAGE NESTS

Abstract. Nowadays the study of specific languages such as Korean, Japanese is of great interest and debate still. There are more and more evidences proving the fact of the origin and being a part of the Altai family language nest. To understand vague clues and bring to some highlight, the history and linguistic information must be regarded as well.

Key words: Japanese, Altaic languages, written system, phonetic system of the Japanese language, language nest, language family, etymology.

Татьяна Юрьевна Авдеева

*директор Центра обучения
Европейским и Восточным языкам Elite,
Алтайский государственный университет
Россия, Барнаул*

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В СОСТАВЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В настоящее время изучение конкретных языков, таких как корейский, японский, все еще вызывает большой интерес и споры. Появляется все больше свидетельств, подтверждающих факт происхождения и принадлежности к алтайскому семейному языковому гнезду. Чтобы понять смутные подсказки и внести какой-то вклад, необходимо также учитывать историческую и лингвистическую информацию.

Ключевые слова: японский язык, алтайские языки, письменность, фонетическая система японского языка, языковое гнездо, языковая семья, этимология.

Theories have sprung up to explain the origin of the Japanese language until they have become as varied as the seasons. In fact, Roy Miller, a profuse writer and well-respected authority on this language, says with respect to unraveling its ancestry, "Only one [predominant] language of one major nation remains today without clarification of its origins – Japanese" [1, p. 26]. It is really hard to explore the major theories attempting to connect Japanese to other known languages, after first presenting some of the changes from Old Japanese to Modern Japanese, including both the written and spoken forms. Although the spoken language and the written language have obviously influenced one another, they each have their own unrelated histories.

Japanese writing is clearly taken from Chinese, but the language itself (i.e. speech) is a mystery. The feature of spoken Japanese that applies most directly is its vowel system, with open syllables. There are five vowel phonemes in Modern Japanese, namely /a/, /i/, /u/, /e/, /o/. Unlike English, lengthened vowels are important in distinguishing words. Japanese consists of evenly-stressed syllables, each of which ends with a vowel. Most also begin with a consonant. And so, we can form words like *Na-ga-no* and *u-tsu-ku-shi-I* (*beautiful*). The writing system of Japanese is probably the most famous aspect of the language because it is so complex. In fact, a regular sample of written Japanese contains a liberal mixture of three separate systems! One system is the kanji, which are the ideographs borrowed from Chinese. Each kanji is a character that represents a meaning. For example, the concepts sun, moon, fire, and water are each expressed in writing with a single kanji. Since each unrelated idea requires a separate character, thousands of ideographs are necessary for a sufficient writing system. That means that each character must be identifiably different from all the rest, so each individual character can be complex as well. Today there are about two thousand kanji in regular use in Japan [2, 1991], [3, 1991], [4, 1984]. The other two systems, which are generically called kana, are much simpler because they are both syllabic; this perfectly suits the phonotactic structure of the spoken language. Like capital and lowercase sets of letters in the Roman alphabets, the two kana systems cover the same phonetic territory but have different orthographic functions. Katakana, the first syllabary, is more angular and is used mostly for transcribing words of foreign origin, such as *terebi* (*television*). Hiragana is more cursive, and can be used for grammatical inflections or for writing native Japanese words where kanji are not used. Using the inflected verb *kakimasu* as an example, the root ka- would be represented by the kanji carrying its meaning (*write*), and the inflection -*kimasu* would be written with three hiragana syllables.

The Japanese had no writing system prior to the introduction of the Chinese one, which was originally used by Chinese people who lived in Japan during the early Christian era. Later, the educated Japanese used it to write the Chinese language. The earliest known examples of Japanese writing, dating back to the 5th and 6th Centuries A.D., are proper names inscribed with Chinese characters on a mirror and a sword. But by the 8th and 9th Centuries A.D., Chinese characters began to be used to represent the Japanese language. Since the two languages are so different in their syntax and phonology, Chinese loanwords and characters began to be "Japanified" for more convenient use [5,1997]. The earliest known Japanese records of any length are the Kojiki (A.D. 712) and the Man'yush (after 771) [6, 1970]. These works are valuable in revealing the evolution of the Japanese writing system from Chinese to a specialized system for recording spoken Japanese. The Kojiki largely maintains Chinese syntax, while using character combinations specific to Japanese for their semantic content. The Man'yush, on the other hand, begins to use Chinese characters for their pronunciations to indicate Japanese words [5, 1997]. Because of the complex nature of kanji, using them for phonetic purposes is not very convenient. So the two kana systems developed independently during the 9th Century, as two different methods to simplify writing. Hiragana arose as a cursive abbreviation for the kanji, and was used mostly by women, who were excluded from the study of Chinese characters. They used it mostly for poetry, diaries and novels. Katakana was the product of priests in Buddhist temples. As the priests read Chinese works, they translated them into Japanese and inserted these kana beside the kanji as a mnemonic device to help them with Japanese inflections that were

not in the Chinese [5, 1997]. As a result of this Chinese influence and domestic adaptation, Japanese writing developed into the threefold system it is today, with incredible complexity. Part of the reason for its complexity is the incongruity of the Chinese and Japanese spoken languages. Where every word in Chinese is a single syllable, Japanese is a polysyllabic language and requires open syllables. Each kanji has at least two pronunciations: one, an imitation of the equivalent Chinese word (the on reading), forced into the CV phonotactics of Japanese; and the other, a native Japanese word (the kun reading).

The ancient texts of Japan have lent to studying the diachronic sound changes in the spoken language. The most amazing discovery about Old Japanese lies in its vowel phoneme system. I for one had accepted it as an article of faith that Japanese has always been phonetically simple, with five "pure" vowels each falling neatly into one of the five Roman letters that we foreigners use today to represent them. However, the Man'yush provides a key that led to the discovery that Old Japanese had eight vowel phonemes! Dr. Shinkichi Hashimoto discovered that characters thought to represent the same sound actually occurred in complementary distribution-- i.e. they were contrastive [Susumi, 1970, p.99]. The Man'yush used kanji not for their meaning, but for the sounds they represented. For example, one character (house) pronounced *ke* was used in certain words to represent the phonemes /*ke*/. However, another character (spirit or steam) also pronounced *ke*, was used in entirely different contexts. Dr. Hashimoto found that these characters did not overlap in their phonetic usages. In fact, he found the same phenomenon across all instances of syllables ending with /*e*/, /*i*/ and /*o*/, in the Man'yush, in the Kojiki, and in other documents of the 8th Century. This clear distinction between two types of vowels shows that Old Japanese also had the phonemes /*i*/, /*ë*/, and /*ö*/, in addition to the five vowels of Modern Japanese [6, 1970].

Before proceeding, I want to share a personal observation. In my comparison of the histories of Japanese and English, I have come to the conclusion that there is a linguistic homeostatic relationship between (a) a change in the number of vowel phonemes, and (b) a new distinction between other attributes of vowels. In other words, when (a) occurs, (b) will result to compensate. Modern Japanese (a) has lost three vowels since Old Japanese, but (b) has gained a distinction between long and short vowels that did not exist before. The development of English (which used to differentiate between short and long vowels) shows a similar change in the opposite direction. In order to compensate for (a) the loss of vowel duration as a phonemic factor, English (b) has developed a new distinction between tense and lax vowels, which has given rise to new phonemes. It could be said that English and Japanese have traded places with respect to vowel length and number of vowel phonemes.

After Dr. Hashimoto had shown that Old Japanese had eight vowels, Dr. Hideyo Arisaka and Professor Teizi Ikegami proved that the result was vowel harmony [6, 1970, p. 107]. This is a phonological principle that permits combinations of "harmonious" vowels in a given word, but excludes other combinations. Below is the chart illustrating vowel categories.

Group A: /a o u/

Group B: /ë ö i/

Group C: /e i/

A word may contain more than one vowel from Group A, or more than one from Group B: *kuro* "black"; *isago* "sand"; *kökörö* "heart." Vowels of Group C can appear with those of either group. However, vowels from the first two groups rarely appear in

the same word. In fact, /*ö*/ and /*o*/ never coexist in the same word [6, 1970]. Vowel harmony is common in Altaic and Uralic languages, such as Turkish and Finnish and vowel and harmony in the Japanese language described above has a direct correlation with Altaic languages.

Japanese is not conclusively linked to any other language or family of languages. It has remained a mystery despite all these centuries of research, and continues to study the people who speak it to seek out their identity. Since their anthropological identity is also vague, Miller recommends keeping the people's anthropological roots out of the issue of the roots of the Japanese language [7, 1986].

Despite the ambiguity of its ancestry, theories about Japanese have been whittled down over the last few centuries to two of the most prominent and promising prospects. Today, Western linguists believe it is related either to Korean, which is a geographic neighbor, or to the Ural-Altaic family, or to both

The majority of scholarly opinions point toward the Altaic family as the home of Japanese. [6, 1970] indicates a number of reasons to support this theory. For example, Altaic languages include many cases of vowel harmony, like that found in Finnish. Also, like Japanese, Altaic languages have no grammatical distinction of number, nor of gender. Neither they have relative pronouns or passive voice, but both have postpositions or particles instead of word order or declension to indicate function [6, 1970].

The probability of Japanese and Altaic sharing an unusual trait is not very high, and when so many of them are combined, the probability plunges. The connection between Japanese and Altaic has been refined somewhat since it was first suggested almost 150 years ago. In 1857, the Viennese man Anton Boller proposed that Japanese was descended from the Ural-Altaic group of languages [7, 1986, p. 34]. Since that time, linguistic research has split that group into the Uralic and the Altaic families. Most Western scholars have dropped the theories that maintain Uralic in the family tree of Japanese, so that Altaic remains in the forefront. However, a few such as Kazár still fight for Uralic. As support, he cites the vowel harmony among Japanese, Turk, and Old Korean, as well as other languages. However, Korean is not valid for his argument, since no one knows whether it is a Uralic language or not; Kazár here relies on faulty support. Moreover, vowel harmony fuels the Altaic theory just as well. Although Kazár uses exhaustive specific examples, his arguments are nearly identical to the ones that support the Altaic theory. And adding further doubt to the Uralic connection, he quotes an objection to his own cause: the phonetic correspondences are not established, and if we accept Uralic, then Japanese can be compared to any language [8, 1980]. The Uralic half of Boller's theory has given way to the Altaic.

But how is it possible that the language of Finland in Northern Europe can be related to the language of a Southeast Asian island chain? The distance is an obstacle. But we can easily apply to Altaic what Kazár said of Uralic: the geographical distance between Japan and the sources of the Altaic languages is no greater than between Britain and India, both of which have Indo-European languages [9, 1985]. Miller believes so strongly in the Altaic connection that he has written a book entitled *Japanese and the Other Altaic Languages* [1, 1971], as if there is no question regarding its classification. He reaches a compromise between most of the languages that can be tied to Japanese in one way or another by comparing to some Indo-European languages that we are more familiar with. The key, he says, is to understand that Japanese is not a "hybrid" language any more than English is [7, 1986, p.166-167]. English is a Germanic language, despite

heavy influences from two Italic languages, French and Latin, and from other languages more closely related to it (Norse). Likewise, advocates Miller, Japanese is an Altaic language, although its history includes heavy influence from a variety of sources. He says that speakers of the Altaic and Uralic groups had some "close association," and therefore "early linguistic contact" [7, 1986, p. 53], but whether that implies actual linguistic ancestry or merely mutual influence is not critical. Although there is somewhat of a general consensus in the West that Japanese is an Altaic language, that we cannot be absolutely sure where Japanese comes from. Numerous conflicting theories are still advocated, both here and in Japan. Japanese and Korean still are each usually classified independent of any other language.

As Modern Japan has entered the cosmopolitan scene, its language has been enriched by a recent influx of Western loanwords, transliterated into katakana. These include *pan (bread)*, from Portuguese, and *arubaito (part-time job)*, from German *arbeiten (to work)*. But the majority of recent loanwords come from English, especially in the domains of technology and entertainment. A Japanese person today can go to *Makkudonarudo (MacDonald's)* to grab a *hambaagaa (hamburger)* to eat. He can watch a *bideo (video)* on his *terebi (TV)*, or sit down at the *kompyuutaa (computer)* to type a letter on his *waapuro (word processor)* and save it on a *disuku (disk)*. Because of the volume and variety of English words appearing in Japanese print today, it seems to me that a Japanese person would not be able to understand a popular magazine in his own language unless he also has a good command of English vocabulary.

As linguistic research progresses throughout the continuum of the world's languages, perhaps a definitive ancestor of Japanese will be pinpointed, and the people of Japan will rest from their identity crisis. But more likely, researchers will continue to refine the current theories to make the relationships between Altaic, Korean, and Japanese more clear and precise.

References

1. Miller, Roy Andrew. *Origins of the Japanese language: Lectures in Japan during the academic year 1977-78*. Seattle and London: University of Washington Press, 1980.
2. Seeley, Christopher. *A history of writing in Japan*. Leiden, The Netherlands: E.J. Brill, 1991.
3. Fujii, Noriko. *Historical discourse analysis: Grammatical subject in Japanese*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
4. Habein, Yaeko Sato. *The history of the Japanese written language*. University of Tokyo Press, 1984.
5. *Encyclopedia Britannica*. s.v. *Languages of the world: Japanese language*, 1997.
6. Komatsu, Isao. *The Japanese people: Origins of the people and the language*. T_ky_: Kokusai Bunka Shinkokai [The Society for International Cultural Relations], 1962.
7. Miller, Roy Andrew. *Nihongo: In defence of Japanese*. London: Athlone Press, 1986.
8. Kazár, Lajos. *Interdisciplinary International Workshop "Provenance of the Japanese language and the people with which an early stage of this language reached the Japanese island realm"*. Hamburg, 1985.
9. Kazár, Lajos. *Japanese-Uralic language comparison; Locating Japanese origins with the help of 5. Samoyed, Finnish, Hungarian, etc.: An attempt*. Hamburg: Lajos Kazár-Tsurusaki Books, 1980.

10. Susumu. The origin of the Japanese language. Tokyo: Kokusai Bunka Shinkokai [Japan Cultural Society], 1970

Раздел III

Новая → 'медийная' ← реальность:
языковые трансформы →→ когнитивная
пластичность

Section III

*New → 'media' ← reality:
language transforms →→ cognitive*

Ибодулло Амриллоевич Зубайдуллаев
Самаркандский государственный университет
Узбекистан, Самарканд

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации медийного пространства в лексическом аспекте. Описывается функционирование в современном медиапространстве двух исламизмов «ибадат» и «шариат». Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современное медиапространство активно способствует продвижению религиозной лексики Ислама.

Ключевые слова: Ислам, медиапространство, шариат, ибадат (поклонение), религия, религиозизмы.

Ibodullo Zubaydullaev
Samarkand State University
Uzbekistan, Samarkand

ISLAM IN THE MODERN MEDIA SPACE

Abstract. The article discusses the peculiarities of the organization of the media space in the lexical aspect. The functioning of two Islamisms "Ibadat" and "Sharia" in the modern media space is described. The analysis allows us to conclude that the modern media space actively promotes the religious vocabulary of Islam.

Key words: Islam, media space, Sharia, Ibadat (worship), religion, religionism.

«..Ислам всегда был современен. Некоторые люди пытаются модернизировать ислам, считая, что это наследие прошлых веков, прошлых столетий. На самом деле ислам – религия для современных людей, религия, в которой каждый может найти себе то, что он ищет. Поэтому сочетание модерна, чего-то современного, поиска самого себя, поиска Бога, окружающего мира, – это заложено в Коране» – отмечает в своем интервью Дами Мухитдинов, российский теолог, первый заместитель председателя ДУМЕР, член Общественной палаты РФ [4].

Сегодня Ислам является самой молодой и в то же время второй после христианства мировой религией.

Ныне территория проживания мусульман не только традиционные страны Востока, как это было на протяжении многих веков, но и другие страны мира, в которых создаются и развиваются крупные мусульманские общины (уммы).

Распространению Ислама как религии и, соответственно, религиозной лексики в мировом сообществе, на наш взгляд, способствуют следующие факторы:

- высокая рождаемость среди мусульманского населения как в местах традиционного проживания, так и вне его;
- иммиграция в связи с политическими ситуациями в мусульманских странах в последние десятилетия;
- трудовая эмиграция/ иммиграция во многие страны мира;
- межконфессиональные браки с последующим принятием Ислама;
- современное медиапространство.

Рассмотрим функционирование Ислама и исламизмов в современном медиапространстве на примере таких религиозных движений, как ибадат (поклонение), шариат. Отметим, что религиозным «шариат» знаком русскоязычному населению благодаря СМИ.

Ибадат (ибада или поклонение) в официальных толковых словарях русского языка слово не зарегистрировано, кроме медиасловарей и в специализированных словарях, посвященных Исламу.

Ибада, согласно Исламскому энциклопедическому словарю, – преданное служение, поклонение, исполнение религиозных обязанностей по отношению к Аллаху, которое является смыслом существования всех сознательных творений [1].

Ибада (мн. ч. 'ибадат; «поклонение») – богослужение, выражающееся в соблюдении обрядов, обязанности общественного богослужения [2].

Ибадат (ибада), согласно медиасловарю «Ислам», – поклонение Всевышнему и выполнение Его предписаний, исламское богослужение [3].

Проанализировав три предложенных определения, приходим к выводу, что в двух из них ключевым словом в них является «поклонение».

Словарное значение «поклонение» определяется в Толковом словаре русского языка Ефремовой Т.Ф. как: «Процесс действия по знач. глаг.: поклоняться».

Там же находим значение слова «поклоняться»: «Чтить кого-либо, что-либо как божество, высшую силу, святыню, выражая это молитвами, обрядами и т.п.» [6]

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова находим следующее: ПОКЛОНИТЬСЯ – 2. Придя к священному месту, выразить свое благоговение. П. святым местам [7].

Поле лексического значения слова «ибадат» намного шире. По мнению Шейха Мухаммад Садык Мухаммад Юсуфа, ибадат (ибада) дословно означает «рабство», «быть рабом», а также «покориться», «повиноваться», «выражать готовность в подчинении и выполнении повелений»; проявление своего рабства – совершение благих деяний ради сближения с Аллахом, то есть поклонение Аллаху [8].

Функционирование данного религиозного термина в медиапространстве представлено в основном в качестве разъяснительной информации для мусульманского населения не только России, но и для русскоязычного населения мира. Приведем примеры его функционирования в медиапространстве:

«Что такое ибадат?» <https://www.islamisemya.com/chto-takoe-ibadat.html>

«Что такое ибадат?» <https://islam-today.ru/veroucenie/nacinausim/cto-takoe-ibadat/>

«Разъяснение понятия «ибада» – поклонение» <https://islamdag.ru/verouchenie/42743>

«Ибадат (поклонение)» <https://islam.uz/statya/5377>

«Ибадат и муамалат и какие сферы жизни мусульман они регулируют...»
<https://lanos-volgograd.ru/ibadat-i-muamalat-i-kakiye-sfery-zhizni-musul-man-oni-reguliruyut/>

«Простой способ совершения ибадата для благоприятных ночей»
<http://annisa-today.ru/raznoe/prostoj-sposob-soversheniya-ibadata-dlya-blagopriyatnyx-nochej/>

«...а тот, кто в ночное время искренне совершает ибадат...кто совершает ночное Ибадат в ночное время всего года...»
<https://babulabvab.ru/content/dostoinstva-pervyih-10-dney-i-nochey-mesyatsa-zulhidzha>

Таким образом, данный религионим очень широко представлен в сети Интернет. Основное назначение – это просветительское разъяснение религиозной лексики Ислама.

Другим религионимом, активно функционирующим в медиaprостранстве, является «шариат».

Религионизм «шариат», в отличие от других в исламских теонимов, зафиксирован во многих словарях, в том числе в толковых словарях русского языка.

Шариат в Толковом словаре русского языка Ефремовой Т.Ф. раскрывается как: «Совокупность религиозных и юридических норм, основанных на Коране; мусульманское право» [6]; в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. «-а, м. В исламе: свод религиозных и юридических правил, основанных на Коране» [7].

Шариат («прямой, правильный путь»), согласно Исламскому энциклопедическому словарю, – многозначный термин: свод Божественных повелений и запретов; основанный на аятах Корана и Сунне Божественный Закон; относящиеся к практической деятельности мусульман религиозные предписания; религия в целом [1].

Шариат (араб. – правильный путь к цели, образ действия), как трактует медиасловарь «Ислам», – у мусульман комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, основанных на Священном Коране, Сунне и сочинениях религиозных авторов, соблюдение которых означает ведение праведной, угодной Аллаху жизни, наградой за которую будет Рай [3].

В энциклопедическом словаре «Ислам» находим: «аш-ШАРЙ'А («прямой, правильный путь»; закон, предписания, авторитетно установленные в качестве обязательных) – шари'ат, комплекс закрепленных прежде всего Кораном и сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение» [2].

Обобщая вышеприведенные трактовки словарей, выделим ключевые слова в них – нормы, правила поведения, основанные на Священном Коране.

Данный религионим благодаря СМИ активно функционирует в мировом медиaprостранстве. Этому находим подтверждение, проанализировав интернет-ресурсы. Представим некоторые из них.

«Какую роль в жизни мусульманских общества играет шариат?»
<https://otvet.mail.ru/question/48700334>;

«Есть ли у христиан аналог мусульманского шариата? Если да, то как это называется?» <https://otvet.mail.ru/question/216983739>;

«Какие цели преследует шариат? Существуют ли доказательства целей шариата? Для чего вообще современным мусульманам шариат?» https://vk.com/wall-3963339_318270;

«Путь шариата в оберегании супружеской жизни» <https://lektsii.org/10-30775.html>;

«Шариат. Закон жизни мусульман» <http://lawlibrary.ru/izdanie33296.html>.

Религионим «шариат» очень широко представлен в сети Интернет. Основное назначение – это просветительское разъяснение религиозной лексики Ислама, а также разъяснение основных канонов и столпов Ислама.

Отметим, что религионим «шариат» в отличие от «ибадат» входит в состав Национального корпуса русского языка (9 документов, 100 вхождений) [5].

Таким образом, современное медиапространство активно способствует продвижению религиозной лексики Ислама.

Библиографический список

1. Али-заде Айдын Ариф оглы, Исламский энциклопедический словарь. –М.: Ансар, 2007. – 340 с.

2. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.; Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.

3. Медиясловарь «Ислам» [Электронный ресурс]. – URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words.html>. (Дата обращения 10.12.2021)

4. Мухетдинов, Д. Ислам всегда был современен [Электронный ресурс]. – URL: <https://dumrf.ru/common/interview/4539>. (Дата обращения 10.12.2021)

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=main&nodia=1&p=0&req=шариат&sort=i_grtagging&text=lexform (Дата обращения 11.12.2021)

6. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (Дата обращения 09.12.2021)

7. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru>. (Дата обращения 10.12.2021)

8. Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Разногласия: причины и решения – Т.: «Хилол нашр», 2012. – 366 с.

Наталья Васильевна Халина

*Алтайский государственный университет,
Россия, Барнаул*

**ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
АРХИТЕКТониКИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИЙНЫЕ РЕАЛИИ**

Аннотация. В статье анализируются языковые процессы, определяющие и сопровождающие события последнего столетия, в языковедческом плане отмеченного последствиями лингвистического поворота в философии и историографии. В качестве основного языкового процесса рассматривается языковой менеджмент, значимых событий – создание Республиканской Турции и Тюркского Совета. Этапы языкового менеджмента дифференцируются на основе детальных терминологических описаний языковых преобразований в Турции, представленных в статье Shayan Salehi "The Significance of Turkish Language Reforms of Early Republican Turkey in the Creation of the Modern Turkish Nation-State" и позволяющих реконструировать когнитивные цепочки-последовательности работы по созданию нового турецкого семиотического единства. В качестве медийной формы, семиотического «переложения» и продолжения турецкого языкового менеджмента 30-ых гг. XX века рассматривается создание Тюркского (Турецкого) Совета и Media forum of the Turkic-speaking countries and communities.

Ключевые слова: турецкий язык, языковой менеджмент, языковое сознание, Республика Турция, Тюркский мир, Тюркский совет, когнитивная пластичность, концептуальная топология, Media forum of the Turkic-speaking countries and communities, медиа кооперация

Natalia Khalina

*Altai State University
Russia, Barnaul*

**TURKISH LANGUAGE MANAGEMENT: TRANSFORMATION OF THE
ARCHITECTONICS OF ETHNIC LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE LAST
CENTURY AND MODERN MEDIA REALITIES**

Absrract. The article analyzes the linguistic processes that determine and accompany the events of the last century, in terms of linguistics marked by the consequences of linguistic turn in philosophy and historiography. Language management is considered as the main language process, significant events are the creation of the Republican Turkey and the Turkic Council. The stages of language management are differentiated on the basis of detailed terminological descriptions of language transformations in Turkey, presented in the article Shayan Salehi "The Significance of Turkish Language Reforms of Early Republican Turkey in the Creation of the Modern Turkish Nation-State", and allowing to reconstruct cognitive chains-sequences of work on the creation of a new Turkish semiotic unity. The creation of the Turkic (Turkish) language is considered as a media form, semiotic "transposition" and continuation of the Turkish language management of the 30s of the twentieth century. Council and Media Forum of the Turkish-speaking countries and communities.

Keywords: Turkish language, language management, language consciousness, Republic of Turkey, Turkic world, Turkic Council, cognitive flexibility, conceptual topology, Media forum of the Turkish-speaking countries and communities, media cooperation

Язык в современном мире является инструментом объединения и консолидации нации, которая на нем говорит, и турецкий язык представляет собой один из наиболее значимых примеров использования языка в процессе государственного строительства [1]. Благодаря программам языковой реформы модернистского и ориентированного на запад правительства Мустафы Кемала Ататюрка, турецкий язык превратился из символа османского ориентализма и "отсталости" в определяющую характеристику того, что значит 'быть турком'. Турецкий язык был стратегически разработан для создания новой нации 'турецкий народ'. Стратегическими векторами языкового конструирования стали: а) этнический национализм; б) соответствие требованиям современного мирового социального развития; в) ориентация на западную систему ценностей; г) дистанцирование от османско-персидско-арабского исламского наследия. Благодаря продвижению языка турок в качестве независимого и превосходящего языка, национальное государство Турция смогло занять свое место среди наций мира.

Реформы турецкого языка сыграли важную роль в идеологической трансформации административной и социальной сферы Турецкой Республики, способствуя замене османских идеалов западными аксиологиями. Обеспечение исторической легитимности нового государства требовало его топологической определенности - привязанности к определенной территории (как физической, так и виртуальной), которая в соединении с новым турецким языком должна была укрепить турецкую национальную идентичность, связав ее, как считает Шайян Салехи [1], с мифологическими и псевдонаучными представлениями о древних тюркских и анатолийских народах. Тюркская мифология и картина мира продуцировали нарратив, знаково соотношенный с тюркскими и алтайскими языками. Соотнесенность с анатолийской мифологией обосновывала как территориальное присутствие современной Турции на древних анатолийских землях, так и внедренность анатолийской культуры в современную культурную турецкую топологию.

Напомним, что анатолийцы - одна из первых ветвей индоевропейских народов Ближнего Востока, которая идентифицируется по использованию анатолийских языков - языков Анатолии (Малой Азии), полуострова в Западной Азии, II и I первого тысячелетия до нашей эры. Коренные анатолийцы включали хеттов, лувийцев и лидийцев; входящие расы - армян, греков, фригийцев и фракийцев.

Новая турецкая языковая политика была поддержана новой теорией Güneş Dil Teorisi (Sun-Language Theory) - Теорией солнечного языка [2, с.83-84]. На суд общественности теория солнечного языка, утверждающая, что все современные языки, включая языки индоевропейской и семитской ветвей, являются потомками турецкого, была представлена в августе 1936 года. Турецкие теоретики солнечного языка утверждали, что турецкий "был первым и древнейшим языком в мире и, следовательно, был корнем санскрита, греческого и латыни" [2, с.83-84]. Теория солнечного языка стремилась не только представить турецкий язык как независимый язык для независимой нации, но выдвинуть идеи, утверждающие культурное превосходство турок. Согласно этой теории, турецкая нация не была нацией, чей язык широко заимствовался из воспринимаемых «языков культуры» таких, как персидский и арабский, это была нация, чей язык превосходил

персидский и арабский языки. Европейские лингвисты практически единогласно не приняли Güneş Dil Teorisi. Однако в жизни турецкой нации теория солнечного языка а) укрепила независимость турецкой нации и чувство национальной идентичности ее представителей; б) доказала культурное превосходство турок над всеми народами, которым они ранее подчинялись, прежде всего, в лингвистическом плане.

Одновременно с языковыми теоретическими изысканиями в области описания родословной турецкого языка проводились археологические исследования древних анатолийских народов и цивилизаций, предоставившие республиканской элите исторический фон, способствующий укреплению турецкой национальной идентичности. Благодаря проведенным исследованиям, была установлена культурная связь между современными турками и древними анатолийцами, что обеспечило историческую легитимность территориальных притязаний турецкой республиканской элиты [2, с.77]. Богатая история анатолийских народов, прежде всего, хеттов и лидийцев, послужила основой современной турецкой цивилизации.

К началу 30-ых гг. XX века (к которым относятся турецкие языковые реформы, призванные «перекодировать» языковое сознание турков в европоцентрическом направлении) в европейском философском и историографическом дискурсе вполне складывается в своих парадигмальных характеристиках лингвистический поворот [3], Начало лингвистическому повороту в интеллектуальной жизни человечества XX столетия, поделив мир его жизни на означающие и означаемые, денотаты и сигнификаты, денотации и коннотации, положила философская лингвистика Фердинанда де Соссюра, или семиология. «Лингвистический вираж, – пишет Д.А. Силичев, – имел глубокий, парадигмальный характер, он означал переход от парадигмы мышления к парадигме языка, от философии сознания, мышления и субъекта к философии языка, смысла и значения. Лингвистический поворот затронул не всю философию, не был какой-либо школой или единым течением, был довольно разнородным» [3, с.86]. Ж. Оттуа, в свою очередь, определил два основных направления лингвистического поворота: «металингвистическое» и «адлингвистическое» [4, pp.21–22], связанных, соответственно, с внутренней организацией знания, логическим анализом языка, металингвистической философией, метаязыком (англо-американская философия) и феноменологией, герменевтикой, структурализмом, постструктурализмом, постмодернизмом, языком как методом и эпистемологической моделью, доступом к «вещам» и бытию, генезисом смысла (континентальная философия), Если первое направление отказывается от «работы» с онтологической проблематикой, то второе направление, не отказываясь от онтологической проблематики, осмысления бытия, видоизменяет классическую схему этого осмысления.

Лингвистический поворот, подготовив переход от этимологического анализа слова, декларирующего в качестве приоритетной морфологическую и деривационную историю слова в системе грамматических контекстов, к семантическому анализу лингвистической единицы, констатировал в качестве приоритета переход к определению значения лингвистической единицы, его происхождения, к исследованию соотношения бытия и мышления, участия социального субъекта и социума в выражении мыслей.

Семиотические установления лингвистического поворота вполне соответствовали задачам языкового менеджмента правительства Мустафы Кемаля Ататюрка: цель нового государства состояла в том, чтобы четко определить, что 'значит быть турком' через создание нового турецкого языка (the new Turkish language) – языка турков (the language of the Turks), формирующего новое турецкое коллективное сознание (a new Turkish collective consciousness). Синтагмами,

моделирующими Турецкую семиосферу, стали концептуальные синтагмы 'the language of the Turks', 'what it means to be a Turk', 'the Turkish nation', 'the nation-state of Turkey (independent place amongst the nations of the world)'.

Моделируемый турецкий язык должен быть стать сердцем нации [1]. Для того, чтобы турецкий язык смог выполнять, возложенную на него глобальную задачу, его необходимо было изменить и очистить от архаичных персидско-арабских черт и заменить языком, предназначенным для нового поколения. После Первой мировой войны, одним из геополитических итогов которой стал крах вненациональных династических империй османов и каджаров, начался турецкий реформационный процесс, ставший частью национального самоопределения турок. Территории Османской империи были населены турками, арабами, курдами, греками, армянами и множеством других народов, каждый из которых после войны начал настаивать на самоопределении [5]. Радикальным элементом реформ стал языковой менеджмент, в задачи которого входила работа по организации через лингвистические трансформации языкового сознания турок, формирование чувства «турецкости» (Turkishness) [6], базового для турецкого самоопределения. Существование «турецкой ветви» лингвистического поворота мы постарались представить в формате терминологического миникорпуса "Vatandaş, Türkçe Konuş! (Citizen, Speak Turkish!)", составленного на основе данных статьи Shayan Salehi. Building a Nation: The Significance of Turkish Language Reforms of Early Republican Turkey in the Creation of the Modern Turkish Nation-State [1].

В качестве элементов миникорпуса были отобраны следующие лингвистические единицы (в качестве лингвистических единиц принимаются слова, словосочетания, синтаксические блоки предложений) : Türk Dil Kurumu (Turkish Language Association, TDK) *Türk Dil Kurumu*, a Yeni Lisan (New Language), *öz Türkçe* (Pure Turkish), Ottoman Turkish (*османский турецкий*), 'Ottoman' language (Osmanlıca) "*османский язык (Османлыка)*, Turkish-speaking Ottoman lands, vernacular Turkish, the Osmanlıcadan Türkçeye Söz Karşılıkları Tarama Dergisi, an 'uncorrupted' Turkish language "*неповрежденный турецкий язык*, the new Turkish language, the Güneş Dil Teorisi (Sun-Language Theory) *теорией Гюнеш Дил (Теория солнечного языка, the CUP era эпоху Кубка, a Turkish national identity*"Vatandaş, Türkçe Konuş! (Citizen, Speak Turkish!)" "*Ватандаш, Тюркче Конуш! (Гражданин, говорите по-турецки!)*" the Turks. Anatolian homeland a common Turkic language since the arrival of Turkic nomads The Arabic script of Ottoman Turkish Republican Turkey a common Turkic language since the arrival of Turkic nomads new Turkish culture Turkish nationalism.

Терминологический корпус "Vatandaş, Türkçe Konuş! (Citizen, Speak Turkish!)" разбит на ряд блоков, которые можно рассматривать в качестве иллюстраций турецкого языкового менеджмента, направленного на построение концептуальной топологии турков.

Фирас Летаус и Роберт Каул [7] создают концептуальную топологию когнитивного фактора и мультипликативных отношений между узлами когнитивного субфактора. Особое внимание уделяется исполнительным функциям (EF), обозначающим мыслительные процессы, которые требуются при необходимости сосредоточиться на чем-либо или обратить внимание на что-либо. J.E.Lehto, P.Juujdrvi, L.Kooistra, L. Pulkkinen [8] выделяют три основных типа EF: сдерживающий контроль, рабочая память и когнитивная гибкость. В аспекте рассматриваемой проблематики большой интерес представляет когнитивная

гибкость – способность смотреть на вещи или мнения с разных точек зрения, что технологически требует подавления предыдущей точки зрения и загрузки другой точки зрения в рабочую память, что делает сдерживающий контроль и рабочую память основой когнитивной гибкости.

Рассматриваемый в фокусе концептуальной топологии механизм турецкого языкового менеджмента 30-ых гг. XX в. ориентирован, прежде всего, когнитивной гибкостью. Когнитивная гибкость турецкой языковой личности, гражданина, говорящего по-турецки, формируется через прохождение нескольких когнитивных уровней: 1) когнитивно-целевого уровня; 2) уровня деинтеграции семантических множеств, или уровня расподобления коннективностей; 3) уровня когнитивного моделирования понятия «турецкий язык», или «язык для Турецкой Республики»; 4) уровня определения коннективностей, дифференцирующих границы области фронтальной семантики; 5) уровня интеграции коннективностей.

На первом этапе, уровне когнитивно-целевом, дифференцируются структурные элементы языкового менеджмента Türk Dil Kurumu (Turkish Language Association, TDK) (Турецкое лингвистического общество) и а Yeni Lisan (New Language). С позиций драматической пентады Кеннота Берка и его теории драматизма [9], первый элемент представляет 'КТО', второй – 'ЧТО' . Вводится уточнение параметров создаваемой модели öz Türkçe (Pure Turkish), или моделируемого топологического объекта (см. рис. 1).

Рис. 1. Основы формирования турецкости Турецкой Республики

Главной целью является формирование дискурса идентичности «турка», умеющего с помощью нового языка формировать не только систему индивидуальных коннективностей, но и накапливать интеллектуальный капитал, становящийся частью символического республиканского капитала. Позиция «внутри» драматической пентады позволяет приобретать навыки а) 'быть частью пентады' и б) собственно 'быть пентадой', когерентностью, интегрирующей пять риторических элементов: действие, сцена, агент, агентство и цель.

Преобразование семиотического континуума в среду взаимодействия, арабо-персидского семантического континуума в турецкую средовую семантику начинается в исходной точке топологического пространства (тождественного пространству преобразований Turkish-speaking Ottoman lands (тюркоязычные

османские земли) и характеризует второй уровень деинтеграции семантических множеств, или уровень расподобления коннективностей (см. рис. 2).

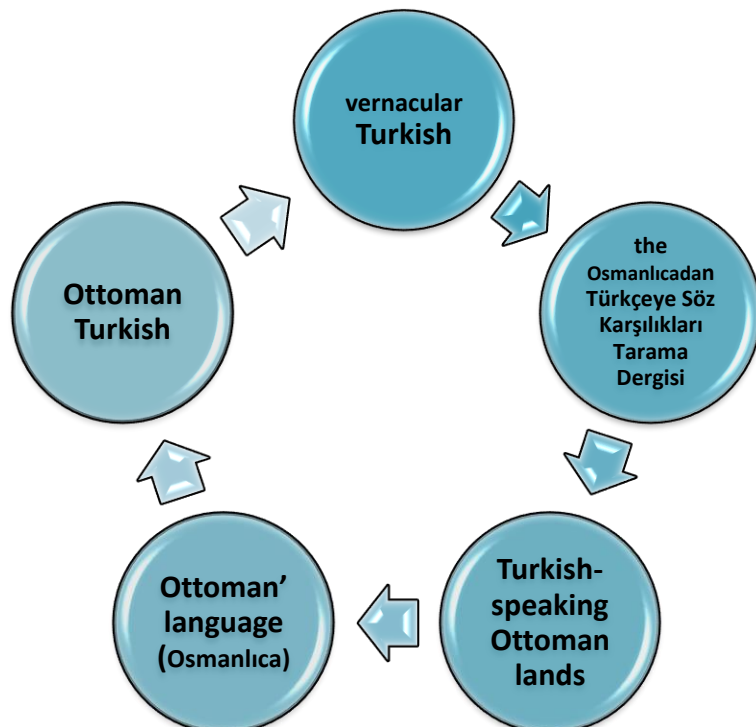

Рис.2 Выделение лингвистической составляющей как базовой тюркоязычных земель (исчисление топологической концептуальной окрестности)

Преобразование топологически неопределенного пространства 'Turkish-speaking Ottoman lands' в 'vernacular Turkish' ('народный турецкий язык') - это процесс преобразования в топологическую единицу карты мировых языковых, имеющую четкую территориальную прикрепленность. Переход из состояния неопределенности в состояние определенности 'the Osmanlıcadan Türkçeye Söz Karşılıkları Tarama Dergisi' достигается через процедуру расподобления-опрощения семантических множеств 'Ottoman' language ('Osmanlıca') 'османский язык' ('Османлыка') - 'Ottoman Turkish' (османский турецкий) - 'vernacular Turkish' ('народный турецкий язык'). Vernacular Turkish - топологическая и семиологическая структура, призванная дифференцировано выполнить функции гармонизации знаньевого потенциала общества Турецкой Республики в зависимости от степени владения языком письменности.

Третий уровень - уровень когнитивного моделирования понятия «турецкий язык», или «язык для Турецкой Республики» (см. рис. 3). В качестве основной топологической зоны определяется зона 'the Early Republican Era', бытие и бытийственность которой детерминируются тремя понятиями-идеями: 'the new Turkish language' ('новый турецкий язык'), 'the Güneş Dil Teorisi' ('теория солнечного языка'), 'an 'uncorrupted' Turkish language' ('очищенный турецкий язык').

Рис.3. Теоретико-концептуальная модель Турецкого мира в раннюю республиканскую эпоху турецких реформ

Семиотическая концепция Ф. де Соссюра, ориентированная оппозициями 'язык - речь', 'синхрония - диахрония', переносила внимание исследователя с изучения взаимосвязей между языками и существования общего деривационного ресурса, движущего прогресс человечества, а, следовательно, и его конструктивную мысль-результат, на изучение порождения смыслов (процедуры означивания и установления связи между означаемым и означающим), которое происходит в синхронной коммуникации, на изучение мысли-процесса. В ходе «турецкого лингвистического поворота» позиция синхронии, т.е. праксеогенеза, стала первичной: новое бытие этноса должно поддерживаться новым языком, деривационно обуславливающим деятельность языкового сознания турка. Практикогенез, как отмечает Г. Гийом, формально идентичен самому себе в любой рассматриваемый исторический момент времени; онтогенез развивается в историческом времени [10].

Праксеогенез турецких реформ соотносит два осознания природы языка в республиканскую эпоху: *the new Turkish language* и *an 'uncorrupted' Turkish language*. Эти два осознания в совокупности представляют собой вопросно-ответный бином: «Каким должен быть новый турецкий язык? - Очищенным». Однако особенностью праксеогенеза, на что обращает внимание Г. Гийом, является то, что праксеогенез для своего совершения располагает большей или меньшей протяженностью онтогенеза. Следовательно, и в праксеогенезе должен учитываться, «звучать» мотив онтогенеза: в праксеологической концепции турецкого языка появляется теория *the Güneş Dil Teorisi*, теория солнечного языка, объясняющая языковую родословную турецкого языка и онтологическую зависимость языков мира от природы турецкого языка. Теория солнечного языка не была принята европейской научной общественностью, в силу чего утратила значимость в концептуальном

моделировании языкового сознания турков и турецкой национальной идентичности.

Как отмечает большинство исследователей, формирование турецкой национальной идентичности, или «турецкости», являлось основной задачей 30-ых гг. XX в. для Турецкой Республики. Турецкая национальная идентичность структурировалась несколькими блоками, в семантическом плане объединяемых компонентом, или семьей, 'общность' (см. рис. 4).

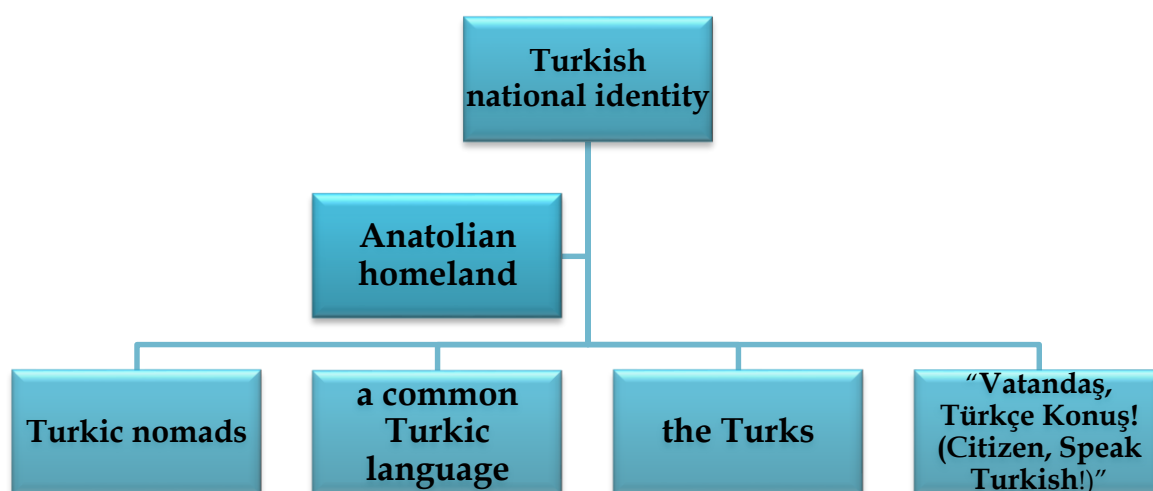

Рис. 4. Структурные компоненты нарративной субстанции 'Турецкая национальная идентичность'

Общность территории определена семантикой 'Anatolian homeland', общность в ощущении и понимании пространства и перемещения в нем/по нему - 'Turkic nomads', когнитивная общность - 'a common Turkic language', общность по принадлежности к интегрированной группе людей в многоязычном культурном пространстве (Османской империи) - 'the Turks', лингвистическая общность (для идентификации этнической общности в любом многоязычном культурном пространстве) - "Vatandaş, Türkçe Konuş! (Citizen, Speak Turkish!)" "Ватандаш, Тюркче Конуш! (Гражданин, говорите по-турецки)". 'Anatolian homeland', 'Turkic nomads', 'a common Turkic language', 'the Turks', 'Citizen, Speak Turkish' представляют собой концептуальные признаки, или высказывания, которые входят в нарративную субстанцию 'Turkish national identity'. Ф. Анкерсмит рассматривает нарративные субстанции в качестве собрания высказываний, содержащих познавательное сообщение нарратива [11].

Последовательность и связь нарративных субстанций в когнитивной концепции нарратива «определяется автором в зависимости от целей, стоящих перед ним» [12, с. 97]. Основная цель турецких реформаторов 30-х гг. XX века - формирование языкового сознания нового турка, «настоящего турка», объяснение того, «что значит быть турком». Языковое сознание турка - многослойно, «полифронтирно» (см. рис. 5).

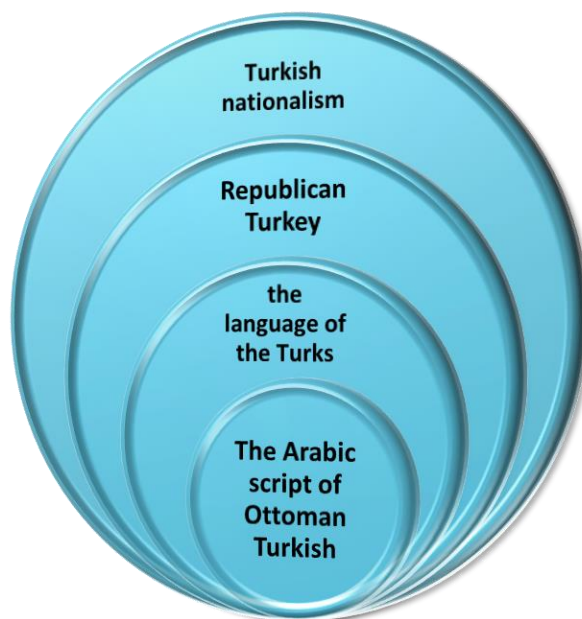

Рис. 5. Модель языкового сознания «что значит быть турком»

Модель языкового сознания «что значит быть турком» представляет собой комплексную семиосферу, включающую аксиомы (семиосферы) 'The Arabic script of Ottoman Turkish', 'the language of the Turks', 'Republican Turkey', 'Turkish nationalism'. Эта модель предполагает наличие наблюдателя, способного дифференцировать различие этих семиосфер, которое может функционировать в качестве индикации – как отправной пункт коммуникации. Дж. Спенсер-Браун определяет подобную способность наблюдателя в качестве повторного вхождения формы в форму, т.е. вхождения различия в то, что благодаря этому различию было отлечено [13]. «Форма словно «замораживается», теряя свою функцию – ускользящего от наблюдения – раскола мира на внутренние и внешние стороны, на объекты и то, от чего они отличены. Различия конвертируются в наблюдаемые, словно объективируемые знаки, и сами помещаются на внутренней стороне формы. Теперь о них можно говорить, но они уже не функционируют как различия» [14, с. 99]. Функция модели языкового сознания «что значит быть турком» – замыкание системы коммуникаций или переживаний с помощью смысла, под которым понимаются механизмы интеграции коммуникаций в систему, подсоединение коммуникаций друг к другу. В этом случае образование системы, Турецкой Республики, можно рассматривать как редукцию сложности возможных коммуникаций, отождествимых, сопоставимых возможным тематизациям внешнего мира. Подсоединение коммуникаций, согласно коннективистской позиции А.Ю. Антоновского [14], развивающего идеи Дж. Спенсера-Брауна [13], на регулярной основе может осуществляться при условии утверждения специфического механизма селекции. Подобный механизм помогает отбирать коммуникации, релевантные для данной системы, и отклонять коммуникации, не отвечающие определенному критерию или обобщенному символическому, т.е. смысловому, коду коммуникаций.

Основным результатом преобразований турецкой языковой культуры следует признать создание модели турецкого языкового сознания, главным свойством которой является свойство рациональной селективности: «отклонять коммуникации, не соответствующие смысловому коду, определяющему механизм интеграций коммуникаций. В ходе «турецкого лингвистического поворота» турецкое языковое сознание обрело свою лингво-коммуникационную форму 'быть турком'. Являться формой, согласно коннективистской концепции, – «значит быть границей двух сторон, внутренней и внешней, где внутренняя сторона обладает большим значением» [14, с.131].

Осуществленные трансформации турецкого языкового сознания следует дифференцировать, по их характеру, как трансформации топологические, реорганизующие: 1) этнический семантический континуум; 2) структуру этнического лексикона и прагматикона; 3) систему связей между семантическим континуумом и формами его лингвистической презентации; 4) когнитивные навыки и правила управления знанием капиталом; 5) архитектуру символического этнического капитала.

Обоснование топологического характера преобразований требует обращения к описанию топологий, топологических пространств с позиций дискретной математики и функционального анализа [15]. Классическое определение топологического пространства имеет следующую форму:

«Пусть X – произвольное множество. Система τ его подмножеств называется топологией, если выполнены следующие условия:

- 1. Пустое множество и множество X принадлежат топологии*
- 2. Объединение произвольного числа множеств, которые принадлежат топологии, принадлежит топологии.*
- 3. Пересечение конечного числа множеств, принадлежащих топологии, принадлежит топологии» [15]*

Если мы попытаемся использовать классическое определение топологического пространства в качестве основания интерпретации семантики турецких языковых реформ, то получим следующий набор аксиом:

1. Пустые множества семиотических систем арабского и персидского языков и семантическое множество (семантический континуум) 'Ottoman Turkish language' принадлежат топологии 1 ('öz Türkçe' ('чистый турецкий')).

2. Объединение произвольного числа множеств - означаемых анатолийских языков -, которые принадлежат топологии 2 ('анатолийская культура'), принадлежит топологии 1.

3. Пересечение конечного числа множеств (семантических континуумов), принадлежащих топологии 2, принадлежит топологии 1.

Производное множество в определении топологии означает, что можно брать объединение счётного или несчётного числа множеств, что имеет смысл в случае бесконечных множеств. Для формализованных систем, где X может рассматриваться как конечное множество, определение топологии имеет следующий вид:

«Пусть X – произвольное множество конечной мощности. Система τ его подмножеств называется конечной топологией, если выполнены следующие условия:

1. Пустое множество и множество X принадлежат топологии
2. Если два множества принадлежат топологии, то их объединение принадлежит топологии
3. Если два множества принадлежат топологии, то их пересечение принадлежит топологии» [15].

Топологическая интерпретация турецкого языка, в этом случае, приобретает такую форму:

Пусть X ('Turkish language - Güneş Dil Teorisi') - произвольное множество конечной мощности. Система τ ('öz Türkçe') подмножеств называется конечной топологией, если выполнены следующие условия:

1. Пустое множество (множество арабско-персидских означаемых) и множество X (множество означающих 'Güneş Dil Teorisi') принадлежат топологии ('öz Türkçe').

2. Если два множества ('Fasih Türkçe' ('красноречивый турецкий'), 'Каба Тюркче' ('грубый турецкий') и 'Güneş Dil Teorisi') принадлежат топологии, то их объединение ('öz Türkçe') принадлежит топологии ('Türkçe Konuş' ('говорите по-турецки')).

3. Если два множества ("Orta Türkçe" (среднетурецкий): язык высших сословий и ремесел; "Каба Тюркче" (грубый турецкий): язык низших классов) принадлежат топологии, то их пересечение ('Osmanlıcadan Türkçeye Söz Karşılıkları Tarama Dergisi' ('чистый турецкий лексикон) принадлежит топологии. ('Güneş Dil Teorisi').

Для топологической интерпретации значимыми понятиями будут понятие 'окрестности', 'точки прикосновения' и 'предельной точки'.

«Окрестностью точки x называется любое открытое множество, содержащее x . Окрестностью множества M называется любое открытое множество G , содержащее M . Окрестностей как у точки, так и у множества может быть несколько» [15].

В топологическом пространстве отсутствуют такие разновидности мерности, как расстояние, метрика или норма, окрестность представляет собой базовый фундамент для построения геометрии таких пространств.

«Точка x из множества X называется точкой прикосновения множества M , лежащего в X , если каждая окрестность точки x содержит хотя бы одну точку из M . Точка x из множества X называется предельной точкой множества M , лежащего в X , если каждая окрестность точки x содержит хотя бы одну точку из M , отличную от x » [15].

Конечные топологические пространства обладают счётной базой, а также одно топологическое пространство может непрерывно отражаться в другом топологическом пространстве, что, возможно, и составляет основной механизм функционирования семиотической системы 'Turkish language'. Семиотическая система 'öz Türkçe' сопоставима логической топологии - расположению сетевых устройств и узлов для формирования логической или физической структуры. Логическая топология имеет дело с сетевыми протоколами, которые используются для управления потоком данных по сети. Логическая топология а) помогает определить надлежащий канал для передачи данных и поддержать сеть, б) используется, чтобы создать путь для передачи сигнала по сети.

Билл Бартон, Фрэнк Лихтенберг, Иван Рейлли проводят топологическое исследование турецкого языка, рассматривая данные турецких топологов и турецкую топологическую терминологию [16]. Топологический дискурс интересует исследователей в плане его особенностей и возможного влияния на концепции, разработанные посредством исследуемого языка. Формулируется предположение о том, что особенности языка влияют на развитие математических концепций. Подобный взгляд на структурно-семантические особенности турецкого языка, на

наш взгляд, подтверждает валидность позиции, предлагаемой к рассмотрению в данной статье.

Основанием для топологической дискуссии, касающейся турецкого языка, явилось создание специализированного топологического словаря в Хаджеттепе (Hacettepe). Этому событию предшествовали сбор материала и публикация словаря математических слов на турецком языке с английскими, немецкими и русскими эквивалентами [17]. Этот фокус в одном месте привел к появлению некоторой терминологии, характерной для этого университета. Например, слово "набор" - Куэме (означает "куча, насыпь, куча, холм") в Хаджеттепе, но куЭмле (означает "предложение или предложение", а также 'целое, совокупность, ансамбль, группа') в Университете Анкары (в 10 километрах). («For example, the word for 'set' is kuĖme (meaning 'heap, mound, pile, hill') at Hacettepe, but is cuĖmle (meaning 'sentence or clause', but also 'a whole, total, ensemble, group') in Ankara University (10 kilometres away)») [17].

Развитие топологической лексики отразило развитие турецкого языка в целом, а также продемонстрировало его «топологическое» отличие от других языков, в частности, от английского языка.

Описание медиакооперации тюркоговорящих государств, представленном в статье Арестакеса Симоваряна (Arestakes Simavoryan "Media Cooperation of Turkic Speaking States") [18] представляет собой топологическую интерпретацию взаимодействия в медийном пространстве тюркоговорящих государств. Для топологической интерпретации значимыми понятиями будут понятие окрестности, точки прикосновения и предельной точки.

Построение геометрии медийного пространства взаимодействий тюркоговорящих государств начинается с точки 'Turkic' ('Turkic' ∈ 'Turkic-speaking states' - точки прикосновения, точки, симметричной точке начала процессов турецкого языкового менеджмента 30-х гг. XX в. - 'Turkish' ('Turkish' ∈ 'Turkish-speaking Ottoman lands') (тюркоязычные османские земли) (см. рис.2) множества The International Organization of Turkic Culture", предельной точкой которого является "Turkish Council" (Турецкий совет).

Окрестности точек 'Turkic' и 'Turkish' возможно построить через привлечение интернет данных, электронных ресурсов, определяющих и сопоставляющих семантический объем каждой единицы [19, 20]. Ресурс WikiDiff, помогающий ответить на вопрос "В чем разница между...?", создает наглядное представление не только о семантическом объеме лексической единицы, но и о грамматической дистрибуции и наличии внешних ссылок (см. Таблица № 1). Turkish - официальный язык Турции и Турецкой Республики Северного Кипра. Ближайшая окрестность: Turk- 'тюрк, человек, живущий в Турции', Turkic - 'языковая семья, которая включает турецкий, татарский, башкирский, казахский, узбекский, азербайджанский, киргизский, уйгурский, алтайский, каракаопакинский, казахский, тувинский, шорский, чувашский язык и любой из других десятков языков, на которых говорят тюркские народы. Это может быть подсемья алтайской языковой семьи' [19].

Turkic = an adjective that describes the group of ethnically related people from north east Asia eg Kazakhstan through to modern day Turkey.

Источник: What is the difference between Turk, Turkish and Turkic?

Социальный сервис обмена знаниями, веб-сайт вопросов и ответов его пользователей из разных стран Quora, основанный в июне 2009 года Адамом д'Анджело и Чарли Чивером, представляет несколько вариантов ответа на этот вопрос, в ряду которых возможно выделить два: лаконичный (топологический) и развернутый (нарративный).

Топологическое описание (см. Таблица № 2) довольно компактно и наглядно, частично включающее математическую символику, представляет информационный контент, означаемый языковыми и коммуникативными знаками 'Turkish and Turkic' [What is the difference between [20].

К биному 'Turkish and Turkic' добавляется еще одна топологическая единица *Turk*, имеющая три измерения: конфессиональное (*Turk* определенное время именовались все мусульмане), этнодифференциальное (термином *Turk* маркировалась принадлежность к тюркским народам), корреляционное (*Turk* соотносится с понятием 'турецкий'). *Turkish* относится к этническому *анатолийскому турку, турку-осману или гражданину Турции*. Это очень конкретный термин. *Turkic* именуют широкий спектр людей панэтнической группы, аналогично тому, как именуя поляки, русские, сербы, словенцы и т.д. Тюркский народ включает турков, узбеков, татар, казахов, уйгуров и т.п.

- «**Turkish** refers to essentially an ethnic *Anatolian Turk, Ottoman Turk, or a citizen of Turkey*. This is a very specific term. It cannot be used on any other group inoffensively.
 - Grammatically, it is a nominalised adjective as we commonly use with ethnic groups. I.e. English, French, Spanish
- **Turkic** refers to a broad spectrum of people as a pan-ethnic group, akin to how Poles, Russians, Serbians, Slovenians etc are all Slavs, another pan-ethnic group. There are various ethnic groups who speak Turkic languages, these ALL fall under this umbrella. When referencing pan-turkism, it means all *turkic* peoples, *not* all *turkish* people. Turkic peoples include the Turkish, Uzbeks, Tatars, Kazakhs, Uyghur, etc.
 - Grammatically it is a nominalised adjective. It's functional parts are the same as Turkish, but it's meaning is different.
- **Turk** in English has three senses, and so is usually not used in favour of more clear terms, as well, we've generally moved away from strict nouns to nominalised adjectives for ethnic groups in general, note we consider terms such as Englishman or Frenchman archaic and words such as Chinaman offensive:
 - a. Historically in English it was notably long used to mean muslims in general. Various non-Turkic peoples called themselves as Turks for a long stretch of time.
 - b. Turk may refer to all Turkic peoples. There is usually substantial context in this use.
 - c. Turk may refer to the Turkish specifically, this is the usual interpretation in English without context.
 - d. Grammatically it is a noun. Turkic and Turkish both derive from this word, one to describe Turkey and the other to describe the pan-turkic world. It originates from the Gokuturks» [20].

Геометрия медийного пространства, или медийная кооперация тюркоговорящих государств, построена на основе преобразования модели языкового сознания турка в модель языкового сознания «турка», или «тюркоговорящего социального субъекта», независимо от территории его проживания. Особенностью этого преобразование является трансформация «физической» топологии - территориальной прикрепленности тюркоговорящего социального субъекта - в логическую топологию сетевого взаимодействия в медиасреде, основывающегося на бинарной логике. Основное различие между физической топологией и топологией логической (см. Таблица № 2) [21] заключается в том, что физическая топология характеризуется физическими связями в сети, а логическая - трафиком перемещения данных в сети. Физическая топология, таким образом, изображает физическое расположение сети, в отличие от логической, изображающей логистику сети, касающуюся передачи данных. Если в физической топологии расположение узлов может быть изменено на основе потребностей, то логическая топология подобной возможности не предоставляет. Для физической топологии важен маршрут, касающийся передачи информации, для логической топологии - качественная организации потока данных. Таким образом, логическая топология отражает расположение устройств и их коммуникации (передача данных по физической топологии), гарантируя оптимальное управление потоками, которое может быть отрегулировано в сети.

Таблица № 3

Difference between Physical and Logical Topology	
Physical Topology	Logical Topology
Depicts physical layout of network.	Depicts logistics of network concerned with transmission of data.
The layout can be modified based on needs.	There is no interference and manipulation involved here.
It can be arranged in star, ring, mesh and bus topologies.	It exists in bus and ring topologies.
This has major impact on cost, scalability and bandwidth capacity of network based on selection and availability of devices.	This has major impact on speed and delivery of data packets. It also handles flow control and ordered delivery of data packets.
It is actual route concerned with transmission.	It is a high level representation of data flow.
Physical connection of the network.	Data path followed of the network.

Как отмечает в своей статье А.Симоварян [18], после распада Советского союза турецкая политическая стратегия кардинальным образом изменилась и в качестве приоритетной стратегии избирается установление отношений между тюркоговорящими государствами (Turkic-speaking states). В 1993 году создается «Международная Организация Тюркской культуры» (“The International Organization of Turkic Culture”) с целью вовлечения стран в тюркскую культурную сферу (Turkic cultural realm). Проектируемый новый медийный артефакт (возможно, «новый

Turk», возможно, «тюркское языковое сознание») располагается на пересечении медийных контентов *Turkic-speaking states*, *The International Organization of Turkic Culture*, *Turkish Council*, *Turkic cultural realm* (см. рис. 6).

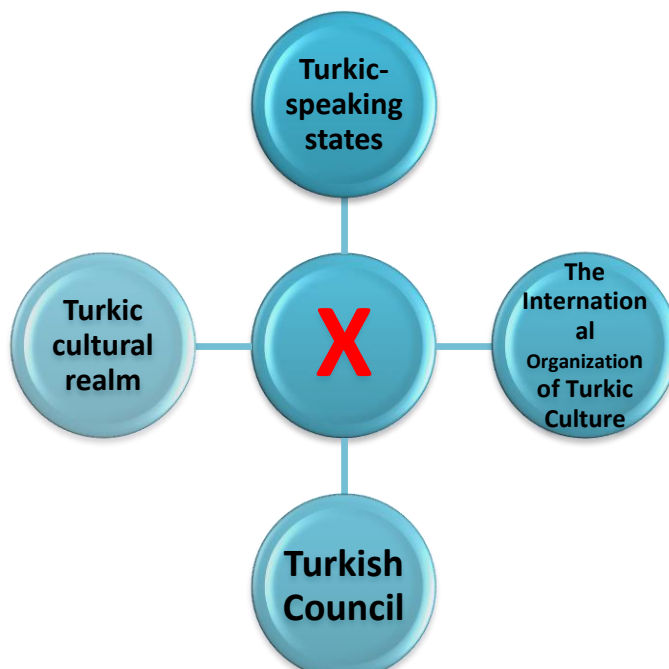

Рис. 6. Окрестности нового медийного артефакта X («новый Turk»?)

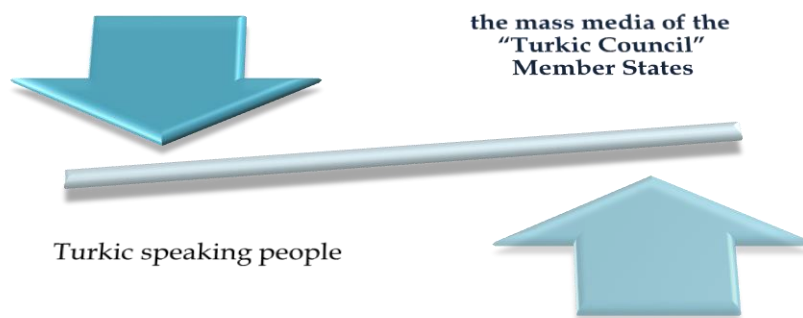

Рис. 7. Соотношение тюркоговорящих людей и массмедиа государств членов Тюркского совета

Процедура построения нового концептуального пространства в медиасреде (при посредстве новых медиа) в окрестностях точки *Turkish* и преобразование ее в потоковую модель *Turkic* включает несколько этапов: 1) соположение тюркоговорящих людей и массмедиа государств членов Тюркского совета в едином пространстве коммуникаций (рис.7) ; 2) согласование потоков медийной презентации государств Тюркского совета и Международного турецкого новостного канала (рис. 8); 3) построение частной топологии новой тюркской культурной среды (отличной

от тюркской среды в ее организационном формате на момент завершения XX века) (рис. 9); 4) определение контента/внутренней формы **Turkic World** и способов его дистрибуции - **Turkish World** (рис.10); 5) определние формы позиционирования обновленного союза тюркоговорящих народов - «**Media Platform of Turkic-speaking Communities**» (**TÜRKMEP**) (рис.11); 6) визуальное представление медиакооперации Тюркского мира (рис.12); 7) определение окрестностей - медиарежима - Тюркского мира (в интерпретации турецкого писателя Юсуфа Каплана) (рис.13); 8) семантизация медийных потоков тюркоговорящих стран (рис. 14).

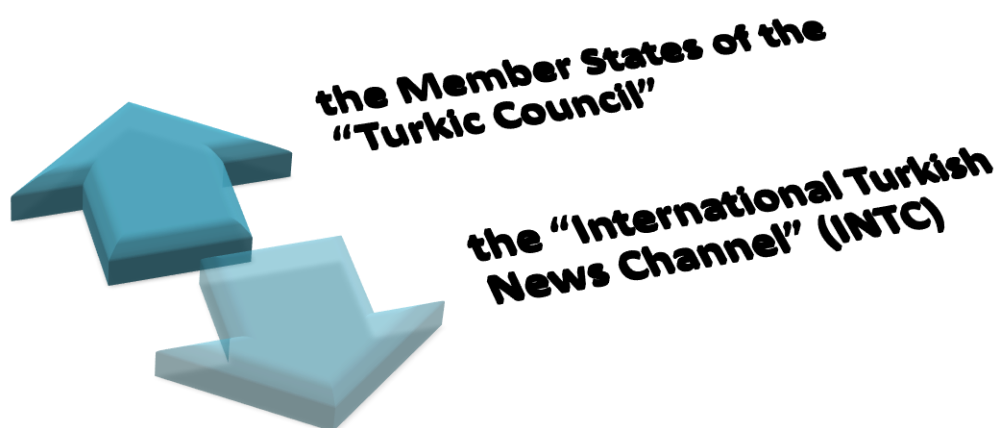

Рис. 8. Медийной соположение членов государств Тюркского совета и Международного турецкого новостного канала

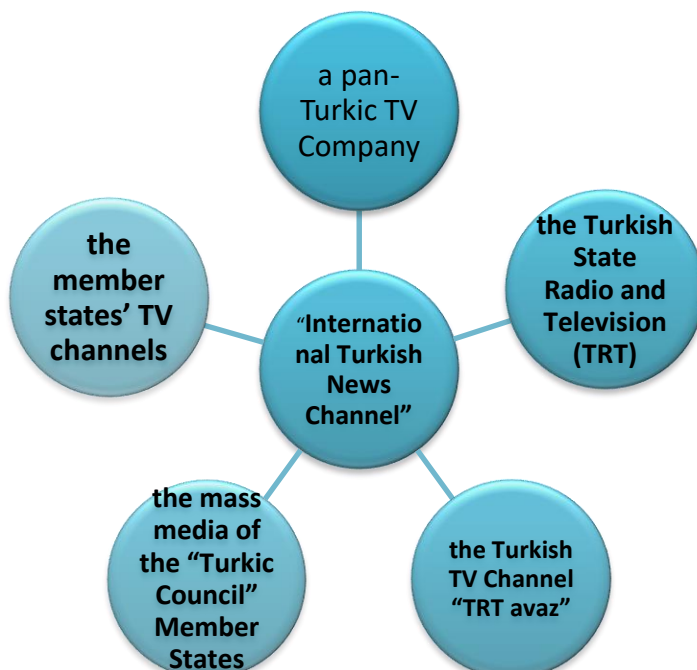

Рис.9. Частная топология новой тюркской культурной среды

Рис. 10. Взаимоположение в медийных потоках содержания тюркского контента – Турецкий мир – и способов его дистрибуции

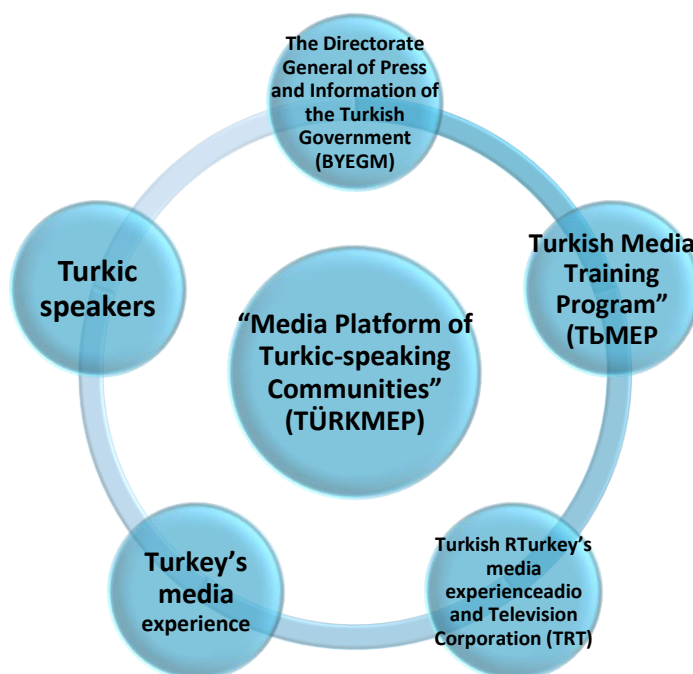

Рис. 11. Контент «Media Platform of Turkic-speaking Communities» (TÜRKMEP)

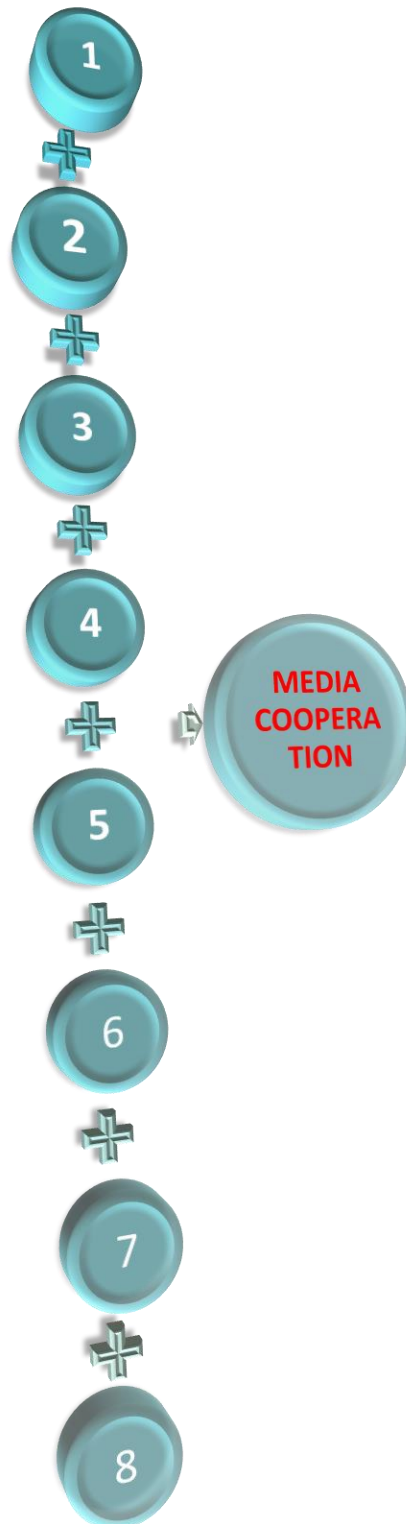

Рис. 12. Визуальное представление медиакооперации Тюркского мира

Медиакооперация Тюрского мира, являющаяся основой этого организационного образования, включает в себя несколько структурных узлов: 1) тюркоговорящие люди - массмедиа государств Turkic-speaking - ТС; 2) расположение в медиапространства ГТС и Турецкого новостного канала ТС - (Turkic-Turkish); 3) Turkish World - content issues; 4) Media Platform of Turkic-speaking Communities; 5) медиакооперации Turkic World; 6) медиарежим Turkic World; 7) скорость транспортировки данных - Turkish World; 8) оптимальное управление потоками - Turkic World. В качестве стейкхолдеров этого медиаорганизационного процесса выступают: the Office for Turks Abroad and Related Communities; Anadolu News Agency; Turkish Agency for Cooperation and Coordination (TİKA); diplomatic journalism courses; Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Mongolia, Georgia, Ukraine and other countries; the "Program for Cooperation with the Diaspora" ; the Federation of Journalists of Turkey"; the state institutions of Turkey organized "Turkic World's Journalists".

Медиакооперация как новая форма организационных отношений предполагает использование как нового, так и накопленного опыта коммуникаций, в том числе, символического капитала коммуникационного типа. В случае современного тюркоговорящего Мира символический коммуникационный капитал имеет турецкую «индексацию», поскольку благодаря турецкому языковому менеджменту были созданы модели адаптации языкового сознания носителя языка к изменяющимся обстоятельствам мира и различным коммуникативным средам. Коммуникативная таргетированность «очищенного турецкого языка» связывалась с полирегистровостью, пластичностью языка, расширяющегося в своей функциональности до «дома Бытия» турецкого сознания – Турецкого мира, режим функционирования которого поддерживается медиарежимом.

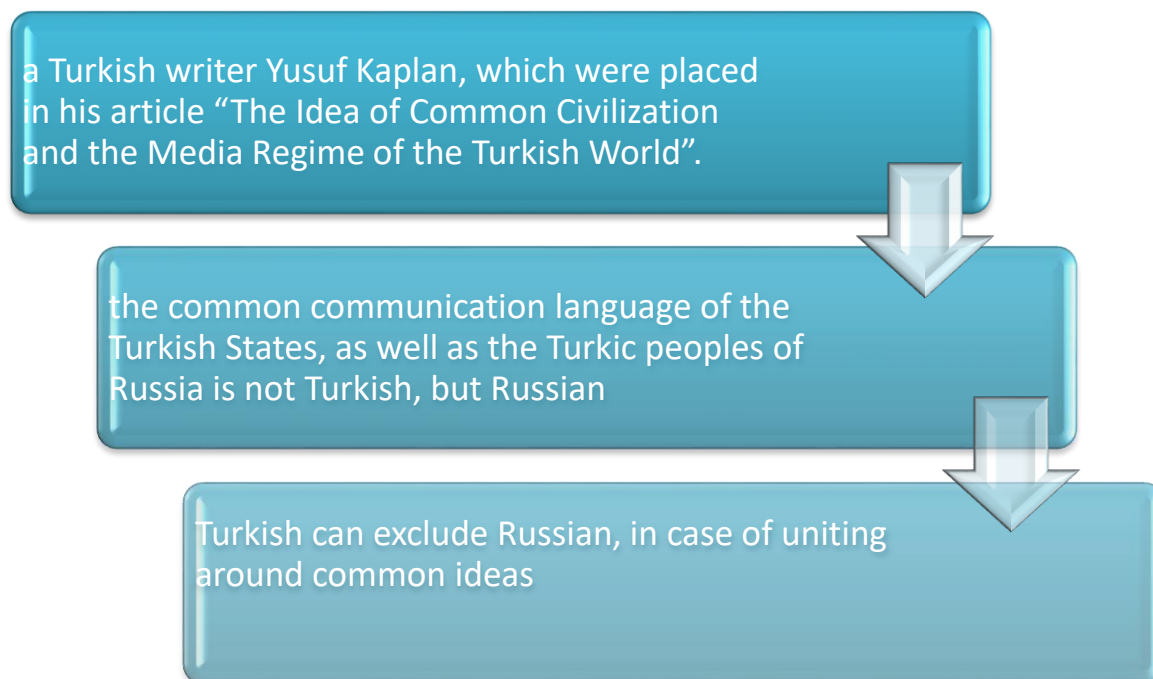

Рис. 13. Окрестности медиарежима Турецкого мира (в интерпретации турецкого писателя Юсуфа Каплана)

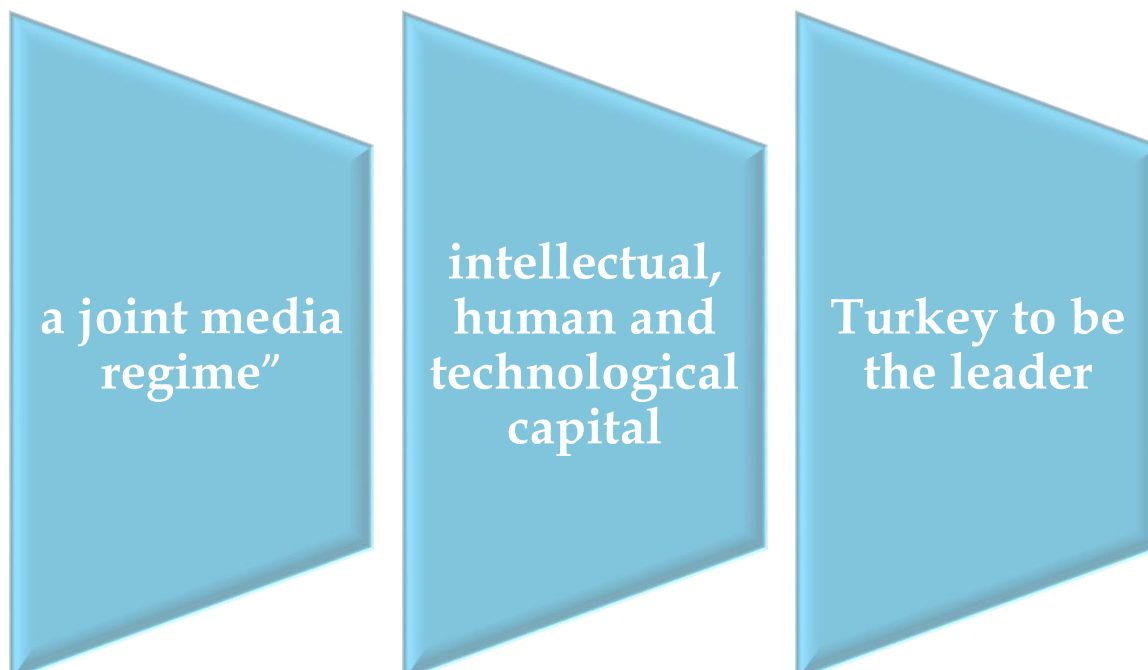

Рис. 14. Семантические плоскости, разрезающие и организующие медийные потоки тюркоговорящих стран

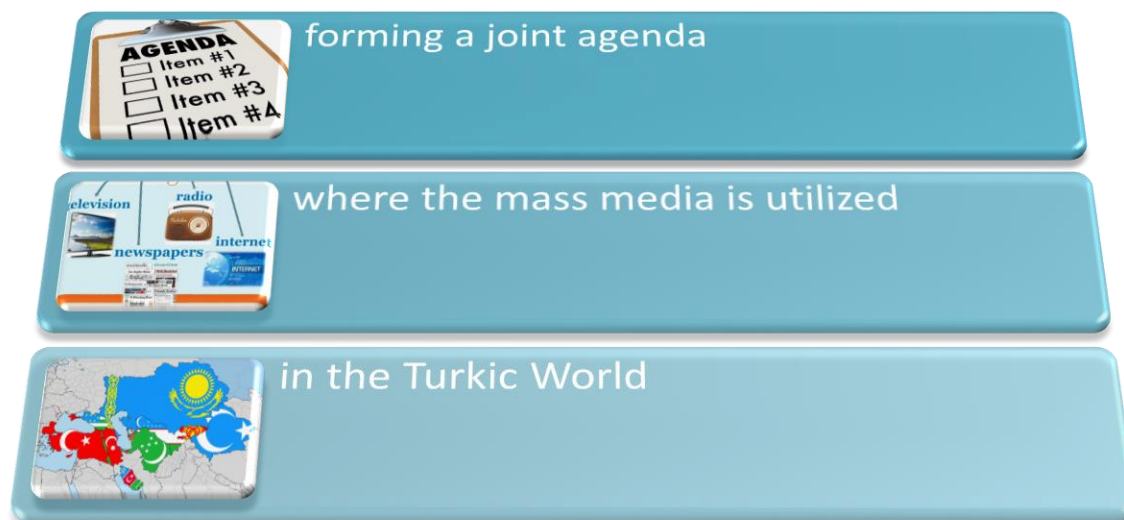

Рис. 15. Общая повестка, потребление, локация (что?, где?, в чем?)

Анализ турецкого языкового менеджмента и присутствия тюркоговорящих государств в медийном пространстве позволяет сделать вывод о подготовленности тюркоговорящих государств к коммуникации в условиях медийных трансформаций современного мира, благодаря накопленному турецкому опыту символического (на уровне лингвистического знака) взаимодействия с изменяющейся культурной средой. Медийная среда обусловила формирование виртуального дискурса как самостоятельной коммуникативной платформы,

интенсифицирующей диалоговые коммуникации [22], перерастающие в полилоговые, примером чего являются Организация тюркоговорящих стран. «Обязательным элементом диалоговой коммуникации является декодирование имплицитной формы сообщения, осуществляемое на основе индивидуальных семантических паттернов, входящих в семантику понимания» [22, с. 543]. Основу понимания составляют интуитивные обоснования, в теории П-семантики актуальные для описания корреляций между лингвистикой текстов, контекстами их функционирования и процессами интерпретации. Разграничивается два типа семантики: семантика понимания (U-semantics) и семантика истины (T-semantics). «В П-семантике, придающей решающее значение использованию фреймов интерпретации, считается, что кодируемые в языке категории (не только слова и устойчивые выражения, но и различные виды грамматических признаков и синтаксических моделей) представляют собой особую структуру понимания культурных установлений, представлений о мире, общего опыта, нормальных и привычных способов поведения в мире и его видения» [23, с. 64].

Турецкий лингвистический поворот осуществлял продвижение Turk языкового сознания в пространстве корреляций «лингвистический знак-текст-контекст-событийная среда» от U-semantics к T-semantics. Основой интуитивного обоснования стала когнитивная метафора «Turkic World». Использование этой единицы было выдержано в логике выстраиваемых параллельно с советской/российской СМД-методологией социально-культурных процессов. Первая «параллель» стала очевидна, когда в 30-ые гг. XX в. одной из мотиваций к трансформации турецкого алфавита послужит переход тюркоговорящих народов СССР на латинскую графику. Вторая «параллель» - начало второго тысячелетия, работа с концептом «мир» и создание медийного феномена «Тюркский мир».

Основной признак Мира, как считает Р.М. Ямилов, – способность самовосстановления через цикл «созидание – разрушение», в результате чего аннулируются накопившиеся в процессе развития ошибки [24]. Цивилизации, не имеющие такого механизма, вынуждены приспособливаться к Мирам [24]. Р.М. Ямилов выделяет в современном цивилизационном процессе четыре центра притяжения: Русский Мир, Германский Мир, Англосаксонский Мир, Китайский Мир.

П.Г. Щедровицкий пишет по поводу Русского мира следующее: «Чем большее число мировых проблем получит свое выражение, а возможно и решение в рамках русского языка, тем более востребованными будут культурные и человеческие ресурсы Русского Мира. Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус *державы Мира* – или мировой державы – стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах граждан иных государств и стран. Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы своей устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского Мира, в политике конструктивного развития его *мировых сетей*» [25].

Первое упоминание «русского мира» относят ко второй половине XI века («Слово на обновление Десятинной церкви») [26]. Н.А. Яркова отмечает, что понятие русского мира соотносится с понятием человеческого мира, которое изучалось с древнейших времен в трудах античного географа, философа Гекатея Милетского,

философов Г.-Г. Гадамера, Э. Кассирера, а также И.А. Ефремова, С.Л. Рубинштейна, В.А. Конева, М.С. Кагана, В.М. Хвостова, С.С. Аверинцева, Ю.Ш. Биглова, в работах И.А. Ильина, Н.А. Умова, Н.А. Бердяева, В.С. Барулина и других исследователей. Петр Щедровицкий определял «русский мир» как «сетевую структуру больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» [25].

В качестве строевой единицы русского мира, семантика которого воспроизводится в современном русском романе, Н.В. Халина, Д.В. Аникин, М.В. Савина, А.В. Маринчева, Н.Н.Пивкина выделяют смысловое гнездо, формирующееся вокруг ценностей [27]. В русском романе оформляется особая традиция самоописания, отражающая ценностные приоритеты русской культуры и закрепляющая отношение российской языковой общности к окружающему миру через семантику языковых единиц. Подобную функцию, функцию среды, формирующей систему самоописания жизнедеятельности тюркоговорящих стран, взял на себя медиафеномен «Тюркский мир».

Библиографический список

1. Salehi Sh. The Significance of Turkish Language Reforms of Early Republican Turkey in the Creation of the Modern Turkish Nation-State// Vol. 12 (2020): Journal of Near and Middle Eastern Civilizations [Электронный ресурс] – URL <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/nmcjournal/article/view/33602/26522> (Дата обращения: 27.02.2022).
2. Çolak Y. Language Policy and Official Ideology in Early Republican Turkey// Middle Eastern Studies · November 2004 – pp.67-91.
3. Силичев Д.А. Ф. де Соссюр и современная философия//Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. Сб. статей. Сер. «Теория и история языкознания». Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. - Редкол.: Кузнецов В.Г. (отв. ред.), Опарина Е.О., Ромашко С.А. М., 2008. - С.84-115.
4. Hottois G. Pour une métaphilosophie du langage. – P., 1981. – 168 p.
5. Studies in the economic history of the Middle East from the rise of Islam to the present day / edited by M. A. Cook. London University Press, Oxford U. P. 1970,
6. Aydingün A., Aydingün İ. The role of language in the formation of Turkish National Identity and Turkishness// Nationalism and Ethnic Politics, 10:3, 2010. – pp. 415-432.
7. Lethaus F., Kaul R. Cognitive factor forming an individual constituent in a driver model inferred from multiplicative relationships between cognitive sub-factors [Электронный ресурс] – URL: <https://arxiv.org/abs/2108.06397> (Дата обращения: 27.02.2022).
8. Lehto, J.E., Juujdrvi, P., Kooistra, L. & Pulkkinen, L. (2003). Dimensions of executive functioning: evidence from children. British Journal of Developmental Psychology, 21, 2003. – pp.59-80
9. Burke K. A Grammar of Motives. – University of California Press, 1969 – 530 с.
10. Гийом Г. Мышление и язык [Электронный ресурс] – URL:<http://www.vispir.narod.ru/gijom.htm> . (Дата обращения: 15.02.2022).
11. Анкерсмит, ф. Нарративная логика / Ф. Анкерсмит. – М. : Идея – Пресс, 2003. – 360 с.

12. Алифанова О. Г. Когнитивная модель нарратопорождения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. - Иркутск, 2010. - No 1 (9). - С. 92 - 97.
13. Spencer-Brown G. Laws of form. N.Y., 1969. - 300 p.
14. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / А.Ю. Антоновский; Рос. акад. наук, Ин-т философии. - М. : ИФ-РАН, 2007. - 135 с.
15. Введение в топологические пространства. Программирование конечных топологий на Java [Электронный ресурс] - URL: <https://habr.com/ru/post/248659/> 04.02.2022
16. Barton B., Lichtenberk F., Reilly I. The Language of Topology: A Turkish Case Study [Электронный ресурс] - URL: <https://www.math.auckland.ac.nz/Events/2006/ICEM-3/2.Prez%20Given/Prez%20given%20papers/BartonAlii> (Дата обращения: 25.02.2022).
17. Hacisalihoglu, H., Hacıyev, A., Kalantarov, V., Sabuncuoglu, A., Brown, L. M., Ibikli, E., & Brown, S. Matematik Terimleri SoEzluEgEu, Ankara: Hacettepe University, 2000.
18. Simavoryan A. Media Cooperation of Turkic Speaking States [Электронный ресурс] - URL: <https://orbeli.am/en/post/271/2019-09-10/Media+Cooperation+of+Turkic+Speaking+States> (Дата обращения: 27.02.2022).
19. Turkish vs Turkic - What's the difference? [Электронный ресурс] - URL: <https://wikidiff.com/turkish/turkic> (Дата обращения: 16.02.2022)
20. What is the difference between Turk, Turkish and Turkic? [Электронный ресурс] - URL: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-Turk-Turkish-and-Turkic> (Дата обращения: 16.02.2022)
21. Difference between Physical and Logical Topology <https://www.geeksforgeeks.org/difference-between-physical-and-logical-topology/> 19.02.2022
22. Аникин Д.В., Халина Н.В., Савина М.В., Мариничева А.В. Пивкина Н.Н. П-семантика русского языка в фокусе скремблинга // Мир науки, культуры, образования. № 3 (88) 2021. - С.542-545.
23. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Москва, 1988; Выпуск 23. - С. 52 - 92.
24. Ямилов Р.М. Русский мир vs англосаксонский мир: вопросы, возможности, стратегия. Гуманитарные научные исследования. 2015; № 3. Available at: <http://human.snauka.ru/2015/03/9753>
25. Щедровицкий П. Русский мир и Транснациональное русское // Русский журнал: [Электронный ресурс]. - URL :http://old.russ.ru/politics/meta/20000302_schedr.html (опубликовано 2 марта 2000).
26. Яркова Н.А. Социально-философский анализ концепта «русский мир». Автореф. на соиск. уч. степ. к.ф.н. – Красноярск, 2014. – 24 с.
27. Халина Н.В., Аникин Д.В., Савина М.В., Мариничева А.В. Пивкина Н.Н. Русский мир в русском романе XXI века с позиций когнитивной стилистики // Мир науки, культуры, образования. № 3 (88) 2021. – С. 607-611.

Евгений Геннадьевич Проскурин

Алтайский государственный технический университет

им. И.И. Ползунова

Россия, Барнаул

Валерия Сергеевна Белоусова

ООО «Руспром»

Россия, Барнаул

Наталья Васильевна Халина

Алтайский государственный университет

Россия, Барнаул

МЕДИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О ТЮРКСКОМ МИРЕ В ЭЛЕКТРОННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация. В статье исследуются проблемы медиальной семантики. Новые среды функционирования знаковых систем, формируемые новыми медиа, сделали актуальной средой взаимодействия означающего и означаемого медийный контент. Одной из форм описания его функционирования стала медиасемантика. Исследования в направлении медиасемантики обращены к интеграции семантических технологий и технологических процессов производства и распределения цифрового контента. Предлагается краткий обзор основного содержания этого направления с акцентуацией базовой – знаньево́й – позиции: знание через процедуры производства и рекомбинации, управляя данными и информацией, участвуют в создании семантических и семиотических циклов при последовательном принятии решений. Навигация в медийном пространстве – пространстве электронных СМИ и новостных потоков – требует навыков принятия решений относительно а) коннективности, соединяющей означающее и означаемое; б) селекции актуального блока смыслов; в) селекции актуального ситуационно-коммуникативного значения; г) конфигурации формы и смыслового контента медийного знака. Обстоятельства интернет навигации делают актуальной рассматриваемую в статье медиальную семантику, имеющую дело с конфигурацией значений и смыслов, обеспечивающей коннекции ментальных актов и их коммуникативных экспликаций в медийном пространстве. Оптимальным способом семантического исследования контента признаются онтологии, указывающие на означаемое – «подразумеваемое» – и обозначенное формальными терминами, и создаваемые по мере ассоциирования (соотнесения) терминов с контентом, который пользователями интернета создается или потребляется. Построение онтологий относится к области компьютерной лингвистики Text Mining. В данной работе анализировался англоязычный медийный контент, структурируемый семантическими узлами (или контент-коннекциями) *the Organization of Turkic States, The Turkic world, the Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council)*.

Ключевые слова: семантическое знание, сигнификация контента, онтология, Тюркский мир, Тюркский совет, Организация тюркоговорящих стран, Text Mining, лингвистическая онтология, context engineering.

Evgeni Proskurin

Altai State Technical University
n. a. I.I. Polzunov

Valeria Belousova

LTD "Rusprom"

Russia, Barnaul

Natalia Khalina

Altai State University

Russia, Barnaul

MEDIAL SEMANTICS: FORMATION OF SEMANTIC KNOWLEDGE ABOUT THE TURKIC WORLD IN ELECTRONIC ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

Abstract. The article examines the problems of medial semantics. New environments for the functioning of sign systems, formed by new media, have made media content an actual medium of interaction between the signifier and the signified. Media semantics has become one of the forms of describing its functioning. Research in the direction of media semantics is focused on the integration of semantic technologies and technological processes for the production and distribution of digital content. A brief overview of the main content of this direction is offered with an accentuation of the basic - knowledge - position: knowledge through production and recombination procedures, managing data and information, participates in the creation of semantic and semiotic cycles in sequential decision-making. Navigation in the media space - the space of electronic media and news streams - requires decision-making skills regarding a) connectivity connecting the signifier and the signified; b) selection of the actual block of meanings; c) selection of the actual situational and communicative meaning; d) . configuration of the form and semantic contour of the media sign. The circumstances of Internet navigation make the medial semantics considered in the article relevant, dealing with the configuration of meanings and meanings that provide connections of mental acts and their communicative explications in the media space. The optimal way of semantic content research is recognized as ontologies that point to the signified - "implied" - and denoted by formal terms, created as the terms are associated (correlated) with the content that Internet users create or consume. The construction of ontologies belongs to the field of computational linguistics Text Mining. In this paper, the English-language media content structured by semantic nodes (or content connections) was analyzed the Organization of Turkic States, The Turkic world, the Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council).

Keywords: semantic knowledge, content signification, ontology, Turkic world, Turkic Council, Organization of Turkic-speaking Countries, Text Mining, linguistic ontology, context engineering

Событийный текст современной истории и векторы развертывания исторического процесса формируется медиадискурсом, отражающим и проектирующим альянсы коннективности, определяемые а) «внешним» прочтением ментального дискурса альянса и б) «внутренним» сбалансированным прочтением интенций участника или потенциального актора через систему лингвистических трансакций [1]. Лингвистические трансакции представляют собой семиотический процесс взаимодействия метаданных и семантических технологий в процессе производства, оформления и «доставки» знания потребителю медийного контента.

Медиа как система средств коммуникации отличаются символическостью [2] : пользователь-читатель медиа осуществляет навигации по символическому контенту прожитого, продуманного и высказанного, преодолевая границы смыслов значений. Символический аспект медиа поддерживается медиальным характером языка – тотальностью «слабо связанных элементов, допускающих почти любую конфигурацию, благодаря наложению самых разнообразных форм (предложений, идиом, общих мест, грамматических правил» [3, с.117].

Упорядочение массивов данных (преобразование в линейные последовательности переживаний) осуществляется через наложение на возможности восприятия форм и дифференциаций, которые поддерживают существование коннективности (подсоединимости, смыслового характера) переживаний: «.. именно медиальность восприятия, т.е. возможность его разных конфигураций, делает возможным общую свободу коннекции ментальных актов и их коммуникативных экспликаций» [3, с.118]. Конфигурация значений и смыслов, обеспечивающая коннекции ментальных актов и их коммуникативных экспликаций, в том числе, в медийном пространстве рассматривается нами в качестве *медиальной семантики*.

Лев Манович, анализируя язык современных медиа, обращает внимание на эстетику навигации, свойственную медийным паттернам, иллюстрирующим потенциал современных медиа [4]. В эстетике навигации новых медиа повествование и время приравниваются прогрессии через уровни слов, движению в трехмерном пространстве, в процессе которого потребитель медийного контента получает возможность управлять сюжетом, подобно тому, как в древних формах повествования сюжет управляется пространственным движением главного героя.

В данной статье анализируется навигационный алгоритм взаимодействия с англоязычным медийным контентом, структурируемый семантическими узлами, или контент-коннекциями, *the Organization of Turkic States, The Turkic world, the Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council)*.

Исследование семантики медийного контента, создаваемого мультимедийного контента и приложений преимущественно осуществляется в рамках медиасемантики и сосредоточено на аспектах преодоления семантического разрыва – отсутствия совпадения между информацией, которую можно извлечь из визуальных данных, и интерпретацией данных для пользователя в определенной ситуации.

Взаимодействие пользователя с медийным контентом зависит от уровня его знаний и умения «прочитывать» текстовые значения, при взаимодействии со знаниями читателя образующие содержательные конфигурации, актуальные для его аксиологии. При этом под аксиологией следует понимать ценности, организованные в системы и выступающие как ценностные таксономии [5]. «Ценности, входящие в некоторую аксиологию, являются виртуальными и

возникают в результате семиотического членения коллективного семантического мира (универсума); тем самым они принадлежат к уровню глубинных семиотических структур. Выступая как содержание идеологической модели, они актуализируются и берутся на вооружение S - индивидуальным или коллективным - который модализируется⁵ как «хотеть - быть», а затем как «хотеть - делать» [5, с. 496].

«Чтение» медийного текста, или расположения S себя в знаньевом потоке, интеграция с информационным контентом, переход из модальности «хотеть - быть» в модальность «хотеть - делать» возможен в процессе преодоления семантических «разрывов» между знаньевым потенциалом и смысловым ресурсом контента.

Вернер Гаас, Вернер Байлер, Микаэль Гаузенблас [6], работая в дискурсе медиа семантики, отмечают, что стандартные методологии описания и поиска контента (изображения, видео или музыкального произведения) основаны на текстовых технологиях «копилках» (“piggy-back”), ориентированных на работу с метаданными. Текст и метаданные могут вводиться вручную, получаться с помощью оптического распознавания символов (OCR) или автоматического распознавания речи (ASR). Методы поиска контента изображений извлекают смысл непосредственно из мультимедийных объектов.

Определение значения, или установление соотношения означаемого и означающего, в речевом потоке и информационном (мультимедийном) потоке различаются, что обусловлено, в том числе, и разницей семиотической природы того и другого. В семиотике Ч. Пирса и семиологии Ф. де Соссюра, как полагает А.Ю. Антоновский, [3] всякая реальность рассматривалась как мыслимая и доступная исключительно в форме знаков. Пирс вводит понятие реитирации, которое обозначает возникновение реальности или переработку однажды использованных знаков (tokens). Отношения абсолютной произвольности в семиологии Ф. Соссюра, свободы означающего относительно своего означающего, по мнению А.Ю. Антоновского, объясняются тем, что «некоторое означающее может быть определено лишь посредством другого означающего, а не средствами сопровождающего означаемого (или смысла означающего).

Отношение между знаками - это всегда отношение между участниками коммуникации, но хотя переработка информации в ходе коммуникации непременно осуществляется, по меньшей мере, двумя сознаниями (или личностными системами), данные системы сознания лишь исчисляют - всегда внешние для сознания - уже установившиеся алгоритмы взаимодействия знаков, т.е. устойчивые отношения между знаками, между прошлыми и возможными в будущем выражениями, так что эти отношения получают собственную логику и историю, не совпадающую с историей и логикой констелляций переживаний в системах сознания» [3, с. 102]. Интенция остается ненаблюдаемой, получая возможность выражения в виде используемого в коммуникации знака, т. е. в виде некоторого означающего. Именно означающие - коммуникативные вклады - , а не интенции участников коммуникации, определяют друг друга.

⁵ Термин «модализация» означает в системе авторов данного словаря процесс придания модальности в отличие модельности как результата; таким образом, высказывание-результат характеризуется «модальностью», а высказывание-процесс (акт высказывания) - модализацией

Коммуникативные вклады в мультимедийных потоках в медиасемантике оцениваются по нескольким направлениям, в соответствии с несколькими подходам: Low-level feature based, Model-based, Semantic Web, Hybrid [6]. Современные медиасемантические исследования (исследования медиасемантики) ориентированы на рассмотрение семантических технологий организации контента и технологических процессов производства и распределения цифрового контента, актуального в медиа. Основной вопрос-задача, который требует ответа-решения: «Каким образом могут использоваться семантические технологии совместно со стандартными медиа метаданными для того, чтобы создать контент?». Вернер Гаас, Вернер Байлер, Микаэль Гаузенблас в своем исследовании стремятся показать то, как можно обеспечить совместимость метаданных через использование семантических Web-технологий для интеграции стандартов мультимедийных метаданных. Том Грубер [6], оценивая значимость использования онтологий для семантической сети в качестве вспомогательной технологии, обращает внимание на то, что онтологии позволяют указать на то, что подразумевается под формальными терминами, используемыми в данных, которые они могут генерировать или потреблять. Онтологии соотносятся также с народной экономикой, зарождающимся феноменом социальной сети, выступая в качестве элемента процесса производства и потребления знания. Онтологии создаются по мере того, как люди ассоциируют термины с контентом, который они создают или потребляют.

При анализе медиасемантики в качестве актуального аспекта рассматривается перемещение от одного знаниевого блока к другому, или навигация по знаниям, имеющим отношение к кросс-медийным кампаниям. В качестве ключевых целей исследования сбора данных с помощью программы MediaCampaign выделяются: 1) создание модели знаний для семантического описания кампаний в средствах массовой информации; 2) идентификация и отслеживание новых медийных кампаний в различных СМИ; 3) моделирование онтологий, специфичных для предметной области, которые связывают медийные кампании в разных СМИ и странах.

В данной работе знаниевые навигационные процессы в Интернет среде рассматриваются на материале электронных англоязычных медиа, описывающих медиальный феномен «Тюркский мир» и сопряженные с ним понятия «Организация тюркских государств», «Тюркский совет», или «Совет взаимодействия тюркоговорящих государств».

Конструирование медиального объекта, предполагает не только взаимодействие контента и знаниевого ресурса его потребителя, но и достижение определенного экономического (можно предположить, и политического) эффекта на основе учета текстового восприятия новой информации. Так, Израэль Сантос Фелипе, Уэсли Мендес-Да-Сильва и Кристиан Чавэс Гаттаз [7], проводя семантический анализ медиа по программе краудфандинговых исследований, пришли к выводу, что исследование СМИ может объяснить связь между текстовым восприятием новостей и динамикой распространения краудфандинговых инвестиций: текстовые восприятия могут быть использованы в качестве финансового инструмента для снижения подверженности риску. Анализ содержания новостей СМИ осуществлялся с помощью NLP (Natural language processing) – обработки естественного языка. Метод NLP позволяет вычлениить этапы формирования убеждения/высказывания в процессе перемещения с одного уровня

текста на другой (см. рис. 1). Фактически рассматриваемые навигационные этапы, с одной стороны, уже и есть знаниевая навигация, с другой стороны, движение к определению границ высказывания, требует знаний семантических и формальных ограничений, которые определяют особенности функционирования единицы в естественном языке.

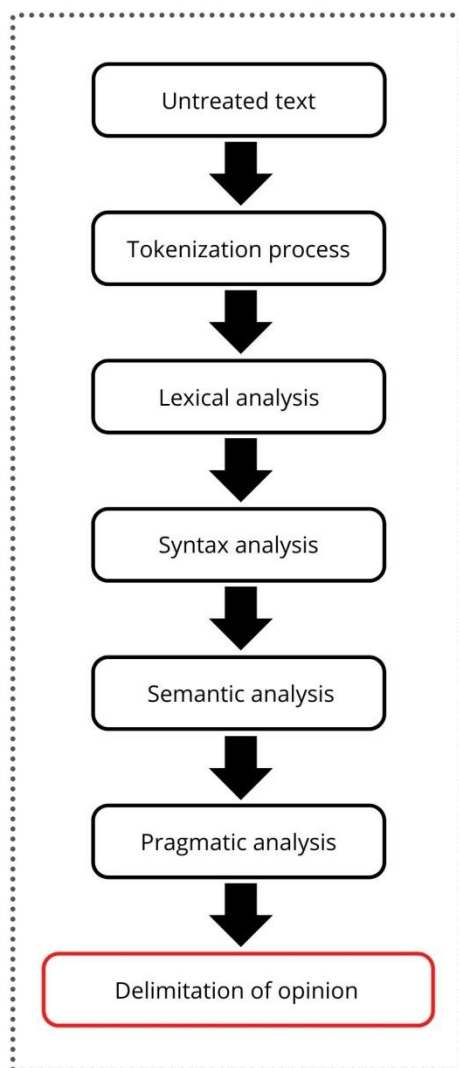

Рис. 1. Модель обработки естественного языка в тексте СМИ [7]

На первом этапе осуществляется маркирование (токенизация) необработанного текста, т.е. определение начальной и конечной позиции каждой структуры анализируемых слов. Второй этап – лексическая процедура, связанная с анализом морфологических отношений слов и их отбором для формирования корпуса. Третий шаг – синтаксический анализ, отвечающий за диагностику сочетаний слов через исследование структуры представленной информации. Четвертый шаг – семантический анализ, отслеживающий содержание слов, полных предложений и выражений в определенном контексте. На этом этапе происходит преобразование сигналов в значения. Пятый шаг – прагматический анализ, который

определяет параметры высказывания, соответствующего данной ситуации: определение границ высказывания. Из этой процедуры вытекает определение мнения по конкретному предложению или контексту. В полном объеме «навигация» по тексту, завершающаяся экспликацией высказывания, графически оформляется в виде перемещения с одного текстового уровня на другой, от одного принципа переработки знания к другому.

С позиций NLP *the Organization of Turkic States, The Turkic world, the Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council)* можно рассматривать в качестве токенов – идентификаторов виртуальной аксиологии, принадлежащей к глубинному уровню и возникающей, оформляющейся в результате семиотического членения коллективного семантического мира (универсума X).

Знания могут являться прямым следствием согласования эмпирических данных конкретной области и результирующей информации, которые собираются, обрабатываются, совместно используются, повторно используются и распространяются в динамичном, непрерывном, циклическом и обратном процессе, направленном на консолидацию определенного типа знаний, что придает особую познавательную ценность принимаемым решениям [8]. Знания рассматриваются Иво Пьероцци Младшим, Патрицией Роха Белло Бертин, Кладиа Де ла Мачадо и Алесандрой Родригас да Сальва [8] в качестве любого решения или практического ответа на конкретный запрос или проблему.

Основой построения знаний являются данные и информация, наличие которых влияет на принятие решений. Общая программа управления знаниями (неявно включающая процессы управления данными и информацией) необходима для организации процесса принятия решений. Подобная программа направляет производство или рекомбинацию знаний для использования или повторного использования при последовательном принятии решений – создании циклов.

Текстовые репрезентации семантических узлов (или контент-коннекций) *the Organization of Turkic States, The Turkic world, the Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council)* рассматриваются нами в качестве структурных элементов контекстного инжиниринга, составляющего основу медиасемантического менеджмента, по функциям сопоставимого с организационным менеджментом, мотивированным и мотивирующим принятие решений (см. рис.2).

Рис. 2. Представление данных, информации и знания в организационном менеджменте в процессе принятия решений [8]

Процесс принятия решений – результат ознакомления пользователя с медийным контентом и его обработки по модели NLP. «Организационный менеджмент», в нашем случае, медийносемантический менеджмент – оформление контента с целью формирования у пользователя мнения, необходимого создателю ('заказчику') контента.

Иво Пьероцци Младшим, Патрицией Роха Белло Бертин, Кладиа Де ла Мачадо и Алесандрой Родригас да Сальва, рассматривая в переносном смысле данные, информацию и знания, их единство определяют как квантовую триаду: в зависимости от точки наблюдения, то, что видимо – это интеллектуальная энергия (мысль, идея, когниция) , или, альтернативно, материальные вещи/сущности (документы и носители, печатные или цифровые), которые могут быть затем необходимым образом собраны, организованы, проанализированы, распространены, доступны и непрерывно использованы повторно, независимо от человеческого мозга. Концепция «жизненного цикла» данных, информации и знаний (DIK) стала многообещающим решением: «жизненные циклы» данных, информации и знаний могут быть использованы для поддержки циклического, непрерывного и обратного их представления.

Фундаментальная логика согласования жизненных циклов DIK, определяемая как «Мандала DIK» (см. рис. 3), представляет собой расширение существующих концепций DIK с целью согласования и уточнения фундаментальных процессов (генезис, создание, производство; организация; совместное использование; доступ и распространение; присвоение, валидация, оценка).

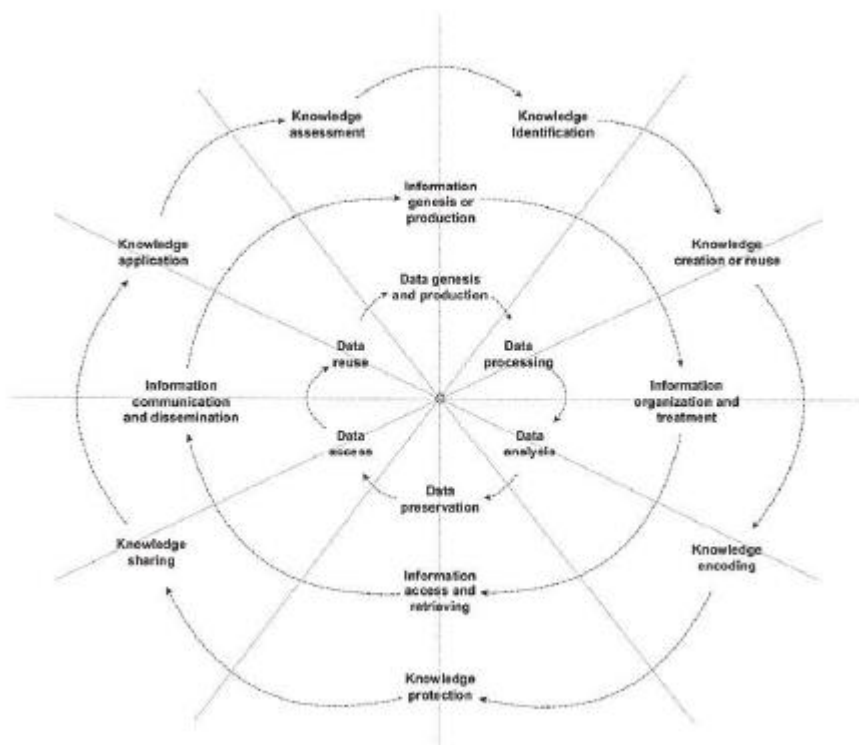

Рис.3. Мандала DIK (мандала данные-информация-знание) [8]

Особой частью информационно-знательного «жизненного цикла» «*Turkic Council*» является семантическое знание. Семантическое знание относится к общим знаниям и особенностям, составляющим концепции, которые люди приобрели и абстрагировали от своего опыта. С семантическими знаниями, также как и со словами, связаны понятия. Понятия состоят из семантических знаний. В качестве типов семантического знания выделяются: декларативное, процедурное, условное, стратегическое [9] Декларативное знание имеет дело с установками истинности (правдивости) и с тем, что мы знаем о мире, соотносится с маркером знания «что». Выделяется несколько уровней декларативного знания: 1) описание; 2) элементы времени; 3) процесс; 4) причинные отношения; 5) эпизоды; 6) генерализация; 7) принципы; 8) понятия. В описании знание организовано в качестве простых дескрипций людей, объектов, событий или идей. Уровень «элементы времени» означает, что жизненные события могут быть поняты в терминах времени; уровень «процесс» – многие активности человека должным образом организованы, что приводит к позитивным результатам. Уровень «причинные отношения» связан с информацией, которая объясняет причину и ее отношение к событию. Уровень «эпизоды» содержит знание следующего порядка: специфические события о специфических людях в специфической ситуации, которая каким-то образом влияет на специфическое значение с его причинами и эффектами. Уровень «генерализация» включает ориентацию на выводы, которые приобретаются и могут быть применены по отношению к определенному числу ситуаций. Уровень «принципы» включает положения генерализаций, которые выражают правила или отношения, существующие между или среди событий. Уровень «понятия» содержит общие простые слова, которые характеризуют категорию или класс людей, вещей, объектов или событий.

Процедурное знание – это знание того, как вещи сделаны; соотносится со знанием, «как» события или явления возникают. Условное знание – знание преимущественного времени и условия, в которых определенная информация используется; соотносится с «когда». Стратегическое знание помогает нам в организации процессов принятия решения через спецификацию этапов, которым необходимо следовать, чтобы в принятии решения.

Ядерным элементом типологии семантических знаний является стратегическое знание, связанное с принятием решений, которому предшествует анализ данных, информации и знаний, включенных в медийный контент «Тюркский мир». Оптимальным способом семантического исследования контента являются онтологии, поскольку они указывают на означаемое – «подразумеваемое» и обозначенное формальными терминами, а также создаются/оформляются по мере того, как люди ассоциируют термины с контентом, который они создают или потребляют.

Построение онтологий – некоторых семантических моделей текста – может быть отнесено к области компьютерной лингвистики, в частности, к такому ее направлению как Text Mining. Среди прочих задач, Text Mining решает задачу извлечения информации из текстов: «При решении этой задачи осуществляется выделение в тексте ЕЯ (*естественного языка – прим.*) определенных объектов – именованных сущностей (имен персоналий, географических названий, названий фирм и пр.), их отношений и связанных с ними событий. Как правило, это реализуется на основе частичного синтаксического анализа текста, позволяющего выполнять обработку больших массивов текстов, в частности, потоков новостей от информационных агентств. Выделенные данные тем или иным образом структурируются или визуализируются» [10, с.11].

Предлагаемая в настоящем исследовании лингвистическая онтология семантического пространства англоязычных текстов, посвященных событиям «тюркского мира», построена по следующему алгоритму.

1. Выявление ключевых единиц текста на основании частотного анализа. При выборе данного метода мы основываемся на предположении о том, что наиболее релевантные смыслу сообщения словоформы употребляются в тексте чаще других.

Анализ массива тексто

в осуществлялся при помощи ресурса «Istio» [11].

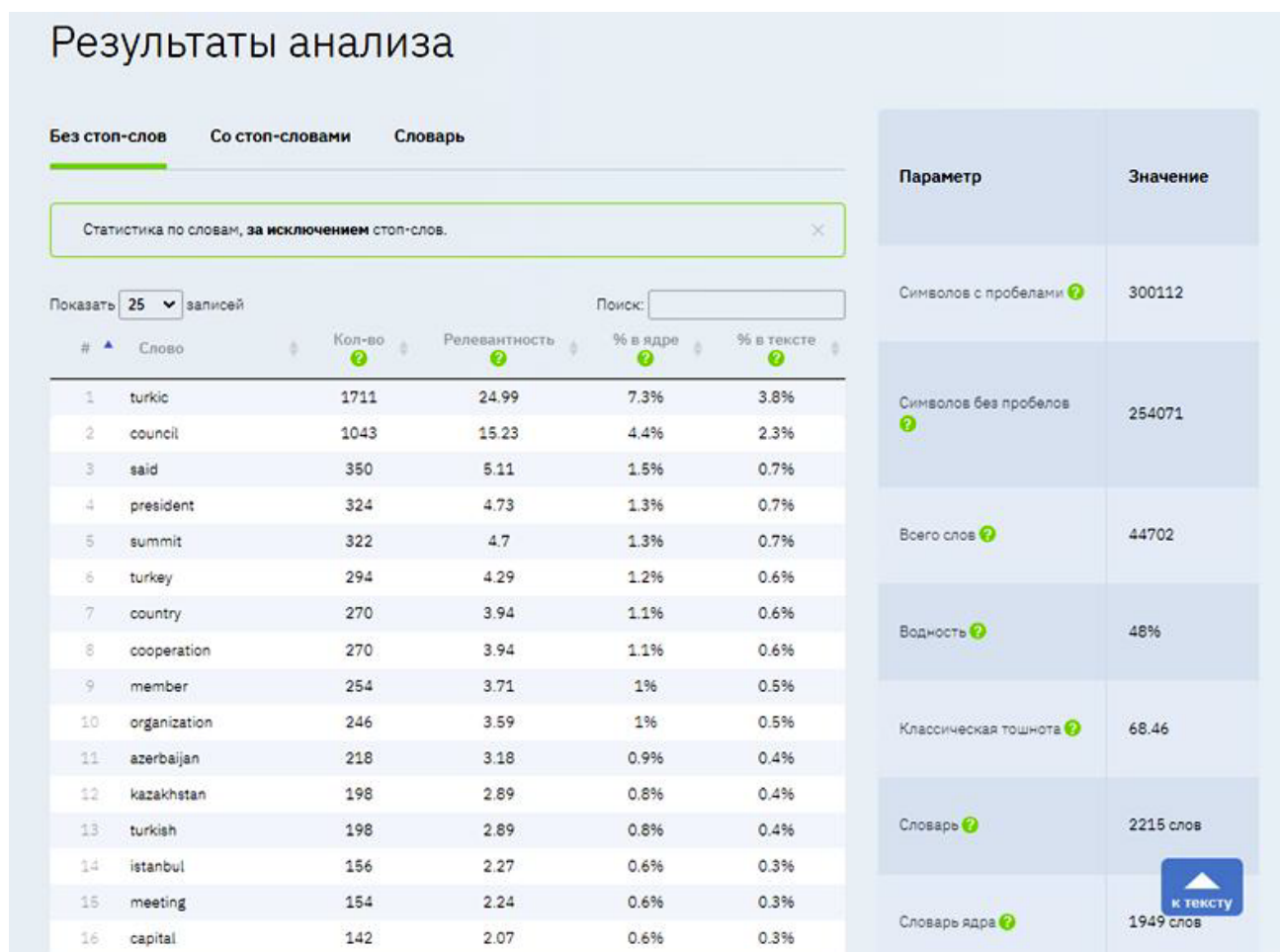

Рис. 4. Скриншот результатов анализа исследуемых текстов сервисом «Istio»

Объем единиц текста, включаемых в онтологию, определяется исследователем эмпирически. С одной стороны, их должно быть достаточно для репрезентации основных идей исследуемого массива текстов. С другой стороны, таких единиц не должно быть много: в противном случае на этапе визуализации граф будет перегружен и модель утратит наглядность.

Для настоящего исследования мы отобрали 13 наиболее частотных единиц текста: turkic, council, said, president, summit, Turkey, country, cooperation, member, organization, Azerbaijan, Kazakhstan, turkish.

На этом этапе исследования уже возможно провести предварительную кластеризацию полученных единиц текста. Обычно в процессе извлечения информации (Information Extraction) эксперты обращают внимание на 4 группы данных:

- значимые объекты (имена, бренды, наименования организаций и т.п.),
- их атрибуты (те или иные характеристики объектов),
- соотношения между объектами (а относится к b как..., а принадлежит b, а является частью и т.д)
- события или факты, объединяющие объекты.

Предварительно распределим полученные единицы по этим группам данных:

Объекты	Атрибуты	Соотношения	События/факты
---------	----------	-------------	---------------

council	turkic	Cooperation	said
president	turkish	Organization	
summit			
country			
member			
Azerbaijan			
Turkey			
Kazakhstan			

1. Установление отношений между единицами онтологии.

Установление связей между единицами онтологии осуществляется на основании общего для двух и более единиц контекста. «Под контекстом в настоящем исследовании понимается относительно законченный по смыслу отрезок текста» [12]. В качестве контекста может выступать как предложение, так и последовательность предложений или сверхфразовое единство. Сила связи между двумя элементами определяется частотностью такой связи: одинаковые связи между единицами считаются одной и той же связью, обладающей большей интенсивностью.

На данном этапе тексты обрабатываются без использования специального программного обеспечения, т.к. границы контекстов устанавливаются исследователем по смыслу.

2. **Визуализация полученной онтологии** семантического пространства англоязычных текстов, посвященных событиям «тюркского мира».

Для визуализации полученных результатов использовалось приложение «Gephi – 0.9.2» [13]. Программа оперирует с 2 типами объектов: узлы («nodes») и ребра («edges»). В качестве узлов онтологии выступают отобранные на 1-м этапе наиболее частотные единицы текстов. В качестве ребер – связи между этими единицами. Чем сильнее связь, тем больше толщина линии. Чем частотнее единица, тем крупнее маркер узла.

В результате мы получили приведенное ниже изображение (рис. 2).

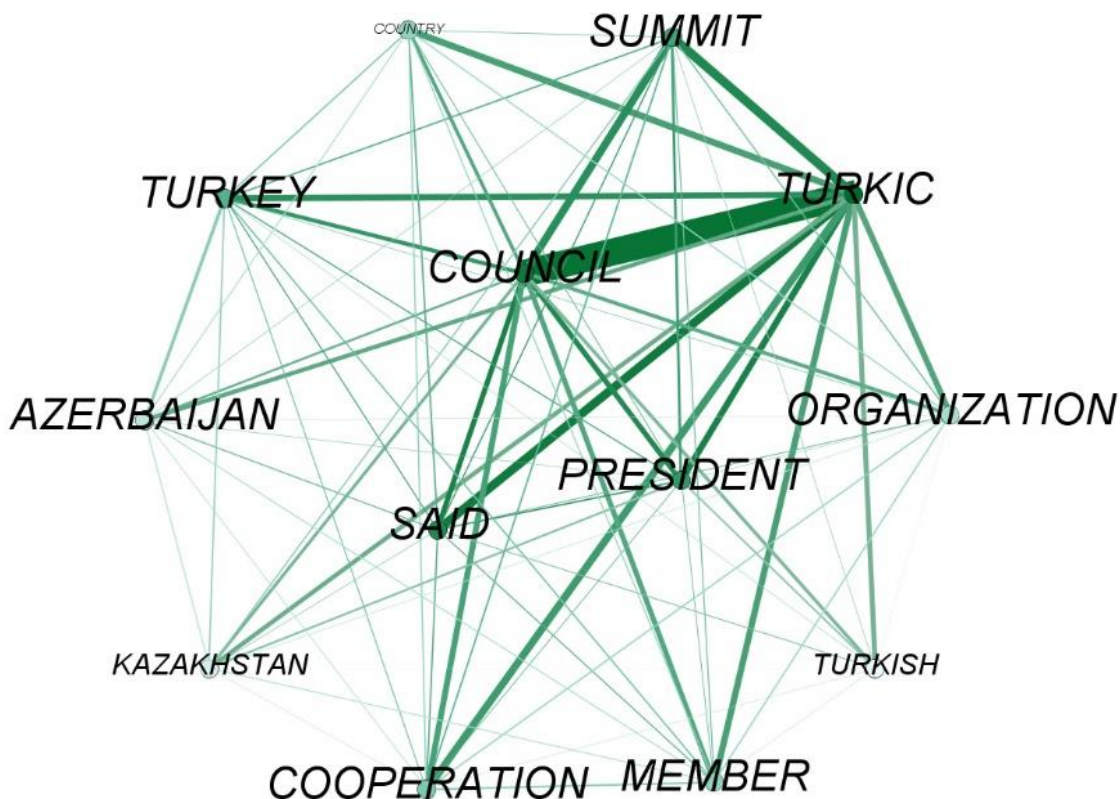

Рис. 5. Онтология семантического пространства англоязычных текстов, посвященных событиям «тюркского мира»

Полученная визуализация требует некоторых комментариев. Так, например, следует обратить внимание, на то, что центральной идеей семантического пространства англоязычного «тюркского текста» является идея консолидации, объединения государств тюркского мира. На это указывает наличие единиц «Cooperation», «Summit», «Member», «Organization», содержащих значение объединения частей в целое, совместного действия:

cooperation – «1: a situation in which people work together to do something».

Summit – «3: a meeting or series of meetings between the leaders of two or more governments».

Member – «2: one of the individuals composing a group <...> 4: a part of a whole».

Organization – «1: a company, business, club, etc., that is formed for a particular purpose».

Council – «1: an assembly or meeting for consultation, advice, or discussion

5a: a federation of or a central body uniting a group of organizations» [14].

Наиболее частотными единицами онтологии, образующими самую интенсивную связь, являются единицы «Turkic» и «Council». Они регулярно встречаются в тексте как словосочетание «Turkic Council» в значении 'Тюркский совет, Организация тюркских государств'. Однако объединение данных единиц в одну не представляется возможным, т.к. единицы «Turkic» и «Council» употребляются в тексте и отдельно друг от друга, в других словосочетаниях (например, *turkic world*», «*turkic script*», «*turkic countries*»).

Помимо единиц «Turkic» и «Council» в ядро онтологии входят также единицы «Said», «President», «Summit», «Turkey». Представим этот сегмент отдельно:

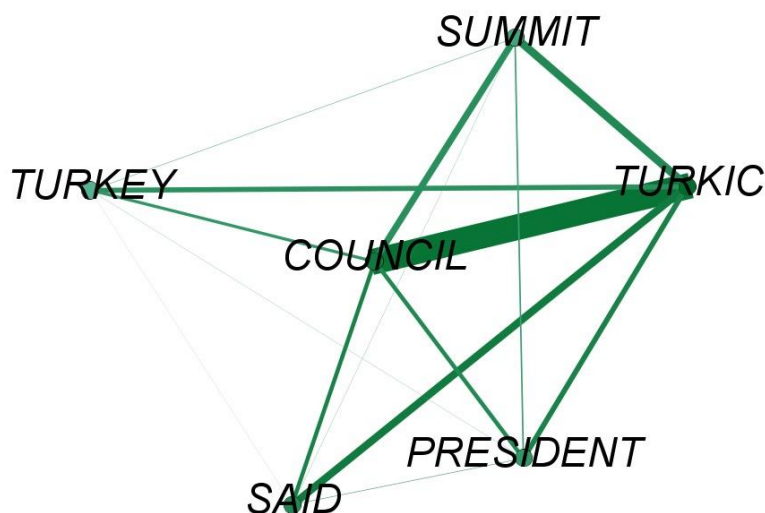

Рис. 6. Ядро онтологии семантического пространства англоязычных текстов, посвященных событиям «тюркского мира»

Обратим внимание, что в этом сегменте представлена единица «Turkey», обозначающая одну из стран-участниц союза. Наряду с единицей «Turkey» в онтологию вошли также единицы «Azerbaijan» и «Kazakhstan» - видимо, эти три государства принимают наиболее активное участие в деятельности «Тюркского совета», однако же большее количество связей образует именно единица «Turkey».

«Said» - единственная единица в ядре онтологии, обозначающая действие, и это действие - речевое. Самые сильные связи единица «Said» имеет с единицами «Turkic» и «Council».

Обобщая описание графического представления онтологии, заметим, что для дискурса англоязычных статей о тюркском мире значимым является сообщение о его консолидации при помощи надгосударственной организации («Turkic», «Council»), в рамках которой происходят собрания («Summit»), где представители тюркоязычных стран («President») могут взаимодействовать («Said»), меняя ситуацию в «тюркском мире».

Созданная онтология определяет принципы семантического сегментирования контента «Тюркский мир», потребляемого S в процессе перехода из модальности «хотеть - быть» в модальность «хотеть - делать». Построенная онтология тождественна изотопии, развертывающей тематическое пространство текста *Turkic Speaking States (Turkic Council)*. Семантическая изотопия обеспечивает распределение смыслов в речевой цепи за счет наличия повторяющихся сем, будучи меняющимся элементом свершающегося события, выступая частью диалогического пространства текста, «когда в динамическом взаимодействии находятся сознания персонажей, повествователя, автора и читателя» [15]. А. -Ж. Греймас под изотопией понимает

«избыточную совокупность семантических категорий, которая позволяет единообразное прочтение нарратива путем разрешения многозначности отдельно прочитанных высказываний на основе поисков единообразного прочтения нарратива» [16, с.132]. С изотопией связана процедура прогнозирования в тексте возможности воспринимающего сознания предвидеть появление новых компонентов в семантической цепочке. Возможность планирования подобного предвидения схематично иллюстрируется онтологией.

Установление изотопии, как отмечает Л.П. Воскобойникова [17], зависит от многих факторов, в число которых входят энциклопедические знания читателя и социально кодированные нормы. Изотопии одного и того же текста характеризуется взаимопроникновением глубинных отношений и, как следствие, взаимодействием глубинных семиотических структур, отражая/формируя принципы семиотического членения коллективного семантического мира. Ф. Растье [18] вводит понятие «предчувствие изотопии», в соответствии с которым первоначально у читателя возникает ощущение наличия в тексте той или иной семантической линии. В соответствии с возникшим ощущением затем читатель «выстраивает ту или иную изотопию, относя к ней конкретные семемы текста» [17, с.365].

Ядро онтологии семантического пространства англоязычных текстов, посвященных событиям «тюркского мира» прогнозирует, задает «предчувствие» *Turkic World*, которое, вовлекая семантические знания потребителя контента в информационно-знаниевый жизненный цикл *Turkic Speaking States* должно выстроить изотопию OTS (*the Organization of Turkic States*).

Библиографический список

1. Халина Н.В., Пивкина Н.Н., Аникин Д.В., Валюлина Е.В., Жеребненко А.В. Медианавигационная культура: иранский код сигнификации в фокусе британского и российского диагезиса и арабской медиаэпистемологии // *Terra scimus* : сборник статей по итогам Транснациональной аналитической сессии «Алтай Медиа Форум: Алтайский медиабарометр» (7-8 апреля 2021, Барнаул) в рамках продолжения проведения «Перекрёстных годов России и Киргизии» (7-8 апреля 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С.37-50
2. Пастухов А.Г. О границах медиа: новые медиа и новая медийная культура // *Ученые записки Орловского государственного университета*. – №1 (64), – 2015.–. Vol. 1– С.182-188.
3. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / А.Ю. Антоновский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ-РАН, 2007. – 135 с.
4. Manovich L. *The Language of New Media*. MIT Press, 2001 - 354 p.
5. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // *Семиотика*. М., Радуга, 1980. – С.483-550
6. Haas W., Bailer W., Hausenblas M. *Media Semantics 2007*// *öGAI Journal* 26/1 [Электронный ресурс] - URL: https://www.joanneum.at/fileadmin/user_upload/oegai-mediasem07 (Дата обращения: 25.02.2022).

7. Felipe I. J. S., Mendes-Da-Silva W., Gattaz C. Ch. Crowdfunding research agenda: Semantic analysis of the media and geography of investments// Encyclopedia with semantic computing and robotic intelligence Vol. 2, No. 2- 2019 .
8. Pierozzi Junior I., Bertin P. R. B., De Laia Machado C., Rodrigues da Silva A. Towards Semantic Knowledge Maps Applications: Modelling the Ontological Nature of Data and Information Governance in a R&D Organization [Электронный ресурс] - URL: <https://www.intechopen.com/chapters/54628> (Дата обращения 25.02.2022).
9. Types of Semantic Knowledge [Электронный ресурс] - URL: <https://prezi.com/3mxsuyvpaq3t/types-of-semantic-knowledge/> (Дата обращения: 18.02.2022).
10. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных : учеб. пособие / Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. – 249 с.
11. «Istio» Режим доступа: <https://istio.com/text/analyz> (Дата обращения: 23.01.2022)
12. Белоусова В.С. Вербализация концептуального содержания современного университетского дискурса (на материале сайтов университетов Азиатско-Тихоокеанского региона): автореф. дисс... канд. филол. наук. / В.С. Белоусова. – Пермь. – 2018. – с.18
13. «Gephi – 0.9.2» Режим доступа: <https://gephi.org/> (Дата обращения : 27.01.2022).
14. Merriam-Webster – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения : 28.01.2022)
15. Филишова Е.В. Семантическая изотопия: определение понятия, основные точки зрения// [Электронный ресурс] - URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5148 (Дата обращения: 21.02.2022)
16. Греймас А. К интерпретации мифологического нарратива // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: Сб. ст. / Сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов.-М.: Наука, 1985.- С. 109-145
17. Воскобойникова Л.П. Интерпретация текста на основе понятия «изотопия»// Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. - С. 364-368.
18. Rastier F. Le développement du concept d'isotopie // Grandes recherches sémio-linguistiques. P.: Presses Univ. de France, 1981. – Vol. 3.- № 29. – Pp. 5-27.

Наталья Васильевна Халина
*Алтайский государственный университет,
Россия, Барнаул*

ТУРЕЦКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ФОРМЫ ТЕМПОРАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется турецкая лингвокультура в двух аспектах: 1) типологической характеристики ее базовой составляющей – турецкого языка и 2) темпорально-коммуникативных модификациях турецкого языка. Типологическая характеристика раскрывается через соотнесение с тюркскими языками и языками алтайской языковой семьи. Темпорально-коммуникативные модификации турецкого языка рассматриваются в их обусловленности: а) историей контактов и культурных взаимодействий (требованиями коммуникационного маркетинга), б) социолингвистическими факторами кодификации литературного языка (языковым менеджментом); в) миграционными процессами (участием турецкоговорящего населения в формировании европейского лингвистического ландшафта).

Ключевые слова: алтайская языковая семья, тюркские языки, турецкий язык, османский турецкий язык, турецкий немецкий язык.

Natalia Khalina
*Altai State University
Russia, Barnaul*

TURKISH LINGUISTIC CULTURE: TYPOLOGICAL LOCALIZATION AND FORMS OF TEMPORAL-COMMUNICATIVE ACTUALIZATION

Abstract. The article analyzes the Turkish linguistic culture in two aspects: 1) typological characterization of its basic component – the Turkish language and 2) temporal and communicative modifications of the Turkish language. The typological characterization is revealed through correlation with the Turkic languages and the languages of the Altai language family. Temporal and communicative modifications of the Turkish language are considered in their conditionality: a) the history of contacts and cultural interactions (requirements of communication marketing), b) sociolinguistic factors of codification of the literary language (language management); c) migration processes (participation of the Turkish-speaking population in the formation of the European linguistic landscape).

Keywords: Altai language family, Turkic languages, Turkish language, Ottoman Turkish language, Turkish German language

Турецкий язык принадлежит к алтайской группе урало-алтайской языковой семьи. К этой группе также принадлежат финский и венгерский языки. По территории распространения среди тюркских языков его относят к юго-западной,

или огузской, группе. Тюркские языки, среди которых тесно связанные между собой азербайджанский, казахский, киргизский, татарский, туркменский, уйгурский, узбекский, создают особый узор языкового ландшафта от Балкан до северо-западного Китая и Сибири. Часто к тюркским языкам относят монгольский и тунгусо-маньчжурский языки алтайской языковой семьи.

Сторонники алтайской гипотезы включают тюркские языки в алтайскую языковую семью (макросемью) вместе с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским языками [1]. В качестве одного из подтверждений лингвокультурной общности языковых систем выступает этимологическое тождество сельскохозяйственной терминологии, обнаруженное в алтайских, уральских, японском, а также языках Юго-Восточной Азии [2]:

«тюркское *suqı* «щекотать», татарское *сука-лау* «пахать» (ср. чувашское *суха*, русское *соха*), маньчжурское *сүхэ* «топор», японское *suk-* «пахать», «чесать», *suki* «лопата», «плуг», индонезийское *sungkal* «лемех»;

тюркское *бър* «просо», японское *pije* «куриное просо», корейское *пхи* «просо», *цоу* (на Тайване) *fnesn* «очищенный рис (или просо)»;

тюркское *арпа* «ячмень», мари *арва* «мякина», японское *ара* «чумиза», тагальское *ара* «шелуха зерна» (ср. корейское *аль* «зерно», «икринка»);

тюркское *сайтир* «репа» (ср. русское *кабачок*), японское *kabi* «репа», тагальское *kabuti* «гриб», индонезийское *gambas* «кабачок» (дескриптивное слово, название дано по округлой форме);

татарское *иген* «хлеба», коми *ид* «ячмень», японское *ine/ina* «рис (на корню)», корейское *и-* «рисовый»,

тагальское *hinog* «спелый», илокано *innarou* «сваренный рис» (ср. индонезийское *idjo* «покупать рис на корню»;

тюркское *күтдӛ* «лепешка, выпекаемая в золе», японское *күтц* «рис в зерне (очищенный)», вьетнамское *сӛт* «вареный рис»;

тувинское *куду-рук* «хвост», «охвостье» (остатки от обработки зерна), японское *kudak* «разбивать», *kudu* «отбросы», «отходы», удмуртское *кыд* «отруби», «шелуха», тагальское *kud kod* «растирание в порошок», «помол»;

тюркское *budyai*, монгольское *buhudai*, маньчжурское *мучжи* «ячмень», нанайское *муди* «овес» (ср. тагальское *tunggo* «бобы»), японское *tugi* «злаки», корейское *миль* «пшеница» [2].

Н.А. Сыромятников отмечает общие черты алтайских (в том числе, тюркских) и уральских языков с малайско-полинезийскими: отсутствие грамматических родов и стечения согласных в начале и исходе слов, полисиллабичность. Исследователь обнаружил сходные морфемы в алтайских и малайско-полинезийских языках:

«тюркское *arqıŋ* «караван», «говец», монгольское *alqum* «шаг», японское *aruk-/arik-* «ходить», финское *jalka* «нога», индонезийское *arak* «шествие»;

тюркское *ба-ү* «вязанка», мари маклака «полено», венгерское *maglya* «костер», древнеяпонское *та-кп* «хорошая древесина» (современное японское «дрова»), индонезийское *bakar* «жечь»;

тюркское *burın* «прежде», «раньше», удмуртское *пересь* «старый», ненецкое *пуромзь* «ржаветь», древнеяпонское *puru-* «старый» (о вещах), индонезийское *purba* «старинный»;

чувашское *kyrāk* «трава»: «растение», монгольское *kuši* «карликовый кедр», финнское *kasvi* «растение»: *kuusi* «ель», японское *kusa* «трава»: *kusu* «камфарное дерево»: *kusuri* «лекарство», индонезийское *kusa, kuskus* – виды трав;

турецкое *kil* «волосы» (не на голове), монгольское *qilga-sun*, эвенкийское *килага-хун* «конский волос», эвенкийское *кела-ман* «ресница», корейское *кальги* «грива», тагальское *killang, kilay* «бровь»;

тюркское *karnıca*, эвенкийское *ипи-кта/па-кта*, индонезийское *karengga* «муравей»;

тюркское *bit*, чувашское *nım* «лицо», японское *pitapi* «лоб», индонезийское *pelipis* «висок»;

тюркское *bas-* «давить», японское *pasi* «палочки (для еды)», индонезийское *pasak* «деревянный гвоздь», «стержень» [2].

Классификация тюркских языков, как считает Н.А. Баскаков [3], представляет собой периодизацию истории развития тюркских народов и тюркских языков во всем многообразии последовательно возникавших и распадавшихся сначала мелких родовых объединений первобытно-родового общинного строя, а затем крупных племенных объединений. Племенные объединения, «имея общее историческое происхождение, создавали на определенный период в развитии этих племен общности, различные по составу племен, а, следовательно, и различные общности племенных языков. В результате последовательного объединения и распада племен и образовались более крупные объединения народов и языков, а, вместе с тем, и группы внутри тюркских же языков, которые в своих истоках имеют общие по происхождению и типологии языки, вместе с тем различающиеся ныне в результате сложного исторического процесса, взаимодействия и разобщения этих языков» [3, с. 123].

Единая тюркская группа языков имела не только схождения, исторически представляющие собой явления более древнего взаимодействия языков, но и расхождения, обусловленные различными связями тюркских языков и их скрещиванием с другими языками, отличавшими этапы объединения и распада племен и союзов. Яркой иллюстрацией подобных процессов является история турецкого языка.

Датой создания турецкого языка считается XIII век. Именно этим веком датируется появление первых стихотворных строк на турецком языке. Период XIV-XV вв. определяются как период феодальной раздробленности, когда при владениях феодалов появлялись первые очаги турецкой письменности и культуры, «возделываемые», в том числе, проходящими с персидскими караванами переводчиками и привносящими элементы персидской языковой культуры в турецкий коммуникативный дискурс. В середине XV века Турция становится Османской империей. Осада столицы Византийской империи Константинополя армией османского султана Мехмеда II 29 мая 1453 года завершилась захватом города османской армией: падение Константинополя ознаменовало уничтожение Восточной Римской, или Византийской, империи. Османская империя известна завоевательскими походами, самым ценными трофеями в которых считались рукописи, переводимые на турецкий язык. В XV веке в турецком языке появляются заимствования из итальянского языка. Возможно, это связано с завоеванием в 1475 году османскими войсками под командованием Гедик Ахмед-паши и включением в

состав Османского государства генуэзских владений в Крыму. В это же время появляются в турецком языке заимствования из греческого языка.

В XVI веке создаются первые арабо-персидские и персидско-турецкие словари, первая грамматика турецкого языка, фактически тюркская по своей структуре, в отличие от лексики, изобиловавшей заимствованиями.

Четыре века существования турецкой коммуникативной культуры в интегрированном арабо-персидском семантическом континууме завершаются в 20-30 гг. XX века реформами турецкой языковой системы, связанными, прежде всего, с заменой иноязычных слов словами исконно турецкими. Параллельно с изъятием из обращения арабо-персидского лексикона происходит заимствование слов из европейских языков, в первую очередь, из французского языка. В 1932 году создается «Турецкое лингвистическое общество» («Türk Dil Kurumu») [4], в задачи которого входит ретюркизация и модернизация турецкого языка. Важной вехой реформ становится реформа турецкого алфавита, первый проект которой был создан азербайджанским ученым и литератором Мирзой Фатали Ахундовым [5]. В 1928 году меджлисом был принят закон о введении нового алфавита. В 1932 учреждено Общество по изучению турецкого языка. Над реформированием алфавита работали учёные: Ахмед Вефик-паша, Эбу-з-Зия Тевфик и Шемсеттин Сами [6].

Исследователи рекомендуют разграничивать понятия «турецкий язык», относящийся к языку Турции, и понятие тюркские языки, относящееся ко всем тюркским языкам. За короткое время, турки расселились на обширной территории, принеся с собой свой язык [7]. Население, говорящее на турецком языке, занимало территории, начиная от сегодняшней Монголии до северного побережья Черного моря, Балкан, Восточной Европы, Анатолии, Ирака и области на севере Африки. Турецкий стал родным языком людей, которые жили в областях, находящихся под властью Османской империи. Так, в Болгарии живет более миллиона туркоговорящих, приблизительно 50.000 туркоговорящих – в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Азербайджане. Турецкий язык является одним из официальных языков на Кипре, наряду с греческим: на нем говорит как на родном языке 19 процентов населения, преимущественно в северных областях. В Болгарии, Македонии и Греции проживает более 1,5 млн. туркоговорящих, и более 2,5 млн. туркоговорящих живут в Германии. Около 40.000 турков живет в США.

В настоящее время создается новая медийная история интегративного союза тюркоговорящих государств (см. рис.1), в которой растворяется история реформ турецкой семиотической языковой системы и коммуникативная история тюркоговорящих этносов. В целом исследователями выделяется три этапа исторического развития турецкого языка: 1) развитие турецкого языка до 16 века; 2) развитие турецкого языка в 16-20 вв.; 3) развитие турецкого языка в 20 в. Более детализирована история османского турецкого языка.

В социальном и прагматическом смысле было три варианта османского турецкого языка [8]:

- *Fasih Türkçe* (красноречивый турецкий): язык поэзии и управления, османский турецкий в строгом смысле слова;
- *Orta Türkçe* (среднетурецкий): язык высших сословий и ремесел;
- *Kaba Türkçe* (Грубый турецкий): язык низших классов.

Каждая разновидность языка использовалась для различных коммуникативных целей: писец будет использовать арабское слово *асель* (عسل) для

обозначения меда при написании документа, но при его покупке прозвучит турецкое слово *бал*. Вариант *Fasih Türkçe* (*фасих*) наиболее насыщен арабскими и персидскими словами, *Каба Тюркче* (*каба*) отличается наличием наименьшего числа арабских и персидских заимствований.

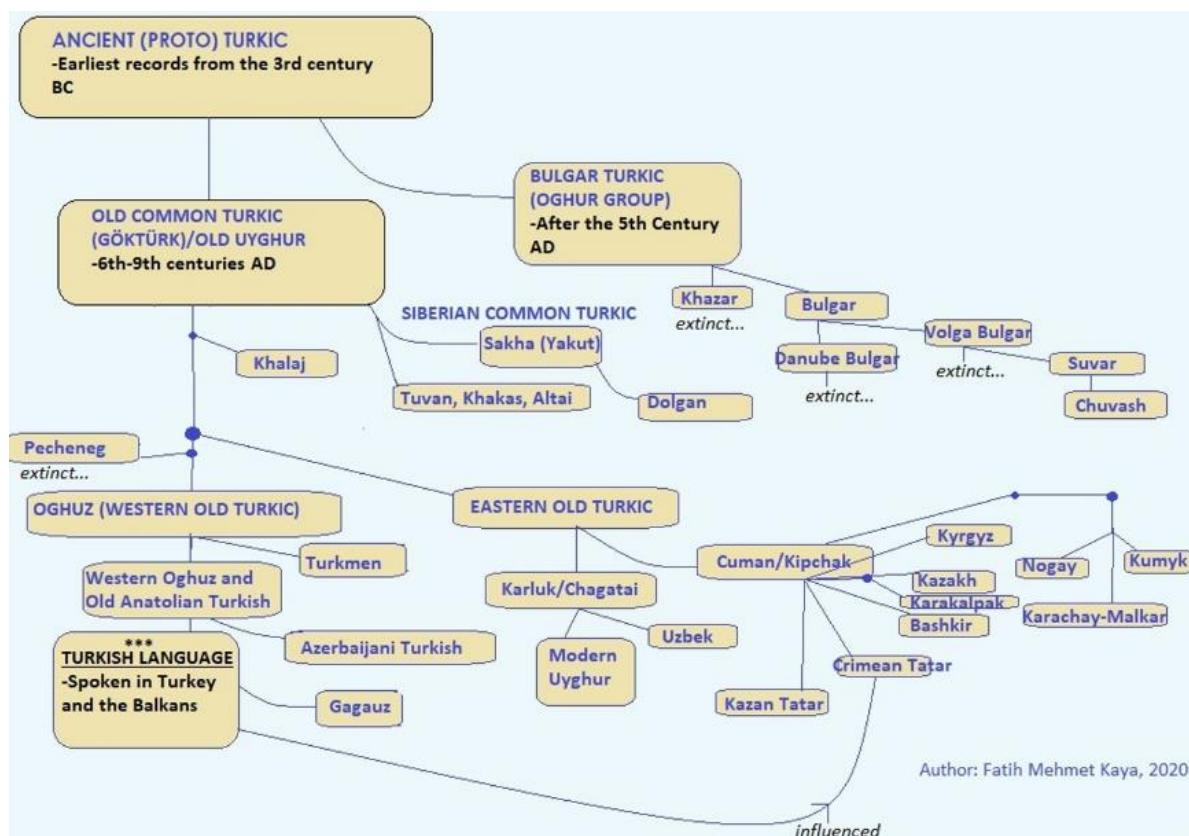

Рис. 1. Карта понимания коннективности турецкого и тюркских языков 2020 года⁶

История трансформаций османского турецкого языка распадается на три эпохи: *Eski Osmanlı Türkçesi* (древнеосманский турецкий язык); *Orta Osmanlı Türkçesi* (среднеосманский тюркский) или *Klasik Osmanlıca* (классический османский турецкий язык); *Yeni Osmanlı Türkçesi* (Новый Османский тюркский)/ *Eski Osmanlı Türkçesi* представляет собой вариант османского турецкого языка, который использовался до XVI века. Этот вариант языка, часто признаваемый в качестве части *Eski Anadolu Türkçesi* (древнеанатолийского тюркского), идентичен турецкому, применявшемуся империей сельджуков и анатолийскими бейликами. *Orta Osmanlı Türkçesi* или *Klasik Osmanlıca* – классический османский турецкий язык поэзии и управления с XVI века до Танзимата⁷, вариант османского турецкого языка, к которому носителя турецкой

⁶ Насколько тюркские языки взаимно понятны? [Электронный ресурс] – URL: <https://turkulan.readymaker.ru/materials/%D0%92%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%B0>

⁷ ТАНЗИМАТ (тур. *tanzimat*, от араб. «упорядочение»), принятое в литературе название реформ в Османской империи и периода их проведения (1839–76). Впервые освещены франц. учёным Э. Энгельгардтом, труд которого лёг в основу всей последующей историографии и периодизации Танзимата.

лингвокультуры отсылает его языковое сознание. Новый османский тюркский - вариант турецкого языка, оформившийся в период с 1850-х до XX века под влиянием журналистики (в современной терминологии языка СМИ (или языка медиа) и западной литературы.

Османский турецкий язык (Ottoman Turkish language) находился под сильным влиянием арабского и персидского языков: многочисленные заимствования из арабского и персидского языков затрудняли распознавание оригинальных турецких слов [9]. Как отмечает Коркут Багдэй, в османском языке можно найти целые отрывки на арабском и персидском языках, включенные в текст [9]. Особенностью турецкого знаньевого трансфера из арабской и персидской культуры были не только масштабные лексические заимствования, но и значительные заимствования грамматических систем персидского и арабского языков. Как и в большинстве тюркских языков исламских общин, арабские заимствования пришли не в результате прямого контакта османского турецкого языка с арабским языком, а через персидский язык. Подтверждением этого является типично персидская фонологическая мутация слов арабского языка: "The Arabic words in Turkish have all decidedly come through a Persian channel. I can hardly think of an exception, except in quite late days, when Arabic words have been used in Turkish in a different sense from that borne by them in Persian."⁸ [10, p. 46].

Сукру Ханноглу в работе «Краткая история поздней Османской империи» пишет о турецком языке: "It employed a predominant Turkish syntax, but was heavily influenced by Persian and (initially through Persian) Arabic"⁹ [11, p.34].

Пьер А. Маккей размышляет о большом вкладе арабского языка в лексикон османского турецкого языка через персидский язык: "The immense Arabic contribution to the lexicon of Ottoman Turkish came rather through Persian than directly, and the sound of Arabic words in Persian syntax would be far more familiar to a Turkish ear than correct Arabic"¹⁰[12, pp. 193–195]

Носители османского турецкого языка в письменной коммуникации использовали османский турецкий алфавит (*Элифба* الفبا), в качестве связанных скриптов с которым рассматриваются египетские иероглифы, прото-синайский, финикийский, арамейский сирийский, набатейский, арабский, персидский скрипты (см. рис.1).

Представители низшего класса и сельские турки использовали *kaba Türkçe* («грубый / вульгарный турецкий язык») в силу непонятности для этой части населения османского турецкого языка. *Kaba Türkçe*, содержащий гораздо меньше заимствований из арабского и персидского языков, стал основой современного стандарта турецкого языка [13].

⁸ :« Все арабские слова в турецком языке явно пришли через персидский канал. Я вряд ли могу придумать исключение, если не брать в расчет довольно поздние времена, когда арабские слова использовались в турецком языке в другом смысле, чем тот, который они носили в персидском языке».

⁹ «Он использовал преобладающий турецкий синтаксис, но находился под сильным влиянием персидского и (первоначально через персидский) арабского языка».

¹⁰ «Огромный вклад арабского языка в лексикон османского турецкого языка был сделан скорее через персидский язык, чем напрямую, и звучание арабских слов в персидском синтаксисе будет гораздо более знакомый турецкому уху, чем правильный арабский язык ".

В эпоху Танзимата термин «османский» применялся в отношении языка (عثمانی *lisân-ı Osmânî* или عثمانلیجه *Osmanlıca*) [14]. Эти же термины (*Osmanlıca* и *Osmanlı Türkçesi*) используются в современном турецком при анализе языка этой эпохи. В более общем смысле турецкий язык назывался *ترکجه* *Türkçe* или *ترکی* *Türkî* «турецкий». Во время пика османского могущества (ок. XVI век.) заимствованные слова по составу превосходили исконную турецкую лексику. В турецкой литературе: арабский и персидский словарный запас составлял до 88% османского словаря в некоторых текстах [15].

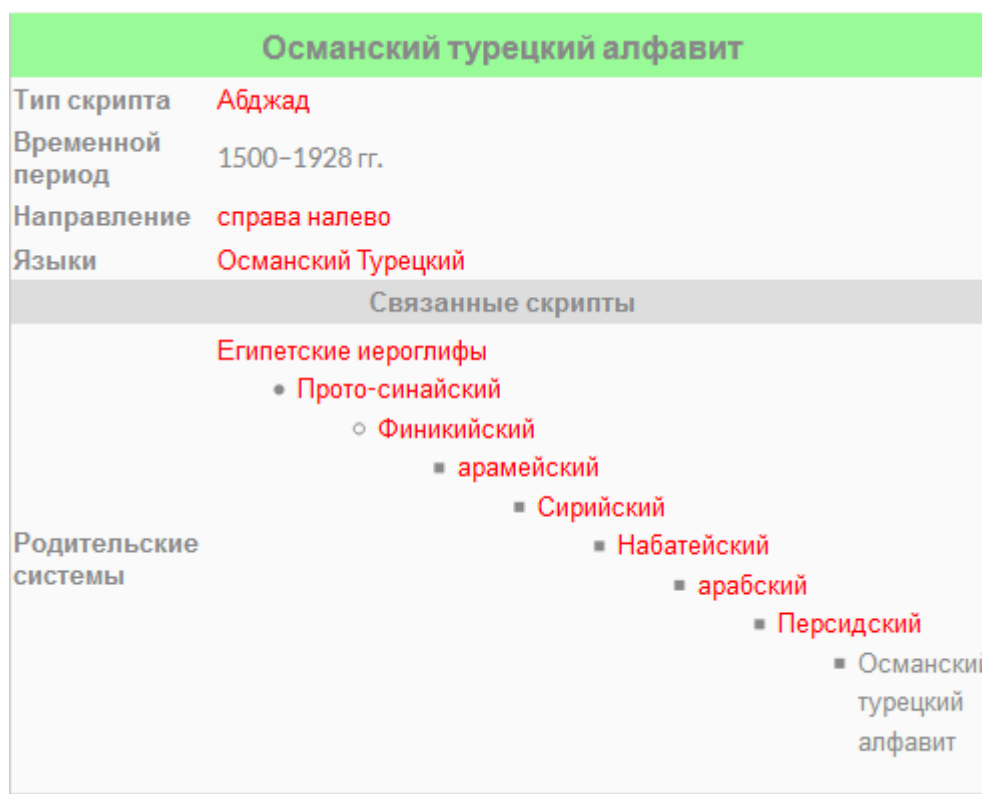

Рис. 2. Скрипты, связанные с османским турецким алфавитом

В османском турецком языке использовались восточно-арабские цифры (см. Таблица № 1). Как в арабском и персидском языках, тексты османско-турецкого алфавита пишутся справа налево. Внешний вид буквы меняется в зависимости от ее положения в слове:

- изолированные (однобуквенным словом);
- final (в этом случае он присоединяется справа к предыдущей букве);
- медиальный (соединен с двух сторон); и
- начальная (присоединенная слева к следующей букве).

Некоторые буквы не могут быть соединены слева и поэтому не имеют отдельных медиальной и начальной форм. В медиальном положении используется окончательная форма. В исходном положении используется изолированная форма.

В 1862 году, во время раннего периода реформ, государственный деятель Мехмед Тахир Мунуф Паша высказал идею о реформе алфавита, которая в начале XX века была поддержана писателями, связанными с движением «Младотурки» (*Jön Türkler* или *Genç Türkler*), выступавшем за замену абсолютной монархии Османской

империи конституционным правительством. В числе этих писателей был Хусейн Кахит, Абдулла Джевдет и Челал Нури [16].

Вопрос реформы алфавита приобрел актуальность в 1923 году, во время проведения Измирского экономического конгресса (*İzmir İktisat Kongresi*) в Измире (Турция), вскоре после окончания Турецкой войны за независимость и в промежутке между двумя конференциями, которые привели к Лозаннскому договору в том же году. Второй экономический конгресс с явными отсылками к первому и под тем же названием был проведен в 1981 году, после государственного переворота (*Turkish coup d'état*) в 1980.

Таблица № 1

Основные кардинальные цифры с написанием в современном турецком алфавите ¹¹

Арабская форма	Число	Османский турецкий	Современный турецкий
٠	0	صفر	<i>sıfır</i>
١	1	بر	<i>bir</i>
٢	2	ایکی	<i>iki</i>
٣	3	اوچ	<i>üç</i>
٤	4	دورت	<i>dört</i>
٥	5	بش	<i>beş</i>
٦	6	التي	<i>altı</i>
٧	7	یدی	<i>yedi</i>
٨	8	سکیز	<i>sekiz</i>
٩	9	طوقوز	<i>dokuz</i>
١٠	10	اون	<i>on</i>

Третий конгресс, названный Экономическим конгрессом Турции (*Economic Congress of Turkey*), был проведен в 2004 году под эгидой Турецкой Государственной Организацией планирования (*T.C. Başbakanlık Devlet Planlama Teşkilatı*). Вопрос о замене алфавита, вошедший в повестку дня первого Измирского экономического конгресса новой Турецкой Республики, вызвал к жизни общественную дискуссию, обостренную двумя причинами: 1) отказ от арабской письменности был неприемлем для подвижников религиозной идеологии; 2) принятие латинского алфавита за основу письменной коммуникации прогнозировало отдаление Турции от широкого исламского мира и замену традиционного священного сообщества «иностранный» (европейской) концепцией национальной идентичности.

Ускорению решения этой коммуникативной задачи способствовал переход в 1926 году тюркских республик Советского Союза на латинскую графику, давший

¹¹Ottoman Alphabet https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1f008b93-61f776bc-ca6d9e68-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Ottoman_Turkish_alphabet

мощный толчок реформаторам в Турции. В 1928 году османско-турецкое письмо было трансформировано на основе латинского алфавита в рамках реформы турецкого языка с целью идеологического обоснования национальной идеи турецкого государства, начатой Мустафой Кемалем Ататюрком. Использование нового турецкого алфавита стало обязательным с 1929 года во всех общественных коммуникациях [17].

В начале 1930-х годов была выдвинута задача создания *öz Türkçe* ('чистый турецкий'), языка, лишённого всех арабских и персидских производных и содержащего слова только турецкого происхождения [18]. Иностранные заимствования в Османской Турции рассматривались как единицы, выражающие состояния духа старого царства и, следовательно, лишённые «утонченности», которая была необходима для выражения новой национальной идеологии Турции. Только новый – 'очищенный' – турецкий язык мог соответствовать этике и эстетике западничества и постмодернизма. Таким образом, турецкий язык, закрепляясь в качестве не только языка коммуникации, но и метаязыка – языка, призванного описывать когницию и когнитивные процессы турка, получает под свое управление определенную территорию, потенциальную деривационную базу, по философским установлениям модернизма – 'открытый текст без автора' – Анатолию (от греч. *ἀνατολή* – восход (солнца), восток), или Малую Азию (греч. *Μικρά Ασία*), составляющую 97% территории Турции.

Деривационный потенциал территории в лингвистическом плане раскрылся в конце шестидесятых – начале семидесятых XX века, отмеченных усилением позиций турецкого языка в свете новой волны его распространения. Причиной последнего, по мнению исследователей Тилбургского университета и Университета Люмьер Лион 2, стали экономические мотивы: турки распространились по всему миру в разных направлениях, унося с собой свой язык [19]. Так, в Нидерландах турки являются крупнейшим меньшинством (около 250 000 человек). Во Франции столько же турецких иммигрантов (250 000), что составляет 5,5% от всех иммигрантов. В Австралии насчитывается около 90 000 жителей турецкого происхождения. В Нидерландах и Франции проводились и проводятся исследования влияния турецкого языка на языки новых территорий, им осваиваемых [20, 21, 22, 23, 24, 25, 26].

Исследователи Тилбургского университета и Университета Люмьер Лион 2 также проанализировали функционирование турецкого языка в разных языковых (этнических) контекстах с целью выявления «мест», или позиций, где язык наиболее «проницаем», на уровне лексики или синтаксиса. Это достаточно интересная проблема языкового менеджмента, связанная с прояснением механизма проникновения стандартных выражений и процедур (коммуникативных схем поведения) из одного языка в другой. В рассматриваемом случае производилось сравнение турецкого языка билингов с турецким языком одноязычных турецкоговорящих, в ходе которого выявлялись особенности а) обусловленные языковыми контактами и б) обусловленные процессом приобретения языковых знаний.

Миграции турецкоговорящего населения в Германию и Нидерланды привели к оформлению турецкого немецкого и турецкого нидерландского языков. Турецкий язык признается вторым языком Германии [27]. Второе и третье поколения турак обычно говорят по-турецки с немецким акцентом и даже с влиянием немецких

диалектов. В некоторых землях Германии турецкий даже официально утвержден в списке предметов для сдачи при окончании школы. Во многих немецких школах предоставляется возможность изучать турецкий как иностранный.

При исследовании ситуаций с языковыми контактами в иммигрантских общинах, сформировавшихся с 1960-х годов в Германии и других страны Европы, ученые начинали с изучения так называемого пиджина первого поколения иммигрантов, за которым последовали более поздние исследования языка иммигрантов второго и последующих поколений [28]. Один из выводов, к которому пришли исследователи: речь в турецкоговорящих общинах, представляющих по составу крупнейший в Германии анклав иммигрантского населения, более сложна по структуре, чем этнолект. Э. Карлок и В. Вельк рассматривают этнолект как языковой субстрат определенной этнической группы [29]. И. Дирим под этнолектом понимает форму проявления языка, которая ассоциируется с представителями определенной этнической группы [30]. Этнолект представляет собой своеобразный результат языкового и социально-культурного контакта людей, принадлежащих к различным этническим группам и проживающих на одной территории. С позиций языкового менеджмента и учетом турецкой языковой политики 30-ых гг. XX века, можно высказать предположение, что турецкие лингвисты работали над особой формой языка, которая по своим характеристикам к концу столетия была определена как этнолект (различные этнические группы, проживающие на одной территории, должны были использовать вновь созданный 'очищенный' язык).

Этнолекты используются в многоязычных культурных пространствах, в Германии именуемых *Kulturräume*, которые сами жители этих территорий называют «иностранными гетто» (нем. *Ausländer-Ghetto*) [31]. Определяющим признаком этнолекта выступает этничность говорящих, по сравнению с диалектом и социолектом, где определяющими являются территориальный и социальные признаки [32]. О турецкости как основном признаке нации пишут Айзегуль Айдингюн и Измаил Айдингюн [33], отмечая, что основным фактором, сформировавшим турецкость, стал язык, дополненный конфессиональной реформой (отделением церкви от государства) и борьбой с неграмотностью, которая должна была решить главную социально-политическую проблему – проблему интеллектуального неравенства, дисбаланса интеллектуального капитала, существующего между народными массами и интеллектуалами. Фактически турецкость есть результат интеграции языкового менеджмента и *knowledge management*.

Двухязычное молодое поколение турецких мигрантов в немецкоязычном пространстве сформировало этнолект, вариант немецкого языка *Kanak Sprak* [34]. В 1995 году турецко-немецкий писатель Феридун Займоглу (*Feridun Zaimoğlu*) популяризировал термин *Kanak Sprak* («канакская речь» ('*Kanak speech*') для языка, на котором говорят турецкие иммигранты в Германии. Примерно в то же время *Kanak Sprak* как этнолект начал стилизоваться в средствах массовой информации [34. 35].

Kanake - уничижительный термин для именованя иммигрантов южно-европейского или ближневосточного происхождения, особенно для обозначения немцев-турок. Как в академическом дискурсе, так и в средствах массовой информации язык, на котором говорят члены этого сообщества, упоминается как канакский спрак, тюркский (иш)-немецкий или тюркенсланг, *Kanak Sprak*,

Türk(isch)-Deutsch or Türkenslang. Некоторые называют его этнолектом, в то время как другие считают его креолизированной версией немецкого языка, на котором говорят мигранты первого поколения Гастарбайтердойч (Гастарбайтер-немец), Gastarbeiterdeutsch (Guestworker-German). Kanak Sprak имеет другие названия Ghettosprache ('язык гетто'), Türkenslang ('сленг турок'), Türkendeutsch ('турецкий немецкий язык').

Исследователи [34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41] отследили специфику «жизненного цикла» турецко-немецкого языка, обязательным элементом которого стало «медиа продвижение» - стилизация этой формы языка в средствах массовой информации с последующим «возвращением» в поп-культуру. Бренна Рейнхарт Бьярд изучает, каким образом и почему этнолектные стилизации принимаются основными средствами массовой информации в качестве аутентичных и как стереотипы групп иммигрантов, в частности турко-немцев, «увечковечиваются» с помощью этих этнолектных стилизаций [29].

Представители турецкого иммигрантского сообщества в Германии в языковом плане интегрируются с носителями турецкого, арабского, курдского, в том числе, немецкого в контексте мультиэтнoлекта Kiezdeutsch, являющегося альтернативным языковым вариантом для немецкой молодежи, помогающим ей выходить за границы этнического гетто [42].

Турецко-немецкий язык возможно рассматривать в качестве гибридного языка [43]. Н.В. Халина и Я.В. Торov приходят к выводу, что со временем некоторые изменные черты идиолектов становятся базой для их превращения в языки коммуникации, а сами идеолекты - базой для эволюции языка, которую, в случае с гибридизацией языка, можно связать с мутацией генетических структур коммуникации, или задаваемых речевым актом комплексами референций [43]. В качестве новых условий, определяющих правила селекции новых смыслов, авторы полагают миграционные процессы, которые приводят к мутации генетических структур коммуникации. Новые гибридные единицы - фенотипические образования, обуславливающие вариативность генетических комплексов.

В Нидерландах язык турок, проходя фазу гибридизации, подразделяется на две разновидности NL-Turkish и TR-Turkish [44]. NL-Turkish - язык Turkish spoken, живущих в Нидерландах, TR-Turkish - язык Turkish spoken в Турции. «Обычно заимствуются немецкие комплексы, например, examen doen 'exam do', которые литературно переводятся на NL-Turkish (sınav yapmak 'exam do') и немецкий язык выступает в качестве донора. Численность турецкой общины составляет 2 % всего населения, что позволяет признавать ее самой большой эмигрантской общиной в Нидерландах. TR-Turkish до сих пор признается нормативным и TR-Turkish speakers (обычно семейные пары) используют ролевые модели, принятые в языке в пределах общины. В ситуациях контакта NL-Turkish заимствует лингвистические элементы из немецкого языка. При контакте с немецким языком NL-Turkish главным образом меняется через заимствование литературных переводов немецких конструкций, которые осознаются TR-Turkish speakers как неконвенциональные» [43, с. 48].

Айзегуль Айдингюн и Исмаил Айдингюн [33] пишут о том, что турецкая интеллигенция узаконила и модернизировала язык, на котором в основном говорили, и решила перестроить его таким образом, чтобы его можно было использовать в качестве инструмента для создания национальных настроений и мобилизации людей вокруг определенного идеала.

Значимой в популяризации новой турецкой языковой политики стала статья Омара Сейфеттина «Новый язык», в которой подчеркивалась значимость национального языка для укрепления национальной солидарности и содействия развитию национальной литературы: «Turks can maintain their sovereignty only by vigorous and serious progress, and progress depends upon the dissemination and spread of knowledge, science and literature among us all. What is necessary for the publication and circulation of these is a national and popular language. If there is no language that is national and natural, knowledge, science, and literature will remain as an incomprehensible riddle, just as they are today. Let us abandon that old and ornamented language, that Turkish language of yesterday, created by five centuries of irrationality and oddity. Let us write our spoken Turkish, which will be alive with its foundations, principles, and rules» [45, p. 120].

Библиографический список

1. Байтасов Р.Р. Тюркские языки: проблема родства с алтайскими, малайско-полинезийскими, индоевропейскими и некоторыми другими языками Евразии // Проблемы современной науки и образования. 4(22) . 2014.– С. 40-64
2. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык / Н.А. Сыромятников. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. –176с.
3. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XI. Вып. 2. – М., 1952. – С. 121 –134
4. Яфарова Г. Реформа турецкого языка и ее отражение на страницах журнала «Хаят» (1926–1929). Вестник СПбГУ. Сер. 13. – 2015. – Вып. 3. – С.61-67.
5. Canpolat M. Arap Yazılı Türk Alfabesinin Gelişimi. Harf Devriminin 50. Yılı Sempozyumu. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1991. – S. 49–60
6. Турецкий алфавит [Электронный ресурс] – URL: <http://aturkey.ru/20140130323/turtsciya/obschie-svedeniya/turetsckii-alfavit.html>
История турецкой письменности <https://www.languages-study.com/turkce-alphabet.html>(Дата обращения: 04.02.2022)
7. Турецкий язык – справка [Электронный ресурс] – URL: https://flight-attendant.ru/r_turkish/ (Дата обращения: 04.02.2022)
8. Ottoman Turkish language [Электронный ресурс] – URL: https://hmong.ru/wiki/Ottoman_Turkish_31.01.2022
9. Door Korkut Bugday. An Introduction to Literary Ottoman. Routledge, 2014.
10. Original letters and papers of the late Viscount Strangford upon philological and kindred subjects by Strangford, Percy Ellen Frederick William Symthe, Viscount, 1826-1869; Strangford, Emily Anne Beaufort Smythe, Viscountess, d. 1887 https://archive.org/details/originallettersp00strarich_20/02/2022/1878
11. Sukru M. A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton: Princeton University Press, 2008.
12. MacKay P. A. The Fountain at Hadji Mustapha Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens Vol. 36, No. 2 (Apr. - Jun., 1967). – pp. 193-195.

13. Misha G. The Balkans – Nationalism, War, and the Great Powers, 1804–1999. Penguin. 2001
14. Kerslake C. "Ottoman Turkish" // *Turkic Languages*. New York: Routledge. 1998.
15. Spuler B. [de]. *Persian Historiography & Geography* Pustaka Nasional Pte. Ltd, 2003.
16. Zürcher E. Jan. *Turkey: a modern history*. I.B.Tauris, 2004.
17. Kılavuzu Y., Derneği D., The writing guide of the Turkish language// *Nationalist Notes*, *TIME Magazine*, July 23, 1928. 2002.
18. Çolak Y. Language Policy and Official Ideology in Early Republican Turkey// *Middle Eastern Studies*, 40:6 2004 - pp. 67-91,
19. Aarssen J., Akinci M.-A., Yağmur K. Development of Clause Linkage in Narratives: a Comparison of Turkish Children in Australia, France, the Netherlands and Turkey// *Research on Child Language Acquisition: Proceedings of the 8th Conference of the International Association for the Study of Child Language*, 41-56. Somerville: Cascadilla Press, 2001 - pp. 41-56.
20. Boeschoten, H.E. Acquisition of Turkish by Immigrant Children. A Multiple Case Study of Turkish Children in the Netherlands Aged 4 to 6. (= *Turkologica* 6), Otto Harrassowitz, Wiesbaden. 1990.
21. Schaufeli, A. Turkish in an Immigrant Setting. A Comparative Study of the First Language of Monolingual and Bilingual Turkish Children, Ph.D. Dissertation, University of Amsterdam. 1991
22. Aarssen, J. Relating Events in Two Languages : Acquisition of Cohesive Devices by Turkish-Dutch Bilingual Children at School Age (= *Studies in Multilingualism* 2), Tilburg University Press, Tilburg. 1996.
23. Aarssen, J. & Backus, A. Turkish in the Netherlands, *TASG NEWS Newsletter of the Turkish Area Study Group* 49, 1999. - pp. 19-27.
24. Backus, A. Two in One: Bilingual Speech among Turkish Immigrants in the Netherlands (= *Studies in Multilingualism* 1), Tilburg University Press, Tilburg. 1996.
25. Akinci, M.-A. "Turkish Spoken by Bilingual Children in France: Mother Tongue and Weak Language?", *TASG NEWS Newsletter of the Turkish Area Study Group* 49, 1999b. - pp. 40-46
26. Akinci, M.-A. & Jisa, H. "Development of Turkish Clause Linkage in the Narrative texts of Turkish-French bilingual children in France" // *Studies on Turkish and Turkic Languages*. Otto Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000. - pp.317-324.
27. O'Reilly C. *Language, Ethnicity and the State: Minority languages in the European Union*, Palgrave Macmillan, 2001.
28. Byrd B. R. Media Representations of Turkish-German and Hip-Hop Language as a Uniform Ethnolect// *Texas Linguistic Forum* 53: Proceedings of the Seventeenth Annual Symposium About Language and Society - Austin April 10-11, 2009. - pp. 72-78.
29. Акулова М. Е. Этнолект и мультиэтнолект как продукты взаимодействия языковых систем (на примере немецкого языка)// *Международный научный журнал «Символ науки»*. - №4. -2016. - С. 177-179

30. Dirim I. Türkisch sprechen nicht nur die Türken. über die Unschdrfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland / I. Dirim, P. Auer. - Berlin: de Gruyter, 2004. - 245 S.
31. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik/ H. Löffler. - Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. - 246 S.
32. Aydıngün A., Aydıngün İ. The role of language in the formation of Turkish National Identity and Turkishness// Nationalism and Ethnic Politics, 10:3, 2010. - pp. 415-432.
33. Budach G. Diskurse und Praxis der Alphabetisierung von Erwachsenen im frankophonen Kanada / G. Budach. - Frankfurt: Peter Lang, 2003. - 352 S
34. Deppermann, A. Playing with the voice of the other: Stylized Kanaksprak inconversations among German // Style and social identities : alternative approaches to linguistic heterogeneity. New York: Mouton de Gruyter, 2007. - pp.325-360..
35. Androutsopoulos J. . From the streets to the screens and back again: on themediated diffusion of ethnolectal patterns in contemporary German. LAUD Linguistic Agency Nr. A522. 2001.
36. Androutsopoulos J. . Ultra korregd Alder! Zur medialen Stilisierung undPopularisierung von 'Türkendeutsch'. Linguistik-Server Essen. 2000.
37. Androutsopoulos J. Style online: Doing hip-hop on the German-speaking Web. //Style and social identities : alternative approaches to linguistic heterogeneity. New York: Mouton de Gruyter, 2007. - pp.279-320.
38. Androutsopoulos J. Language and the Three Spheres of Hip Hop // Global Linguistic Flows: Hip Hop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language. New York: Routledge, 2009. - pp. 43-62
39. Androutsopoulos J. & Scholz, A. Spaghetti Funk: Appropriations of Hip-HopCulture and Rap Music in Europe. Popular Music and Society 26(4), 2003 - pp. 463-479.
40. Auer P.. ‚Türkenslang‘: Ein jugendsprachlicher Ethnolect des Deutschen und seineTransformationen //Spracherwerb und Lebensalter. Kolloquium anlässlich des 60. Geburtstags von Harald Burger. Tübingen: Francke 2003. - pp.,255-264.
41. Coupland N. Style: language variation and identity. Cambridge: CambridgeUniversity Press. 2007.
42. Wiese H. Ein neuer Dialekt entsteht / H. Wiese. - München: CH Beck Verlag, 2006. - 280 S.
43. Халина Н.В. Торгов Я.В.Гибридизация языков как одна из особенностей языковой ситуации современной Европы// Международный научно-исследовательский журнал. No7(14) -2013. - Часть 4. - С. 47-49.
44. Doğruz Seza, Gries S. U. Spread of on-going changes in an immigrant languageTurkish in the Netherlands John Benjamins Publishing Company, 2012.
45. Bülent Varlık, 'Tanzimat ve Meşrutiyet Dergileri', in Tanzimat'tan Cumhuriyet'e Ansiklopedisi, (İstanbul: İletişim Yayınları, 1983. - Vol.1. - p.120.

Научное издание

Terra scimus

Выпуск IV

Современный ориентальный экзистенциализм: образовательный, лингвистический и медийный аспекты

Сборник трудов узбекистанских и российских исследователей

Публикуется в авторской редакции

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 01.03.2022.
Дата выхода издания в свет 09.03.2022.
Формат 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 16,96.
Тираж 200. Заказ № 70.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66